

ВЕРВЭНА / ИГОРЬ-СЪВЕРЯНИНЪ

СОБРАНИЕ ПОЭЗЪ

ТОМЪ XI

Est. A - 14694

А. Рихман

ИГОРЬ-СЪВЕРЯНИНЪ

ВЕРВЭНА

ПОЭЗЫ 1918—19 г.г.

ИЗД. „ОДАМЕСЬ“ А МСМХХ

Всѣ поэмы этого тома, за исключеніемъ помѣ-
ченныхъ 1918 г., написаны въ январѣ 1919 г., при
чемъ всѣ написаны въ Эстоніи, на курортѣ Тойла.
Поэма „Музѣ музыка“ написана въ Ревелѣ.

Est A

28307

21976326

I

ЖЕМЧУГЪ ПРИЛИВА

Интродукція

Вервэна, устрицы, луна и море,
Порабощенный пѣсней Демонъ —
Вотъ книги настоящей тема,
Чаруйной книги о Святомъ Аморѣ.

Она, качеляющая ваши грёзы,
Утонченныя и больныя,
Приобрѣтаетъ то льняные,
То вдругъ стальные струнные наркозы.

Всмотритесь пристальнѣе въ эти строки:
Въ нихъ — обрѣтенная утрата.
И если духъ дегенерата
Въ нихъ вѣтъ, помните : всему есть сроки...

Устрицы

О, замороженная льдомъ
Вы, подъ олуненнымъ лимономъ,
Своимъ мурнымъ морезвономъ
Заполонившія мой домъ,
Зеленоустрицы, — чей пискъ
И моря влажно-солевой запахъ —
Въ отбѣнкахъ всевозможныхъ самыхъ —
Вы, что воздвигли обелискъ
Изъ вашихъ раковинъ, — мой взоръ,
Взоръ вкуса моего обнищенъ:
Онъ больше вами не насыщенъ, —
Во рту растаялъ вашъ узоръ...

Припоминаю васъ съ трудомъ,
Готовый перерѣзать вены,
О, съ луннымъ запахомъ вервены
Вы, замороженная льдомъ!

Ликеръ изъ вервэны

Ликеръ изъ вервэны — грёзэрки ликеръ,
Какихъ не бываетъ на свѣтѣ,
Разставилъ тончайшія сѣти,
Въ которыя ловить эстетовъ — Аморъ
Искусно.

Луною наполненъ сомнамбуль фужеръ
И устричнымъ сердцемъ, и моремъ.
И тотъ, кто ликеромъ аморимъ,
Тому орхидейное нѣжить драже
Ротъ вкусно.

Уста и фужеръ сѣтью струнь сплетены,
При каждомъ глоткѣ чуть звенящихъ,
Для насъ — молодыхъ, настоящихъ —
Для насъ, кто въ Сейчасъ своего влюблены
Истому.

Лишь тотъ, кто отрансенъ, блестящъ, вдохновенъ,
Пойметъ тяготѣнье къ ликеру,
Зовущему грёзы къ узору,
Къ ликеру подъ именемъ: Crème de verveine —
Больному.

При свѣтѣ тьмы

Мы — изверженныя съ душой изустреченною.
Лунно-изнервленныя у насъ умы.
Тоны фіолевыя и тѣни сумеречныя
Мечтою болѣзненной такъ любимъ мы.

Пускай упадочныя, но мы — величественныя.
Пусть неврастеники, но въ свѣтѣ тьмы
У насъ заданія, вѣку приличественныя,
И соблюдаемъ ихъ фанатно мы.

Фанатики изборъ

Мы — фанатики нашихъ изборъ,
Изысковъ, утонка.
Мы чувствуемъ тонко
Тѣмъ, что скрыто подъ шолкомъ проборовъ,
Тѣмъ, что бьется подъ легкимъ, подъ лѣвымъ, —
Подъ лѣвымъ, подъ легкимъ.
Мечтамъ нашимъ крохкимъ
Путь знакомъ къ безсѣмяннымъ посѣвамъ.
Не подвержены мы осязанью
Анализа грубыхъ.
Въ ихъ грохотныхъ трубахъ —
Нашимъ нервамъ и вкусамъ терзанье.
Пусть структура людей — для заборовъ:
Структура подонка.
Мы созданы тонко:
Мы — фанатики нашихъ изборъ.

Морефея

Флаконтъ вервэны, мною купленный,
Ты выливаешь въ ванну
И съ бровью, ласково-накупленной,
Являешь Монну-Ванну.

Правдивая и героичная
Ты вся всегда такая...
Влчешь къ себѣ, слегка циничная,
Меня не отпуская.

И облита волной вервэновой,
Луной и моремъ вѣя,
Душой сиренево-сиреновой
Поешь, какъ морефея.

Бѣлый трансъ

Ночью, вервзеной ужаленной, —
Майскою, значить, и бѣлой, —
Что-нибудь шалое дѣлай,
Шалью моею ошаленный.

Грезь о лунѣ, лишь намѣкнутой,
Но не свѣтящей при свѣтѣ
Ночи, невинной какъ дѣти,
Грѣшной, какъ ножъ, въ сердце воткнутой.

Устрицы, острия устрицы
Ѣшь, ошабливъ, олимонивь.
Грѣзы, какъ мозгные кони,
Пусть въ головѣ заратустятся.

Выплыви въ блѣклое, штильное
Море, замлѣвшее майно.
Спой, опьянѣвши ямайно,
Что-нибудь бѣлое, стильное...

Лунные блики

Лунныя слезы легкихъ льнущихъ ко льну сом-
набуль.
Ласковая лилейность лилій, влюбленныхъ въ плѣнь
Липкихъ зеленыхъ листьевъ. Въ волнахъ полѣты
камбалъ.
Плоскихъ, уклонно-тѣлыхъ. И вдалекѣ — Мадленъ
Лѣнь развѣтвленій клѣна, вылинявшаго ало.
Палевыя поляны, полныя сладкихъ силъ.
Лютиковыя лютни. Въ прожилкахъ фьоль опала.
Милая бѣлолебедь въ свѣтломъ раскрыльи крыль.
Лучше скользить ланно къ солнечному Граалю.
Кроликовъ ланно-бликихъ ловко ловить въ атласъ
Платьевъ лиловыхъ въ блѣсткахъ. Пламенно ликъ
реалю
И, реализмъ качеля, плачу печалью глазъ.

Чары Лючинь

Лючинь печальная читала вечеромъ ручьиство-
вкрадчиво,
Такъ чутко чувствуя журчащій вычурно чужой ей
плачь,
И въ человѣчествѣ чтя нѣчто вѣчнѣе, чѣмъ чушь
Боккачю.
Отъ чаръ отчаянья кручинно-скучная, чла часть
удачь.

Чериѣла, чавкая чумазой нечистью, ночь безконечная,
И чолны чистые, какъ пчолы-птенчики безрѣчныхъ
встрѣчь.

Чудили всячески, отъ качки съ течами полоувѣчные,
Чьи очи мрачныя изъ чисель чудную чеканять рѣчь.

Чѣмъ, — чайка чоткая, — въ часы безпечные мечтой
пречистою

Отлично-честная Лючинь сердечная лечила чадъ,
Порочныхъ выскочекъ? Коричне-глетчерно кричить
лучистое

Въ качалкѣ алчущей Молчанье чахлое, влача
волчать...

Образъ прошлаго

Я слышу въ плескъ весла галеръ,
Когда заливъ заснетъ зеркально :
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ —
И трогательна, и печальна.

Людовикъ-Солнце, какъ кавалеръ,
Зналъ тайну страсти идеально.
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ
Всё-жъ трогательна и печальна.

Когда день вешній нежданно-сѣръ,
И облака бѣгутъ повально,
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ
Такъ трогательна и печальна.

Пусть этотъ образъ изъ прежнихъ эръ
Глядитъ и тускло, и банально :
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ
Всегда плѣнительно-печальна.

У окна

Въ мое окно глядитъ луна.
Трюмо блистаетъ элегантное.
Окно замёрзло бриллиантное.
Я онѣмѣла у окна.

Луна глядитъ въ мое окно,
Какъ нѣкій глазъ потусторонняго.
Съ мечтой о немъ, молю: „Не тронь его,
Луна: люблю его давно“...

Еъ мое окно луна глядитъ
То угрожающе, то вкрадчиво.
Молюсь за чистаго, но падшаго
Въ порокъ, съ отчаяньемъ въ груди.

Луна глядитъ въ окно мое,
Какъ въ трансъ пришедшая пророчица.
Ахъ, отчего же мнѣ такъ хочется
Переселиться на нсе?...

Цвѣты, какъ крылья

Въ долинь Святой рѣки
Крылятъ цвѣты-мотыльки,
Крылятъ цвѣты-мотыльки
Бѣлоснѣжные.

Изъ снѣга они торчатъ,
Какъ уши моихъ зайчатъ,
Какъ уши моихъ зайчатъ:
Уши нѣжныя.

Сквозь снѣгъ они ввысь растутъ
Въ долинь и тамъ, и тутъ,
Въ долинь и тамъ, и тутъ —
Шолкостружные.

Шуршащiе, такъ легки
Цвѣточныя мотыльки,
Цвѣточныя мотыльки —
Грѣзокружныя. . .

Дизэль I.

Вѣтеръ ворвался въ окно —
Вѣтеръ весенній,
Полный сирени...

Мы не видались давно, —
Вѣтеръ ворвался въ окно,
Полный видѣній...

Скучно, и въ сердцѣ темно:
Нѣтъ воскресеній
Прежнихъ мгновений...

Вѣтеръ ворвался въ окно.

Дизэль II

Проплываетъ вдали канонерка.
Надъ кружкомъ камаибера
Ты читаешь Флобера.

И зачѣмъ тебѣ видѣть, грѣзерка,
Какъ плыветъ вдалекѣ канонерка:
Вѣдь корабль — не гетера...

Вдругъ снарядъ, — и твоя этажерка,
Гдѣ стихи эксцессера,
Тлѣветъ исчерно-сѣро . .

Такъ плыветъ вдалекѣ канонерка...

Кэнзель XI

Миньона, Мирра, Ингридь и Балькись, —
Слянныхъ во-едино ихъ чегыре,
Извѣчнымъ украшеньемъ въ этомъ мѣрѣ
Проведшихъ жизнь, и вотъ воспѣть на лирѣ,
Прославить ихъ — начертанъ мной девизъ.

Отъ каждой взявъ, что въ каждой характерно,
По качествамъ оцѣнивая вѣрно,
Миньону, Мирру, Ингридь и Балькись
Я превращаю въ пятую. Ильферна —
Вотъ имя ей: такъ хочеть мой капризь.

И въ этотъ годъ, когда, какъ бичъ, нависъ
Надъ міромъ громъ неотвратимой кары,
Да отразитъ кровавые удары
Ильферна, въ комъ свои сокрыли чары
Миньона, Мирра, Ингридь и Балькись.

Кэнзель XII

Птицы въ воздухѣ кружатся
И летять, и поють,
И, летя, отстають,
Отставая, зовуть . . .
Воздухъ сѣверный южится.

Не считая минутъ,
Безъ печали, безъ смуть,
Птицы въ воздухѣ кружатся.
Мотыльки тамъ и тутъ
Золотисто жемчужатся.

Стаи бѣлыя вьюжатся
Мотыльковыхъ причудъ,
Воздухъ золотомъ ткуть . . .
Бросивъ травъ изумрудъ,
Птицы въ воздухѣ кружатся.

Газэлла IV

Сѣрый заяць плясаль на полянѣ.
Лунный свѣтъ трепеталь на волянѣ.

Въ сини глазъ загорѣлся восторгъ.
Подойдя, я стояль на полянѣ.

Вотъ второй, вотъ и третій бѣгутъ, —
Собрались старъ и малъ на полянѣ.

Я смотрѣль на диковинный плясъ
И на заячій балъ на полянѣ.

Всѣ тавцуютъ: прыжокъ за прыжкомъ.
Блѣкнетъ лунный опаль на полянѣ.

Газелла V

Да, ты повъхала кататься, съвъ въ голубой кабриолеть.
Покачивается рессорно твоей судьбой кабриолеть.

Покачивается рессорно, стремясь на рокотный
пуантъ,
Твой голубой, идущий гордо — вѣдь онъ съ тобой! —
кабриолеть.

Откинулась ты на подушки. Спать на колѣняхъ
томъ Жоржъ Зандъ.
Качелить сонъ старинной книги твой моревой
кабриолеть.

Его рессоры — точно волны. Имъ управляетъ
лейтенантъ.
Онъ такъ похожъ на миноноску — твой огневой
кабриолеть.

Сама же ты — угрозишь мины: на твой чарующий
талантъ
Кто натолкнется, тотъ взорвется. О, роковой
кабриолеть!

Газелла VI

Пріѣзжай ко мнѣ обязательно, пріѣзжай.
Эта встрѣча мнѣ такъ желательна. Пріѣзжай.

Привези съ собой ноты новыя и стихи:
Ты читаешь ихъ увлекательно. Пріѣзжай.

Привези съ собой свой сиреневый пенюаръ:
Въ немъ ты, нѣжная, такъ мечтательна. Пріѣзжай.

Привези съ собой брилліантовое кольцо:
Красота твоя въ немъ блистательна. Пріѣзжай.

Привези съ собой сердце ласковое свое:
Ахъ, поеть оно обаятельно. Пріѣзжай!

Газэлла VII

Твоихъ невоплотимыхъ глазъ, Ильферна моя,
Никто не цѣловаль изъ насъ, Ильферна моя.

А кто бы ихъ увидѣть могъ, тотъ не жилъ бы дня.
Когда бы въ нихъ взглянуть хотъ разъ, Ильферна моя.

Тебѣ одной дары міровъ, сіянье огня,
Цвѣты, восторги и экстазъ, Ильферна моя.

Тебѣ, одной тебѣ, поеть и лира, звеня.
Тебѣ хвалу воздасть Парнасъ, Ильферна моя.

Я твой, я безраздѣльно твой! люби же меня!
Тебя увижу въ смертный часъ, Ильферна моя!

Газелла VIII

Ты любишь ли звеня мерсидскихъ газеллъ, —
изыска Саади?

Отвѣтитъ созвучно ему ты хотѣлъ, изыску Саади?

Ты знаешь, какъ внутренне рифмы звучать въ
персидской газеллѣ?

Въ нечетныхъ стихахъ, ты замѣтилъ, звукъ бѣлъ —
въ изыскѣ Саади?

Тебя не пугаль однотонный размѣръ въ газелловомъ
стилѣ?

Поймать, уловить музыкальность сумѣлъ въ
изыскѣ Саади?

Такъ что же такъ мало поэты у насъ газеллъ на-
писали?

Вѣдь только Кузминъ былъ восторженно-смѣлъ
съ изыскоу Саади...

Звените, газеллы — газельи глаза! и пойте, какъ
пѣли

На родинѣ вашей, гдѣ быть вамъ велѣлъ изыскомъ
— Саади!

Рондо XIX

Вервэна, упоенная морской
Муаровой волной, грустный Лювэна,
Овъяла меня своей тоской
Вервэна.

И подъ ея вляньемъ вдохновенно
Я началъ пѣть глаза Манонъ Леско,
Смотрящіе мнѣ въ душу сокровенно.

Возникъ въ душѣ улыбчивый покой.
Она свята, какъ древняя Равенна :
То льется въ душу лунною рѣкой
Вервэна.

Рондо XX

Пока не поздно, дай же мнѣ отвѣтъ,
Молю тебя униженно и слѣзно,
Далекая, смотрящая мимозно:
Да или нѣтъ? отвѣтъ — да или нѣтъ?
Поэзно „да“, а „нѣтъ“ — сно такъ прозно!

Слѣянные мечты, но бьются розно
У насъ сердца: тускнѣеть въ небѣ свѣтъ . . .
О, дай мнѣ отзвукъ, отзнакъ, свой привѣтъ,
Пока не поздно.

Ты вдалекѣ. Жизнь превратилась въ бредъ.
И молнія, и громъ грохочетъ грозно.
И такъ давно. И такъ десятки лѣтъ.
Ты вдалекѣ, но ты со мною грѣзно.
Дай откликъ мнѣ, пока я не скелетъ,
Пока не поздно! . .

Рондэль XV

Ея весёлая печаль,
Ея печальная весёлость . . .
Саней задернутая полость,
И теплая у губъ вуаль.
Какая тяга въ зовы миль!
Какая молодая смѣлость!
Въ душѣ — весёлая печаль,
Въ душѣ — печальная весёлость.
Въ мечтахъ — кабинки, пляжъ, Трувиль
Вокругъ — зимы нагая бѣлость.
Въ устахъ — коралловая алость.
Въ ухахъ — весенняя свирѣль.
Въ глазахъ — весёлая печаль.

Сонетъ XXX

Петрарка и Шекспиръ, и Бутурлинъ
(Пусть мнѣ простятъ, что съ геніями рядомъ
Поставилъ имя, скромное нарядомъ . . .)
Сонетъ воздвигли на престолъ вершинъ.

Портной для измѣренья взялъ аршинъ.
Поэтъ окинулъ нео-форму взглядомъ
И, напитавъ ее утопій ядомъ,
Сплёлъ сътъ стиховъ для солнечныхъ глубинъ.

И вотъ, сонета выяснивъ секретъ,
Себѣ поэты выбрали сонетъ
Для выраженья чувствъ, картинъ, утопій.

И отъ Петрарки вплоть до нашихъ дней
Сонетъ писали тысячи людей, —
Оригиналъ, ты потускнѣлъ отъ копій! . .

Баллада XXI

Витаеть крыльный вѣтерокъ
Надъ звѣздочными васильками,
Надъ лентой палевыхъ дорогъ,
Надъ голубыми ручейками.
Витаеть на восточной Камѣ,
Какъ и на западной Двинѣ,
И цвѣтовѣйными устами
Цѣлуеть поле въ полуснѣ.

Витаеть свой свершая срокъ,
Надъ рожами и надъ лѣсами,
Надъ опереніемъ сорокъ
И надъ пшеничными усами.
Мы, внивъ его, витаемъ сами,
Витаемъ по его винѣ
Надъ изумрудными красами,
Цѣлуя травы въ полуснѣ.

Его полѣтъ — для насъ урокъ,
Усвоенный чудесно нами:
Такъ добродѣтель и порокъ
Равно лелѣемы волнами
Зефира, мучимаго снами
И грезой о такой странѣ,
Гдѣ поэтическое знамя
Цѣлуеть вѣтеръ въ полуснѣ.

Чаруемы его мечтами
О невозможной сторонѣ,
Мы въ этомъ мірѣ, точно въ храмѣ,
Цѣлуемъ знамя въ полуснѣ . . .

Баллада XXII

Въ четвёрку сѣрыхъ лошадей
Несѣтся синяя карета.
Внутри ея, средь орхидей,
Сидитъ печальная Иветта.
Она совсѣмъ легко одѣта,
За что ее коритъ злой толкъ.
Ее овилъ вокругъ корсета
Gris-perle вервэновѣйный шолкъ.

Она устала отъ людей,
Равно : отъ хама и эстета,
Отъ ихъ назойливыхъ идей, —
Она, мимоза полусвѣта.
Ея такъ тяжолъ грасиръ корнета
И предъ семьей дочерній долгъ,
Что прячетъ перламутръ лорнета
Въ gris-perle вервэновѣйный шолкъ...

Въ нее влюбленный лицедѣй, —
Съ лицомъ заморыша-аскета,
Съ нелѣпнымъ именемъ Фадѣй, —
Поднесъ ей бѣлыхъ два букета.
И, въ орхидеяхъ, какъ комета
На отдыхъ, кляня весь полкъ
Изъ-за корнета, грезить : „гдѣ-то —
Волна, — вервэновѣйный шолкъ“ . . .

Сверни же къ морю, въ домъ поэта.
Что ѣхать въ городъ ? онъ — какъ волкъ !
Кто, какъ не ты, придумалъ это,
Gris-perle вервэновѣйный шолкъ ? . .

Баллада XXIII

(Диссо, фиг. 1)

Поэтъ, во фракъ соловей,
Другъ и защитникъ куртизанокъ,
Иветту грустную овѣй
Улыбкой кризантичныхъ танокъ,
Ты, кто въ контактъ съ дѣвой тонокъ,
Ты, сердца женскаго знатокъ,
Свой средь грузинокъ и эстонокъ,
Прими Иветту въ свой шатрокъ!

Ты вдохновенно-огневою,
Бродящій утромъ средь барвинокъ,
Привѣтъ своей душой живой
Иветту, какъ пѣвучій иннокъ.
Врачуй ей боль душевныхъ ранокъ,
Психологъ! интуитъ! пророкъ!
Встрѣчай карету спозоранокъ,
Прими Иветту въ свой шатрокъ.

Стихи и грѣзы ей давай,
Бѣднѣющей отъ шалыхъ денегъ,
Пой про любовь полный май,
Дай ей любовь вкусить, весенникъ!
Цѣлуй нѣжнѣй се спросонокъ
И помни межъ поэзныхъ строкъ:
Застѣнчивая, какъ ребенокъ,
Вошла Иветта въ твой шатрокъ . .

Тебѣ въ отдаръ — созвучныхъ струнокъ
Ея души журчащій токъ.
Возрадуйся же, вѣчный юнокъ,
Что взялъ Иветту въ свой шатрокъ!

Баллада XXIV

(Диссо, фиг. 2)

Царевичъ Май алатистокудрый
Былъ чудодѣйный весельчакъ:
Прикидывался дѣвкой бодрой,
То шель, какъ нѣкій старичокъ,
Посасывая каучукъ
Горячей трубочки интимной . . .
То выдавалъ мальчишкамъ чекъ
На пикники весною томной.

А иногда царевичъ мудрый,
Замедливъ въ рѣзвомъ ходѣ шагъ,
Садился на коня, и бѣдра
Его сжималъ межъ сильныхъ ногъ.
Иль превращался въ муху вдругъ
И въ ухо лѣзъ, жужжа безумно,
Смотря, какъ мчится человекъ
На пикники весною томной . . .

Осыпавъ одуванчикъ пудрой,
Воткнувъ тычинки въ алый макъ,
Наливъ воды студеной въ вѣдра,
Сплета изъ ландышей вѣнокъ,
Хваля, какъ трудится паукъ,
И отстоявши въ праздникъ храмный
Обѣдню, — направлялъ свой бѣгъ
На пикники весною томной.

Люблю блистальный майскій ликъ,
Какъ антипода тьмы тюремной.
Ловлю хрустальный райскій кликъ
На пикники весною томной!

Баллада XXV

(Нео)

Усни въ зсленомъ гамакѣ
Подъ жѣмчужными мотыльками,
Надъ слившимися ручейками, —
Усни въ полуденной тоскѣ.
Зажми въ снѣжбьющей рукѣ,
Безъ думъ, безъ грезъ и безъ желанья
Съ нимъ встрѣчи въ странномъ далека,
Его послѣднее посланье.

Умѣй разслышать въ ручейкѣ
Его уста съ его стихами,
Эола вьющееся знамя
Умѣй увидѣть въ мотылькѣ.
Въ отдаленной пѣснѣ на рѣкѣ
Почувствуй слезы разставанья,
Прижми ладонью на вискѣ
Его послѣднее посланье.

Слѣди за солнцемъ на пескѣ,
За ползающими тѣнями.
Пробудятъ пусть сравненье съ днями
Они въ тебѣ, въ людскомъ цвѣткѣ.
Ты, легкая, здѣсь — *налегкѣ*,
Лишь гостя краткаго свиданья,
И смерть твоя видна въ листкѣ
Его послѣдняго посланья.

Чѣмъ ближе къ гробовой доскѣ,
Сильнѣй — любви очарованье:
Въ рукѣ, какъ въ глиняномъ кускѣ,
Его послѣднее посланье . . .

Квинтина I

Благоухающая вся луною
И упоющая соловьемъ
Она владычествуетъ надо мною —
Вербена, выглотанная живьемъ, —
Съ лимономъ устрица, — фужеръ съ волною.

Не захлебнуться ли теперь волною?
Не погрузиться ли въ нее живьемъ?
Весь озаряемый больной луною,
Острѣ я чувствую, что надо мною —
Соблазнъ, растрелившійся соловьемъ.

Кто не прикидывался соловьемъ
Подъ этой вѣтренной, шальной луною?
Кто не мечталъ меня изъять живьемъ?
Глубь не влекла-ль меня своей волною?
Кто не рапировалъ въ мечтахъ со мною?

О, благодать небесъ! ты надо мною
Благоуханною течешь волною,
Поешь весенящимся соловьемъ,
И, обливая вдругъ меня луною,
Возносишь въ синіе верхи живьемъ.

Та, кто живое всё берѣтъ живьемъ,
Исторжествующая надо мною,
Легко выбрасываетъ мнѣ волною
Вербену, трелющую соловьемъ,
И упоющую мозгъ луною . . .

Квинтина II

Моя земля! любовью ты жива!
Моя любовь! ты вскормлена землею!
Ты каждый годъ по великому нова!
Сверкающія утренней зарею
Пою тебѣ хвалебныя слова!

О, что за власть имѣютъ тѣ слова,
Которыя излучены зарею!
Земная жизнь! да будь всегда жива!
Земная страсть! да будь всегда нова!
Безсмертно будь, рожденное землею!

Я созданъ самъ цвѣтущею землею,
И только ею грудь моя жива.
Я вдохновляюсь юною зарею,
Шепчу въ восторгѣ нежныя слова.
Такъ: жизнь земли всегда душѣ нова.

И ты, моя любимая, нова,
Когда щебечешь чарныя слова,
Дарованная млѣющей землею.
Къ тебѣ любовь безсмертная жива,
Она сіяетъ майскою зарею.

О, наслаждайтесь красочной зарею
И славословьте жизнь: она нова!
Творите вдохновенныя слова!
И пусть планета, что зовутъ Землею,
Пребудетъ ввѣкъ прекрасна и жива!

Квинтина III

Я здѣсь одинъ, совсѣмъ одинъ —
Въ томъ смыслѣ, что интеллигента
Ни одного здѣсь нѣтъ. Вершинъ
Сосновый говоръ. Рѣчки лента
Зеркальная въ кудряхъ долинъ.

Отрадны шесты долинъ,
И влажная втекуща лента.
Среди людей я все-жъ одинъ,
И, право, тоньше шумъ вершинъ
Для слуха трезъ интеллигента.

Искусство — для интеллигента:
Среди невѣждъ лишь онъ одинъ
Ждетъ, чтобы даже кино-лента
Струила ароматъ долинъ,
И свято любить свѣтъ вершинъ.

Стремитесь къ холоду вершинъ,
Привыкшіе къ теплу долинъ,
Беря примѣръ съ интеллигента.
Пусть изъ ползучихъ ни одинъ
Не падаетъ, вѣясь какъ лента.

Милѣй всѣхъ лентъ — любимой лента,
Она превыше всѣхъ вершинъ.
Внемлите, жители долинъ,
Всей гаммѣ чувствъ интеллигента:
Взлѣтъ — смыслъ единственный одинъ!

Квинтина IV

Любовь приходит по вечерамъ,
А на разсвѣтъ она уходитъ.
Восходитъ солнце, и по горамъ,
И по долинамъ лучисто бродитъ.
Лучи наводитъ то здѣсь, то тамъ.

Міръ оживаетъ то здѣсь, то тамъ,
И кто-то свѣтлый по міру бродитъ.
Утрами бродитъ, а къ вечерамъ
Шлетъ поцѣлуи лѣсамъ, горамъ
И, миротворя весь міръ, уходитъ.

Уходятъ годы, и вѣкъ уходитъ.
И что звучало по вечерамъ,
Забыто къ утру. Лишь Память бродитъ,
Какъ привидѣнье, то здѣсь, то тамъ,
Да волны моря бѣгутъ къ горамъ.

Намъ надоѣли низы, — къ горамъ
Мы устремились: вѣдь солнце тамъ!
А вечерами оно уходитъ . . .
Тогда — обратно: по вечерамъ
Уходитъ Яркость, и Нѣжность бродитъ.

Пока мы юны, пока въ насъ бродитъ
Кровь огневая, спѣшимъ къ горамъ:
Любовь и Солнце мы встрѣтимъ тамъ!
Пусть на закатѣ *она* уходитъ,
Она приходитъ по вечерамъ . . .

Лѣ I

О вы, бѣлосиреневые сны,
Объятые вервеновой печалью!
О, абрисъ абрикосовой весны!
О, личико, окутанное шалью
Лимонною, ажурною, кисейною!
О, женщина съ душой вервеновѣйною.
Приснившаяся въ оттепель февралю! . . .

Приснившееся въ оттепель февралю —
Въ моемъ котѣджѣ у кривой сосны —
Лицо подѣ фиолетовой вуалю,
Лицо, глаза котораго грустны,
И, какъ вуаль, немного фиолетовы,
Я зналъ тебя, и, можетъ быть, отъ этого
Мнѣ многія туманности ясны . . .

Мнѣ многія туманности ясны,
Онѣ влекутъ недостижимой далью . . .
Ахъ, всѣ наливки для меня вкусны,
Но предпочту кизилью и миндалью:
Отъ нихъ мои мечты ажурно кружатся,
То ярко гроносятся, то выюжатся,
Какъ ты, рояль съ надавленной педалью . . .

О, ты, рояль съ надавленной педалью
И съ запахомъ вервеновой волны,
Ты озарялъ квартиру генералю
Созвучьями, текущими съ луны . . .
Улыбки устѣ твоихъ клавиатурныхъ . . .
Ея лица черты колоратурныхъ
На фонѣ бирюзовой тишины . . .

На фонѣ бирюзовой тишины
Я помню краску губъ ея коралю,
Ея волосъ взволнованные льны,
И всю ея фигуру феодаляю . . .
Мы не были, какъ будто, влюблены,
А можетъ быть — немного: вѣдь подѣ алью
Ея слова чуть видны, чуть слышны . . .

Ея слова чуть видны, чуть слышны,
Заглушены поюшею роялю
И шумомъ голосовъ заглушены,
Онѣ влекуть мечтально къ началю, —
И я переносу свои страданія
Въ великопланый хаосъ міроздавнїя,
Создавшїй и холеру, и . . . Италію!

Создавшїй и холеру, и Италію,
Тебѣ мои молевыя не нужны . . .
Мнѣ хочется обнять ее за талію:
Ея глаза зовущіе нѣжны;
Въ нихъ засковость улыбочиво прищурена,
Имѣ фиміамовъ множество воскурено . . . —
О вы, бѣлосиреневые сны! . . .

О вы, бѣлосиреневые сны,
Приснившїеся въ оттепель февралью!
Мнѣ многія туманности ясны,
И — ты, рояль съ надавленной педалюю . . .
На фонѣ бирюзовой тишины
Ея слова чуть видны, чуть слышны
Создавшему холеру и Италію . . .

Verceuse сирени

Когда сирснеевое море, свой горизонтъ офіолетивъ,
Задремлетъ, въ зеркалѣ вечернемъ луцу лимонно
отразивъ,
Я задаю вопросъ природѣ, но, ничего мнѣ не
отвѣтивъ,
Въ оцѣпенѣнны сна блистаетъ, и этотъ сонъ ея
красивъ.

Ночь, бѣлой лиліей провѣявъ, взлетаетъ, точно бѣ-
лый лебедь,
И исчезаетъ бѣлой феей, такъ по весеннему бѣла,
Что жаждутъ жалкую планету своею музыкой
онебить,
Бряцающая золотомъ восхода, румяные колокола.

Всѣ эти краски ароматовъ, всю филигранность
настроений
Я ощущаю бѣлой ночью у моря, спящаго въ стеклѣ,
Когда, не утопая, тонетъ лимонъ лунч въ его сирени,
И, отъ себя изнемогая, сирень всѣхъ нѣжитъ на
землѣ.

1918 VI

Послѣдніе зеленые листки . . .

На эстляндскомъ ли берегу, восемнадцатаго ноября,
У Балтійскаго въ сизый цвѣтъ моря выкрашеннаго,
Надъ вершинами горъ и скалъ — я надъ кручами
иду царя.
Въ бездну тучи летятъ песка, шагомъ выкрошеннаго.

Что за пламенная мечта, увлекающая, словно даль,
Овладела опять душой? чего выскочившая
И вспорхнувшая снова ввысь возжелала ты,
птица-печаль,
Въ это утро, какъ малахить, все заиндивѣвшее?

Цѣль безцѣльныхъ моихъ шаговъ — не зелёные ли
вы, листки,
Уцѣлѣвшіе отъ косявой, — сочувствующіе, —
Той, что осенью всѣ зовутъ, покровительницы
чаръ тоски,
Той, чьи кисти — шалобольныя, безумствующія? . . .

1918 XI

Пора безжизніа

Кончается октябрь, безснѣжный и туманный.
Одинъ день — изморозь. Тепло и дождь — другой.
Безлистый лѣсъ уснулъ гнилой и безуханный,
Безцвѣтный и пустой, скелетный и нагой.

На морѣ съ каждымъ днемъ всё рѣже полотенца :
Вѣдь Осень, говорятъ, неряха изъ неряхъ . . .
И ходятъ двѣ сестры — она и Инфлюэнца,
Двѣ дѣвы старыя, — и топчутся въ дверяхъ.

Изъ скромныхъ домиковъ ихъ гонять : кто — дубиной,
Кто — жаркой банею, кто — ватнымъ армякомъ ;
Кто подогадливѣй, ихъ просто гонить хиной,
Легко тягающейся съ крѣпкимъ тумаконъ . . .

Пора безжизніа ! . . И даже ты, телѣга,
Не то ты лѣнишься, не то утомлена . . .
Намъ грязь наскучила. Мы чистаго ждемъ снѣга.
Въ грязи исначкала лицо свое луна . . .

1918 X

Предвешняя элегія

Не знаю — буду ли я живъ
Къ веснѣ и вкрадчивой, и нѣжной,
Пойду ли вновь съ мечтой элѣжной
Къ полянамъ, пѣснь про нихъ сложивъ.

Не знаю — станетъ ли сирень
Меня дурманить вновь фіолію,
Какою занеможетъ болью
Моя душа въ весенній день.

Не знаю — буду ли я знать,
Что значить упиваться маемъ,
Туберкулёзомъ злымъ ломаемъ,
И, умирая, жить желать.

1918 XII

Это явь или грёза?

Сонъ мой былъ или не былъ? что мнѣ снилось
что снилось? только море и небо
Только липы и поле! это явь или грёза? сонъ мо
былъ или не былъ?

Я здѣсь жилъ или нѣ жилъ? ты была ли со мною?
здѣсь тебя ли и нѣжилъ?

Что-то всё по другому . . . Будто то, да не то же . . .
Я здѣсь жилъ или нѣ жилъ?

Та же самая дача . . . Тѣ же самыя окна . . . Въ
нихъ смотрѣла ты, плача . . .

А потомъ улыбалась . . . А потомъ . . . Да, конечно:
та же самая дача! . . .

Значить, „Тостъ безовѣтный“ здѣсь написанъ, не
правда-ль? И обложкой привѣтной,
Всѣ сомнѣнья разсѣявъ, убѣдилъ меня въ яви
милый „Тостъ безовѣтный“.

1918 IV

Музѣ музыкѣ

Не странно ли, — тринадцатаго марта,
Въ трехлѣтье неразлучной жизни нашей,
Испитое чрезъ край бѣгущей чашей, —
Что въ Ревель насъ забрасываетъ карта?

Мы въ Харьковѣ сошлись, и не въ Іеве-ль
Мечтали провести нашъ день интимный?
Взамѣнъ — этапъ, и, сквозь Іеве, въ дымный
Холодный мракъ, — и попадаемъ въ Ревель.

Какъ онъ красивъ, своеобразенъ, узокъ
И элегантно-чистъ, весь заостренный!
Восторженно, въ тебя всегда влюбленный,
Твое лицо цѣлую, муза музыкѣ! . .

Придется ли намъ встрѣтить пятилѣтье
И четверть вѣка слитности — не знаю.
Но знаю, что никто-никто иная
Не замѣнитъ тебя, кого ни встрѣтъ я . . .

Встрѣчь ноаыхъ не ищу, и не горюю
О прежнихъ, о дотепныхъ, — никакіе
Соблазны не опасны. Я цѣлую
Твое лицо открытое, Марія.

*Ревель, гост. „Золотой Левъ“.
13 марта 1918 г.*

Элегія изгнанія

Въ моемъ добровольномъ изгнаньи
Мнѣ трудно представить, что гдѣ-то
Есть міръ, гдѣ живутъ и мечтаютъ,
Хочочуть и звонко поютъ.

Да полно! не только-ль мечтанье —
Соблазны культурнаго свѣта?
Не всюду ли жизнь проживаютъ,
Какъ я въ заточеніи тутъ?

И развѣ осталась культура,
Изыски ея и выборы,

Утонченные ароматы
Симфоній, стиховъ и идей?

И развѣ полёты Амура
Ткутъ въ воздухъ тѣ же узоры?

И развѣ мимозы не смяты
Стопой озвѣрѣлыхъ людей?

Вотъ годъ я живу, какъ растенье,

Спасаясь отъ ужасовъ яви,

Недавнія переживанья

Считая несбыточнымъ сномъ.

Печально мое заточенье,

Въ которомъ грущу я по славѣ,

По нѣжному очарованью

Въ такомъ еще близкомъ быломъ . . .

1918 X

II

ПЧЕЛЫ И СТРЕКОЗЫ

Восемнадцатый вѣкъ

Восемнадцатый вѣкъ! не ему ли дано
Слыть изысканнымъ хамомъ во вѣки вѣковъ?
Въ нёмъ съ учтивостью грубость сплелась заодно,
И съ изяществомъ пошлость придворныхъ домовъ.

Ришелье исщипалъ въ синяки Шаролэ.
Биль Субизъ по щекамъ, на земь бросивъ, де-Нель.
За Шасси выбѣгала кокетка Буфлэ
И кричала: „Желаю его на постель!“

Герцогиня Беррійская въ пьянствѣ сожглась.
Graille и Logge называли тапан . . . Помпадуръ!
Было много чудовищныхъ зрѣлищъ для глазъ,
Было много средь фрейлинъ развратницъ и дуръ.

Куаньи, проигравъ капиталъ принцу Домбъ,
Закричалъ: „Такъ везётъ лишь ублюдкамъ однимъ!“
Создавая шантанъ, устроители *помпъ*
Говорили: Традиции monde'a хранимъ“ . . .

Эстрада, въ бракъ съ маршаломъ, игровый домъ
Совершенно открыто держала, свой санъ
Позабывъ, — домъ, гдѣ „въ пухъ“ проигрался
Вандомъ,
И богачкою стала madame Монтеспанъ . . .

1918 IX

Сонетъ XXIX

Вѣкъ граціи, утонченный вѣкъ-стебель!
Ланкрэ, Ла-Тушъ, Бушэ, Грэзъ и Ватто!
Андрэ Шарль Буль — поэтъ не твой ли мебель
И ты, Бертонъ, не ты-ль пѣвецъ манто?

Вѣкъ мушекъ-„поцѣлуевъ“, вздоховъ, гребель,
Духовъ и комплиментовъ, — но зато
Виконтъ бранился дома, какъ фельдфебель,
А виконтэсса, какъ — не знаю! — кто . . .

Двуликій вѣкъ Ротье и Фрагонара —
Изящества и грубаго кошмара! —
Ты мнѣ напомнилъ „эти“ времена:

Не та же культурность показная,
Которую, опредѣленно зная,
Сласти не могутъ наши имена?

1918 IX

Влюблённые въ поэтику

Меня мутить отъ Асквита,
Либкнехта, Клемансо.
Стучить у дома засвѣтло
Пролѣтки колесо.

— „Эй, казачокъ!“ Давъ Витинькѣ
Пальто, она — въ дверяхъ.
Мы съ нею внѣ политики,
Но цѣликомъ въ стихахъ.

Намъ дѣла нѣтъ до канцлера,
До ультиматныхъ нотъ,
До Круппа и до панцыря,
И ноль для насъ — Синодъ.

Мы ищемъ въ амфибрахіяхъ
Запрятанный въ нихъ ямбъ.
Въ ликерахъ и ратафіяхъ
Находимъ отблескъ рампъ.

Строй буквъ аллитераціи
И ассо-диссонансъ —
Волшба версификаціи —
Насъ вовлекають въ трансъ.

Размѣры разностопные
Мѣшаемъ мы въ одинъ —
Узоры многотропные
На блѣсткой глади льдинъ.

И сближены хорейми,
Сліянные въ одно,
Мы надъ землей зарѣяли,
Какъ съ крыльями зерно.

По справедливости

Его безспорная заслуга
Есть окончаніе войны.
Его привѣтствовать, какъ друга
Людей, вы искренне должны.

Я — внѣ политики, и, право,
Мнѣ всё равно, кто-бъ ни былъ онъ.
Да будетъ честь ему и слава,
Что миръ имъ, первымъ, заключёнъ!

Когда людская жизнь въ загонѣ,
И вдругъ — ея апологетъ,
Не все-ль равно мнѣ — какъ: въ вагонѣ
Запломбированномъ, иль нѣтъ?...

Не только изъ вагона — прямо
Пускай изъ бездны бы возникъ!
Твержу настойчиво-упрямо:
Онъ, въ смыслѣ мира, мой двойникъ.

1918 V

Тэффи

Гдѣ ты теперь, печальная душа
Съ веселою, насмѣшливой улыбкой?
Какъ въ этой нови, горестной и зыбкой,
Ты можешь жить, и мысля, и дыша?

Твои глаза, въ которыхъ скорбь и смѣхъ,
Твои уста съ язвительнымъ рисункомъ
Такъ близки мнѣ и серебристымъ стрункамъ
Моей души, закутанная въ мѣхъ.

О, странная! о, грустная! въ тебѣ
Влекущее есть что-то. Осіянна
Ты лирикой души благоуханной,
О лилія въ вакхической алчбѣ!

1918 XII

Памяти Н. И. Кульбина

Подваль, куда „богемцы“ на ночь
Съѣзжались, пьяный былъ подваль.
Въ немъ милый Николай Иванычъ
Художественно ночеваль.

А это значить — спичъ за спичемъ
И объ искусствѣ пламенный споръ.
Насмѣшка надъ мѣщанствомъ бычьимъ
И надъ крестинами топоръ.

Новаторъ въ живописи, докторъ.
И донъ-Жуанъ, и генераль.
А сколько шло къ нему дорогъ то!
Кто, только кто его не зналъ!

Въ его улыбкѣ миловзорца
Торжествовала простота.
Глаза сіяли, какъ озѣрца
Въ саду у Господа-Христа.

Среди завистливаго, злого
Мирка теплѣлъ онъ, какъ рубинъ.
Да, онъ въ хорошемъ смыслѣ слова
Былъ человѣкомъ — нашъ Кульбинъ!

1918 V

Судьба Таси

Нашъ вѣкъ — чудоробенка эра
И всякихъ чудъ. Быль вундеркиндъ
И дирижоръ Вилли Ферреро,
Кудрявый точно гіацинтъ.

Девятилѣтній капелмейстеръ
Имѣлъ поклонницъ, какъ большой,
И тайно грезилъ о невѣстѣ
Своею взрослою душой.

Однажды восьмилѣткѣ Тасѣ
Мать разрѣшила ѣхать съ ней —
На симфоническомъ Парнасѣ
Смотрѣть на чудо изъ дѣтей.

Въ очарованьи отъ оркестра,
Ведомага его рукой,
Въ антрактѣ мальчику-маэстро
Малютка принесла левкой.

Хотя чело его увили
Цвѣты, — ихъ несь къ нему весь залъ, —
Всѣ-жъ, въ знакъ признательности, Вилли
Въ лобъ дѣвочку поцѣловаль.

О, въ этомъ поцѣлуѣ — жало,
А въ жалѣ — ядъ, а въ ядѣ — тлѣнь...
Блаженно Тася задрожала,
Познало сердце нѣжный плѣнь.

Уѣхаль Вилли. Стало жутко.
Прошло три года. Вдалекѣ
Ее онъ помнилъ ли? Малютка
Скончалась въ мукѣ и тоскѣ.

1918 V

Лососья идиллія

Тамъ, гдѣ растеть на берегу осина
И вкривь, и вкось,
Вплыла изъ моря въ рѣчку лососина,
За ней — лосось.

И стала выкрапчатая лососька
Метать икру.
На душегубкѣ слышенъ шопоть: „Фроська,
Оставь игру.

Не шевелись. Ахъ, лучше-бъ ты осталась
На берегу.
Зря къ дѣду на ночное затесалась...
Дай острогу.“

И дѣдушка дрожащею, но вѣрной
Сухой рукой
Взмахнувъ, слегка прицѣлился примѣрно
И — острой!

Отъ восхищенья закричала Фроська:
„Поди, небось,
Ты пала, икрометная лососька!“
Но палъ — лосось.

Кондитерская дочь

Германскій лейтенантъ съ кондитерскою дочкою
Приходитъ на лужокъ устраивать пикникъ,
И саркастически пчела янтарной точкой
Надъ нимъ взвивается, какъ злой его двойникъ.

Они любятъ постельною лужайкой,
Тѣмъ, что надъ травкою и около, и подъ.
И — фрэнчъ ли юнкерскій заботливою байкой
Иль страсть заводская — его вгоняетъ въ потъ.

Такъ въ полдень млѣющій на млѣющей полянѣ
Млѣть собирается кондитерская дочь...
Какъ сочъ іюльская, полна она желаній:
Въ ея глазахъ, губахъ, во всей — сплошная сочъ...

Вотъ страсть насыщена, и аккуратно вытеръ
Огроманировавший нѣмецъ пыль и влажь...
А у кондитерской встрѣчаетъ ихъ кондитеръ
Съ открытой гордостью, — *какъ связи ихъ
бандажъ...*

1918 XI

Лососья идиллія

Тамъ, гдѣ растеть на берегу осина
И вкривь, и вкось,
Вплыла изъ моря въ рѣчку лососина,
За ней — лосось.

И стала выкрапчатая лососька
Метать икру.
На душегубкѣ слышень шопоть: „Фроська,
Оставь игру.

Не шевелись. Ахъ, лучше-бъ ты осталась
На берегу.
Зря къ дѣду на ночное затесалась...
Дай острогу.“

И дѣдушка дрожащею, но вѣрной
Сухой рукой
Взмахнувъ, слегка прицѣлился примѣрно
И — острой!

Отъ восхищенья закричала Фроська:
„Поди, небось,
Ты пала, икрометная лососька!“
Но палъ — лосось.

Кондитерская дочь

Германскій лейтенантъ съ кондитерскою дочкою
Приходитъ на лужокъ устраивать пикникъ,
И саркастически пчела янтарной точкой
Надъ нимъ взвивается, какъ злой его двойникъ.

Они любятъ постельною лужайкой,
Тѣмъ, что надъ травкою и около, и подъ.
И — фрэнчъ ли юнкерскій заботливою байкой
Иль страсть заводская — его вгоняетъ въ потъ.

Такъ въ полдень млѣющій на млѣющей полянѣ
Млѣтъ собирается кондитерская дочь...
Какъ сочъ іюльская, полна она желаній:
Въ ея глазахъ, губахъ, во всей — сплошная сочъ...

Вотъ страсть насыщена, и аккуратно вытеръ
Огроманировавший нѣмецъ пыль и влажь...
А у кондитерской встрѣчаетъ ихъ кондитеръ
Съ открытой гордостью, — *какъ связи ихъ*
бандажъ...

1918 XI

Лососья идиллія

Тамъ, гдѣ растеть на берегу осина
И вкривь, и вкось,
Вплыла изъ моря въ рѣчку лососина,
За ней — лосось.

И стала выкрапчатая лососька
Метать икру.
На душегубкѣ слышенъ шопоть: „Фроська,
Оставь игру.

Не шевелись. Ахъ, лучше-бъ ты осталась
На берегу.
Зря къ дѣду на ночное затесалась...
Дай острогу.“

И дѣдушка дрожащею, но вѣрной
Сухой рукой
Взмахнувъ, слегка прицѣлился примѣрно
И — острой!

Отъ восхищенья закричала Фроська:
„Поди, небось,
Ты пала, икрометная лососька!“
Но палъ — лосось.

Кондитерская дочь

Германскій лейтенантъ съ кондитерскою дочкою
Приходитъ на лужокъ устраивать пикникъ,
И саркастически пчела янтарной точкой
Надъ нимъ взвивается, какъ злой его двойникъ.

Они любятъ постельною лужайкой,
Тѣмъ, что надъ травкою и около, и подъ.
И — фрэнчъ ли юнкерскій заботливою байкой
Иль страсть заводская — его вгоняетъ въ потъ.

Такъ въ полдень млѣющий на млѣющей полянѣ
Млѣть собирается кондитерская дочь...
Какъ сочъ июльская, полна она желаній:
Въ ея глазахъ, губахъ, во всей — сплошная сочъ...

Вотъ страсть насыщена, и аккуратно вытеръ
Отроманировавшій нѣмецъ пыль и влажь...
А у кондитерской встрѣчаетъ ихъ кондитеръ
Съ открытой гордостью, — *какъ связи ихъ*
бандажъ...

1918 XI

Лососья идиллія

Тамъ, гдѣ растеть на берегу осина
И вкривь, и вкось,
Вплыла изъ моря въ рѣчку лососина,
За ней — лосось.

И стала выкрапчатая лососька
Метать икру.
На душегубкѣ слышенъ шопоть: „Фроська,
Оставь игру.

Не шевелись. Ахъ, лучше-бъ ты осталась
На берегу.
Зря къ дѣду на ночное затесалась...
Дай острогу.“

И дѣдушка дрожащю, но вѣрной
Сухой рукой
Взмахнувъ, слегка прицѣлился примѣрно
И — острогой!

Отъ восхищенья закричала Фроська:
„Поди, небось,
Ты пала, икрометная лососька!“
Но палъ — лосось.

Кондитерская дочь

Германскій лейтенантъ съ кондитерскою дочкою
Приходитъ на лужокъ устраивать пикникъ,
И саркастически пчела янтарной точкой
Надъ нимъ взвивается, какъ злой его двойникъ.

Они любятъ постельною лужайкой,
Тѣмъ, что надъ травкою и около, и подъ.
И — фрэнчъ ли юнкерскій заботливою байкой
Иль страсть заводская — его вгоняетъ въ потъ.

Такъ въ полдень млѣющій на млѣющей полянѣ
Млѣть собираетъ кондитерская дочь...
Какъ сочъ іюльская, полна она желаній:
Въ ея глазахъ, губахъ, во всей — сплошная сочъ...

Вотъ страсть насыщена, и аккуратно вытеръ
Огроманировавший нѣмецъ пыль и влажь...
А у кондитерской встрѣчаетъ ихъ кондитеръ
Съ открытой гордостью, — *какъ связи ихъ
бандажъ...*

1918 XI

Въ роли рикши

Пятнадцать версть на саночкахъ норвежскихъ
Я везъ тебя равниной снѣговой,
На небѣ видя зубровъ бѣловѣжскихъ,
Изъ облаковъ содѣянныхъ мечтой.

Пятнадцать версть отъ Тойлы и до Сомпе,
Въ дорогѣ раза два передохнувъ,
Я везъ тебя, и вспоминалъ о помпѣ,
Съ какой поилъ виномъ меня Гурзуфъ...

Пятнадцать версть, уподобляясь рикшѣ,
Черезъ поля и лѣсъ тебя я вѣзъ...
Но къ лошадиной роли не привыкши,
Прошу мнѣ дать обѣдъ, а не овёсъ...

Квинтина V

Когда поэтъ-милліонеръ,
При всемъ своемъ богатствѣ, — скряга,
Онъ, очевидно, духомъ сѣрь.
Портянки, лапти и сермяга —
Нутро. Снаружи — эксцессеръ.

О, пошехонскій эксцессеръ,
Сфрачна твоя сермяга!
О, нищенскій милліонеръ,
Твой алый цвѣтъ промозгло-сѣрь!
Ты даже въ ощущеньяхъ скряга!

Противень моть. Противнѣй скряга,
Тѣмъ болѣе — милліонеръ,
Кому отцовская сермяга
Стѣснительна: вѣдь эксцессеръ
Фракъ любить — черень онъ иль сѣрь...

Вообразите: фракъ — и сѣрь...
Тогда рутинствуй, эксцессеръ!
Тогда кути безпутно, скряга!
Тогда бѣдуй, милліонеръ!
Стань фракомъ, сѣрая сермяга!

Компрометируетъ сермяга
Того лишъ, кто душою сѣрь.
Отвратень горе-эксцессеръ, —
По существу — скопецъ и скряга,
По кошельку — милліонеръ.

Лѣ II

(Алексѣю Масаинову)

Въ Японіи, у гейши Ойя-Санъ,
Цвѣтутъ въ саду такіе анемоны,
Что другъ ея, испанскій капитанъ,
Ей предсказалъ „карьеру“ Дездемоны.
Не мудроно: ихъ пряный ароматъ
Всѣхъ соблазнить, и, ревностью объять,
Нашъ капитанъ ее повергнетъ въ стоны.

Нашъ капитанъ ее повергнетъ въ стоны,
Когда микадо, позабывъ свой санъ,
Придетъ къ японкѣ предлагать ей троны, —
За исключеніемъ своей, — всѣхъ странъ...
И за зелѣнымъ чаемъ съ ней болтая,
Предложитъ ей владѣнія Китая:
„За поцѣлуй — Китай Вамъ будетъ данъ.“

„За поцѣлуй Китай Вамъ будетъ данъ“, —
И Ойя-Санъ воздастъ ему поклоны,
И Ойя-Санъ введетъ его въ дурманъ,
Въ крови царя она пробудитъ звоны...
Сверкая чернымъ жемчуговъ зубовъ,
Струя ирисъ полъ шолкъ его усовъ,
Она познаетъ нѣжные уроны.

Она познаетъ нѣжные уроны,
И, солнцемъ глазъ гетеры осіянь,
Забудетъ бремя и дефектъ короны
Микадо, отъ ея лобзаній пьянь.
Потомъ, съ неловкостью произношенья
Сказавъ: „adieu“, уйдетъ — и въ подношенье,
Взамѣнъ Китая, ей пришлетъ... тюльпанъ.

Взамѣнь Китая, ей пришлетъ тюльпанъ
Высокій воп vivant „нейтральной зоны“,
Нелюбящій въ свиланьяхъ „барабанъ“,
Ходящій чрезъ ограду и газоны,
Чтобъ (какъ грузины говорятъ : шайтанъ !)
Придворный не схватилъ за панталоны,
Усердіемъ особымъ обуянь...

Усердіемъ особымъ обуянь,
Придворный сыщикъ, жолтый какъ лимоны,
Не постѣснится изъ дворца шантанъ
Устроить на пиру жрецовъ Мамоны
И (сплетней, — не буквально !) за штаны
Схвативъ царя, съ вспѣнённостью волны
Друзьямъ расскажетъ „сверх-декамероны“ ...

Друзьямъ расскажетъ „сверх-декамероны“
Дворцовый „шпикъ“ — невѣжда и болванъ.
Не оттого-ль, чтобъ не дразнить „тромбоны“,
Избралъ заборъ микадо-донжуанъ ?
Онъ отдохнетъ отъ суеты житейской,
Какъ азіатской, такъ и европейской,
У подданной, у гейши Ойя-Санъ.

Въ Японіи, у гейши Ойя-Санъ,
Микадо самъ ее повергнетъ въ стоны :
„За поцѣлуй — Китай Вамъ будетъ данъ“, —
Она познаетъ нѣжные уроны, —
Взамѣнь Китая, ей пришлетъ тюльпанъ ...
Усердіемъ особымъ обуянь,
Друзьямъ расскажетъ „сверх-декамероны“ ...

У гейшъ

Разноцвѣтно поють фонарки,
Отзеркаленные заливомъ,
И трелятъ на флейтахъ арійки
Гейши, подобныя сливамъ...

Въ кимоно фиолетово-розовомъ,
Смѣющіяся чаруйно,
Съ каждымъ, волнуемымъ позывомъ,
Встрѣчаются безпоцѣлуйно...

Уютные домики чайные
Выглядятъ, какъ игрушки.
Моряки, гости случайные,
Пьютъ чай изъ фарфоровой кружки.

И передъ гейшами желтыми
Хвастаютъ лицами милыхъ
На карточкахъ съ глазами проколотыми
За нарушенье „клятвъ до могилы“...

Японки смотрятъ усмѣшливо
На чуждыхъ женщинъ безглазыхъ
Съ душою края нездѣшняго,
Вынутыхъ изъ-за пазухъ...

Шалунья Сливная Косточка
Отбросила вѣрѣ бумажный,
И на гостя посыпалась горсточка
Вишень, манящихъ и влажныхъ...

III

ШОРОХИ ІНТУЙЦІЇ

Поэза Упадка

Къ началу войны европейской
Изысканно-тонкій развратъ,
Отъ спальни царей до лакейской,
Достигъ небывалыхъ громадъ.

Какъ будто Содомъ и Гоморра
Воскресли, принявъ новый видъ:
Повальное пьянство. Лѣнь. Ссора.
Зарѣзанъ. Повѣшанъ. Убитъ.

Художественнаго салона
И пьяной харчевни стезя
Совпала по сходству уклопа.
Ихъ было различить нельзя.

Паскудно гремѣло витійство,
Которымъ возславленъ былъ грѣхъ.
Заразное самоубійство
Едва заглушало свой смѣхъ.

Дурилъ хамоватый извощикъ,
Какъ дэнди эстетный дурилъ.
Равно среди толстыхъ и тощихъ
Царили замашки гориллъ.

И то, что расцвѣтомъ культуры
Казалось, была только гниль.
Утонченно-тонныя дуры
Выдумывали новый стиль.

Онѣ, кому въ нравственномъ тѣсно,
Крошили бананы въ икру,
Затѣявали такъ эксцессно
Флиртирующую игру.

Измыганно-плоскіе фаты,
Потомственные ромали,
Чьи руки торчатъ, какъ ухваты,
Напакоститься не могли.

Народъ, угнетаемый дрянью
Безмозгой, безларной, слѣпой,
Усвоилъ повадку баранью:
Сталъ глупый, упрямый, тупой.

А царь, алкоголикъ безвольный,
Усѣлся на тронѣ втроемъ:
Съ царицею самодовольной
И родственнымъ ей мужикомъ.

Былъ образъ правленья безпутенъ, —
Угрозный примѣръ для коронъ:
Безчинетвокалъ пьяный Распутинъ,
Усѣвшись съ ногами на тронъ.

Упадочные модернисты
Писали ослинымъ хвостомъ
Пейзажи, и лишъ букинисты
Имѣли Тургенева томъ.

Свирѣпствовали декаденты
Въ поэзіи, точно чума.
Дарили такіе моменты,
Что люди сбѣгали съ ума.

Уродливымъ кактусомъ роза
Смѣнилась для моды. Коза
Къ любви призывалась. И поза
Назойливо лѣзла въ глаза.

Но этого было всё мало,
И сытый желудокъ хотѣлъ
Вакхическаго карнавала
Разнузданныхъ въ похоти тѣлъ.

И люди пустились въ эксцессы,
Какіе нѣ снились скотамъ.
Изнервленныя поэтессы
Кривлялись юродиво тамъ.

Кишки обжигались ликѣромъ,
И похоть будили смѣшки,
И въ тактъ бархатистымъ рессорамъ
Качелились въ язвахъ кишки.

Живые и сытые трупы,
Безъ помысловъ и безъ идей,
Ушли въ черепашьи супы, —
О, люди безъ сути людей!

Имъ стало филе изъ лягушки
Дороже пшеницы и ржи,
А яды, наркозы и пушки —
Нужнѣе, чѣмъ лѣсъ и стрижи.

Какъ сѣти, ткать стали интриги
И ближнихъ опутавъ, какъ рыбъ,
Забыли музеи и книги,
Въ рукѣ затаили ушибъ!

Злорадно они ушибали
Того, кто довѣрился имъ.
Такъ всё очутилось въ опалѣ,
Что было правдиво-святымъ.

И впрямь! для чего людямъ святость?
Для святости — анахоретъ!
На подвиги, боль и распятость
Отнынѣ наложенъ запретъ.

И врядъ ли при томъ современно
Увѣровать имъ въ интеллектъ
И въ Бога. Удѣлъ ихъ — надменно
Итти мимо „разныхъ тамъ сектъ“ ...

И вотъ, подъ вліяніемъ моды,
Святое отринувшей, всё
На модныхъ ходуляхъ „комоды“
Вдругъ кругъ завели въ колесѣ.

Какъ слѣдствіе чуши и вздора —
Неистово вверглись въ войну.
Воскресли Содомъ и Гоморра,
Покаренные встарину.

Борису Вѣрину

Въ свое „сиреневое царство“
Меня зовешь ты въ Петроградъ.
Что это : ѣдкое коварство ?
Или и вправду мнѣ ты радъ ?

Какъ жестоко, сухо и жестоко
Жить средь безчисленныхъ гробовъ,
Средь дикихъ выходцевъ съ востока
И „взбунтовавшихся рабовъ“ !

И какъ ты можешь, тонкій, стильный,
Ты, принцъ отъ ногъ до головы,
Жить въ этой затхлости могильной
Въ болотахъ призрачной Невы ?

Скелетовидная Холера
И пучеглазая Чума
Безпутствуютъ, смѣются сѣро,
Ужасныя, какъ смерть сама.

И методически Царь Голодъ
Республику свергаетъ въ топь...
А ты, который гордъ и молодъ,
Предъ нимъ — опомнись ! — не холопы!..

Бѣги ко мнѣ, страшись „татарства“ !
Мой край возникъ, какъ нѣкій стражъ.
Твое-жъ „сиреневое царство“ —
Болотный призракъ и миражъ.

Не дай мнѣ думать, рыцарь вѣрный,
Чей взлѣтъ всегда былъ сердцу любъ,
Что ты безчувственный, безнервный,
Что ты средь грубыхъ самъ огрубъ.

1918 XII

Стходная Петрограду

За дряхлой Нарвой, версть за двѣсти,
Какъ окровавленный пиратъ,
Все топчется на топкомъ мѣстѣ
Кончающійся Петроградъ.

Кошмарный городъ — привидѣнье!
Мятежный рабъ! живой мертвецъ!
Исполни предопредѣленье:
Пріемли страшный свой конецъ!

Въ молитвахъ твоего литурга
Нѣтъ о твоёмъ спасеніи просьбъ.
Ты мертвъ со смертью Петербурга, —
Мечты о воскресеніи брось.

Эпоха твоего парада —
Въ сіяніи праздничныхъ дворцовъ.
Нѣтъ ничего для Петрограда:
О, городъ — склепъ для мертвецовъ!

Твоя пугающая близость —
Надъ нами занесѣнный ножъ.
Твоя болѣзнь, голодь, сырость —
Вотъ чѣмъ ты власть свою умножь!...

Ты проклять. Надъ тобой проклятыя.
Ты точно шхуна безъ руля.
Раскрой же топкія объятія,
Держащая тебя земля.

И пусть фундаментомъ другому
Красавцу-городу гранить
Пребудеть твой: пусть по иному
Тебя Россія сохранить...

1918 XII

Конечное Ничто

Съ ума сойти — рѣшить задачу:
Свобода это иль мятежь?
Казалось, всё сулить удачу, —
И вотъ теперь удача гдѣ-жь?

Просторъ лазоревыхъ теорій,
И практика — мрачнѣй могиль...
Какая ширь была во взорѣ!
Какъ стебель росъ! и стебель сгниль...

Какъ знать: отсталость ли европья?
Передовитость россиянь?
Натура-ль русская — холопья?
Сплошной кошмаръ. Сплошной туманъ.

Изнемогли въ противорѣчьяхъ.
Не понимаемъ ничего.
Всѣ грезимъ о какихъ-то встрѣчахъ —
Но съ кѣмъ, зачѣмъ и для чего?

Мы призраками дуализма
Приведены въ такой испугъ,
Что даже солнечная призма
Таитъ грозящій намъ недугъ.

Грядеть Антихристъ? не Христъ ли?
Иль оба вмѣстѣ? раньше — кто?
Сначала тьма? не свѣтъ ли послѣ?
Иль погрузимся мы въ *ничто*?

1918 XII

Монологъ императрицы

Я, вдовствующая императрица,
Сажусь на свой крылатый быстрый бригъ
И отплываю въ море, чтобъ укрыться
Отъ всѣхъ придворныхъ сплегенъ и интригъ.

Мой старшій сынъ, сидящій на престолѣ,
И иноземная его жена
Въ такомъ погрязли мрачномъ ореолѣ,
Что ими вся страна поражена.

Его любовницъ алчущая стая,
Какъ разъяренныхъ скочище пантеръ,
Рветъ мантию его изъ горностая
Руками недостойными гегеръ.

Его жена, отъ ревности свой разумъ
Теряя, зло и мелко мститъ ему.
А весь народъ, подверженный заразамъ,
Грузится въ похоть, пьянство, лѣнь и тьму.

Имъ льстить въ глаза разнузданная свита,
Куя исподтишка переворотъ.
О, паутиной цѣпкою повита
Интрига та, ползущая въ народъ.

Ни съ кѣмъ и ни о чѣмъ не сговориться
Въ странѣ, пришедшей къ жалкому нолю.
Бездѣйствующая императрица,
Спѣшу уплыть къ сосѣду-королю.

Къ воскресенью

Идутъ въ Эстляндіи бои, —
Грохочутъ бѣшено снаряды,
Проходятъ дикіе отряды,
Вторгаясь въ грустныя мои
Мечты, вершашія обряды.

Отъ нескончаемой вражды
Политиканствующихъ партій
Я изнемогъ; ищу на картѣ
Спокойный уголь: ликъ Нужды
Еще уродливѣй въ азартѣ.

Спаси меня, Великій Богъ,
Отъ этихъ страшныхъ потрясеній,
Чтобъ въ благостной весенней сѣни
Я отдохнуть немного могъ,
Повѣривъ въ чудо воскресеній.

Воскресни въ мирѣ, тихій миръ!
Любовь къ нему, въ сердцахъ воскресни!
Искусство, расцвѣти чудеснѣй,
Чѣмъ въ дни былые! Ты, строй лиръ,
Бряцай намъ радостныя пѣсни!

Во имя искусства

Они идутъ на Петроградъ
Спасти науку и искусство.
Всей полнотою, всей ширью чувства
Поэтъ привѣтствовать ихъ радъ.

Печальный опытъ показалъ,
Какъ отвратительна свобода
Въ рукахъ неумнаго народа,
Что отъ свободы одичалъ.

Царь свергнуть былъ. Пустой престолъ
Привлекъ не мало претендентовъ,
И въ выкрашенныхъ кровью лентахъ
На тронъ усялся Произволъ.

А ты, поэтъ-идеалистъ,
Въ свободу вѣрившій такъ свято,
Постигъ, что ею нагло смято
Всё то, чѣмъ міра взоръ лучистъ.

Ни президента, ни царя, —
Или обоихъ сразу вмѣстѣ!
Лишь бы была на прежнемъ мѣстѣ
Святая цѣнность алтаря.

Газэлла X

Въ эти тягостные годы сохрани меня, Христось!
Я Тебѣ слагаю оды, — сохрани меня, Христось!

Каюсь: грѣшенъ. Каюсь: вспыльчивъ. Каюсь: дер-
зокъ. Каюсь: золь.
Но грѣшнѣй меня народы. Сохрани насъ всѣхъ,
Христось!

Я въ Тебя, Господь Мой, вѣрилъ. Я всегда Тебя
любилъ.

Я — пѣвецъ Твоей природы: сохрани меня, Христось!

Пусть воспрянуть, оживая, исцѣляясь, мѣръ хваля,
Всѣ калѣки и уроды, — сохрани ихъ всѣхъ,
Христось!

Помни: я, Твой рыцарь вѣрный, Твой воспѣвецъ,
геній Твой —

Человѣческой породы, — сохрани меня, Христось!

Словомъ добрымъ, дѣломъ мудрымъ, отпущеніемъ
грѣховъ,

Въ нашихъ душахъ, гдѣ невзгоды, сохрани Себя,
Христось!

Секстина IV

(„Ингеборгъ“, Келлермана)

Кто смерть, на жизнь напавшую, отторгъ
Своей любовью — бархатной рапирой, —
Какой тому пришлось вкусить восторгъ!
Какъ онъ воспѣтъ вселенской вѣщей лирой!
Безсмертенъ Аксель, спасшій Ингеборгъ
Своей любви благоуханной миррой!

Чье чувство распустилось въ сердцѣ миррой,
Тотъ, побѣдивъ стихію, смерть отторгъ.
Пусть вѣроломна память Ингеборгъ,
И пусть измѣны ржавою рапирой
Она пронзила Акселя, пусть: лирой
Воспѣтыя, ихъ имена — восторгъ.

Любовь всегда должна будить восторгъ,
Благоухая терпко-пряной миррой,
Звучать волшебно-звонной пламенной лирой,
И горе тѣмъ, кто свѣтлую отторгъ:
Проклятыя поразить его рапирой, —
Такъ проклята во-вѣки Ингеборгъ.

О, радость жизни! солнце! Ингеборгъ!
Будившая вокругъ себя восторгъ!
Разившая сердца взорорапирой!
Упившаяся сердцемъ друга, — миррой, —
Чей, какъ не твой, взоръ — Акселя отторгъ,
Прославленнаго пламенною лирой!

О, бѣдный князь! взамѣнъ воспѣтыя лирой —
Ты возвратилъ бы лучше Ингеборгъ . . .
Но нѣтъ, но нѣтъ! души твоей восторгъ,
Которымъ смерть ты отъ нея отторгъ,
Не понять ею. Не кадить бы миррой
Измѣнницѣ, — пронзить ее рапирой.

Благословенъ не тронувшій рапирой :
Онъ не былъ бы воспѣтъ вселенской лирой.
Благословенна, вспыхнувшая миррой
Для Аксея, и ты, ты, Ингеборгъ,
Проклятая, исторгшая восторгъ
Въ его душѣ, что смерть твою отторгъ !

1918 VIII

Секстина V

Въ моей странѣ — разбой и мятежь,
Въ моей странѣ — холера, тифъ и голодь.
Кто причинилъ ея твердынь брешь?
Кѣмъ духъ ея кошунственно расколоть?
Надежда въ счастье! сердце мнѣ онѣжь! —
Я жить хочу! я радостень и молодъ!

Меня пойметъ, кто, какъ и я, самъ молодъ,
Кому претить разнузданный мятежь,
Кто, мнѣ подобно, молить жизнь: „Онѣжь!“
Кому угроженъ тифъ и черный голодь,
Кто цѣлень, бодръ и духомъ не расколоть,
Кому отвратна въ государствѣ брешь.

Да, говорить о разрушенъи брешь . . .
Живой лишь разъ, единственный разъ, молодъ!
И если жизни строй разбить, расколоть,
И если угнетаетъ всѣхъ мятежь,
И если умерщвляетъ силы голодь,
Какъ не воскликнуть: „Счастье! насъ онѣжь!“

Лишь грубому не нуженъ вскрикъ: „Онѣжь!“
Ему, пожалуй, даже ближе брешь,
Чѣмъ цѣлостность; ему, пожалуй, голодь
Отраднѣе чѣмъ сытость; онъ и молодъ
По своему: вскормилъ его мятежь,
И отъ рожденья грубый весь расколоть.

Ужасный вѣкъ: онъ цѣликомъ расколоть!
Ему смѣшно сердечное: „Онѣжь!“
Онъ, дикій вѣкъ, онъ самъ сплошная брешь.
Его мятежь — разбойничій мятежь.
Онъ съ дѣтства старъ, хотя лѣтами молодъ,
И вскормленъ имъ царь людоѣдовъ — Голодь.

Но онъ умреть обжора жирный Голодь,
Кѣмъ духъ людской искусственно расколотъ!
И я, и ты, и каждый будетъ молодъ!
И ужъ не мы судьбѣ, она: „Онѣжь!“
Воскликнетъ намъ. Мы замуравимъ брешь,
И противъ грабежа зажжемъ мятежь!

Секстина VI

Эстонія, страна моя вторая,
Что патриоты родиной зовуть,
Мнѣ принесла всё достоянье края,
Мнѣ создала безоблачный уютъ,
Меня отъ прозы жизни отрывая,
Давъ сладость идиллическихъ минутъ.

„Вкуси восторгъ чарующихъ минутъ
И не мечтай, что будетъ жизнь вторая;
Пей жадно радость, усть не отрывая;
И слушай, какъ лѣса тебя зовуть;
Ступай въ зеленолиственный уютъ,
Пріявшаго гостепрiимно края.

Быть можетъ, подъ луной иного края
Когда-нибудь ты вспомнишь пѣснь минутъ,
Тебѣ дававшихъ благодный уютъ,
Вздохнешь, что гдѣ-то родина вторая,
Которую Эстоніей зовутъ,
Влечётъ тебя, отъ юга отрывая.

Тогда приди, въ мечтахъ не отрывая
Любви ко мнѣ, отъ пламеннаго края
На сѣверъ свой, гдѣ всѣ своимъ зовутъ
Тебя, поэтъ, чарунъ святыхъ минутъ:
Вѣдь творчество твое, какъ жизнь вторая,
Даетъ намъ сказку, счастье и уютъ.“

Благословенъ Эстонiи уютъ,
Который, отъ Россiи отрывая
Благочестивою душою края,
Какъ мать, какъ сонъ, какъ родина вторая,
Соткалъ гамакъ качелящихъ минутъ.
Минуты тѣ! ихъ творчествомъ зовутъ . . .

Но чу! что слышу я? меня зовутъ
Къ оружію! Прости, лѣсной уютъ,
И вы, цвѣты сиреневыхъ минутъ,
Простите мнѣ! Бездушно отрывая
Отъ васъ, отъ милыхъ мнѣ, за цѣлость края
Жизнь требуетъ мою страна вторая . . .

Цвѣти же, край — эстонскій, прибалтійскій,
Отвергнувшій строй низменный, царійскій :
Моей душѣ ты родственный и близкій !
Цвѣти же, край, десятки, сотни лѣтъ
И помни, что мечталъ въ тебѣ поэтъ,
Такой поэтъ, какъ несравненный Фетъ !

Секстина VIII

Мой домъ стоитъ при въѣздѣ на курортъ
У кладбища, у парка и у поля.
Онъ свиду простъ, но мною домъ мой гордъ:
Онъ чувствуетъ — тамъ, гдѣ поэтъ, тамъ воля.
Въ немъ за аккордомъ я беру аккордъ,
Блаженствуя, мечтая и короля!

Привыкни, смертный, жить, всегда короля,
И въ каждой деревушкѣ видь курортъ,
Буди въ своей душѣ цвѣтной аккордъ,
Люби просторъ и ароматы поля, —
И, можетъ быть, тебя полюбить воля,
И будешь ты ея любовью гордъ.

Безличный рабъ — и вдругъ ты будешь гордъ,
Средь окружающихъ рабовъ короля! . . .
Познаешь ли, что означаетъ воля? . . .
Не превратишь ли въ свальный ровъ курортъ? . . .
Не омерзишь ли дѣвственнаго поля? . . .
Не соберешь ли ругань всю въ аккордъ? . . .

Аккордъ аккорду рознь. Звучи, аккордъ
Лишь тотъ, что упоителенъ и гордъ:
Аккордъ лѣсовъ, ручьевъ, морей и поля!
Надъ толпами властительно короля,
Озвучь своимъ бряцаніемъ курортъ
И покажи, какъ сладкозвучна воля!

Да здравствуетъ всегда и всюду воли
И вольный, волевой ся аккордъ!
Кто слушалъ пѣсню воли, будетъ гордъ.
Пусть вольные сберутся на курортъ,
Надъ плотью духомъ солнечно короля,
Свободу растворяя въ волѣ поля.

Не оттого ли и мой домъ у поля,
Гдѣ на просторѣ поля бродить воля?
Не оттого-ль душа моя, короля,
Берѣтъ свободный огненный аккордъ?
Не оттого-ль моимъ воспѣтемъ гордъ
И мной самимъ заброшенный курортъ? . . .

Секстина IX

Двѣ силы въ мѣрѣ борются отвѣка:
Одна — Духъ Тьмы, другая — Свѣтлый Духъ.
Подвластна Силамъ сущность человѣка,
И цѣликомъ зависить онъ отъ двухъ.
И будь то Эсмеральда, иль Ревекка,
У нихъ всё тотъ-же двойственный пастухъ.

На пастуха возсталъ другой пастухъ.
Для ихъ борьбы имъ не хватаетъ вѣка.
Для Эсмеральды точить пожъ Ревекка —
То ея управляетъ Злобный Духъ.
Когда-жъ побѣда лучшей силъ изъ двухъ,
Тогда прощаютъ люди человѣка.

Что выше — оправданья человѣка?!
Когда блюдетъ стада людей Пастухъ
Въ одеждѣ бѣлой, грѣшницы, изъ двухъ,
Оправданными будутъ обѣ: вѣка
Отрада и надежда — Свѣтлый Духъ,
И какъ ты безъ него жила-бъ, Ревекка?

Нѣтъ, ты не зла: злыхъ вовсе нѣтъ, Ревекка,
Но горе причинить для человѣка
Тебѣ легко: такъ хочетъ Черный Духъ . . .
Но Свѣтозарный не уснулъ Пастухъ:
Онъ зло твое разсѣялъ вихремъ вѣка, —
И ты невинна, какъ дитя лѣтъ двухъ.

Но такъ какъ ты во власти грозныхъ двухъ
Великихъ Силъ, ничтожная Ревекка,
Но такъ какъ ты и обликъ человѣка
Имѣешь, данный Силами, то вѣка
Тебѣ не передѣлать: Злой Пастухъ
Въ тебя опять вмѣщаетъ грѣшный духъ.

Издревле такъ. Но будетъ день — и Духъ
Въ одеждѣ солнца и луны, изъ двухъ
Планетъ сотканной, встанетъ, какъ Пастухъ
И Духа Тьмы, и твой, и всѣхъ, Ревекка!
Господь покажетъ взору человѣка,
Что покорень Бунтующій отвѣка! . . .

Секстина X

Мнѣ кажется, что сердце бiандрiи,
Идейной бiандрiи, — виноградъ.
Оно стремится въ зной Александрiи,
Лѣдъ Мурмана въ него вмѣстится радъ.
Ему отраденъ запахъ малярiи,
Ему набатны оргiи трибадъ.

Влiянье винограда на трибадъ,
Какъ и на сердце пламной бiандрiи,
Утонченнѣй мiазмовъ малярiи.
Да, въ ихъ тѣлахъ блуждаетъ виноградъ,
Онъ опьянятъ безумствующихъ радъ
Экваторьяльностью Александрiи.

Причинъ не мало, что въ Александрiи
Гораздо больше чувственныхъ трибадъ,
Чѣмъ въ Швеци: способствовать имъ радъ.
Тамъ самый воздухъ. Но для бiандрiи
И выльденный шипучiй виноградъ
На сѣверѣ — намѣкъ о малярiи . . .

Въ Батумѣ, тамъ, гдѣ царство малярiи,
Гордятся пальмы, какъ въ Александрiи,
У роцъ лимонныхъ вьется виноградъ,
Зовя къ себѣ мечтанiя трибадъ.
Онъ, родственнiй инстинктамъ бiандрiи,
Припасть къ колѣнямъ, льнушимъ къ страсти, радъ.

О, какъ туристъ бываетъ ярко радъ,
Когда ему удастся малярiи
Избѣгнуть, или зной въ Александрiи
Умѣрить лдянымъ взоромъ бiандрiи
Кокетливой, иль въ хохоткѣ трибадъ
Пить дышущiй полярномъ виноградъ . . .

Не для мужчинъ трибаднiй виноградъ, —
Его вкусивъ, не очень будешь радъ:
Въ немъ смѣхъ издѣвнiй дѣвственныхъ трибадъ . . .
Страшись и бiандрiйной малярiи,
То вѣющей огнемъ Александрiи,
То — холодомъ распутной бiандрiи . . .

Лэ III

Покаранъ міръ за тягостныя вѣны
Свои ужаснѣйшей изъ катастрофъ :
Въ крови людской цвѣтуція долины,
Орудій штормъ, и груды мертвецовъ,
Развалъ культуры, грозный крахъ науки,
Искусство въ угнетеньи, слезы, муки,
Царь Голодъ, и процессіи гробовъ.

Царь Голодъ и процессіи гробовъ,
Пиръ хамовъ и тяжелыя кончины,
И притѣсненье солнечныхъ умовъ,
И танки, и ньюпоръ, и цеппелины,
И дьяволъ, учредившій фирму Круппъ,
Испанская болѣзнь, холера, крупъ —
Всѣ бѣдствія, при томъ не безъ причины...

Всѣ бѣдствія, при томъ не безъ причины :
Отъ дѣяній, отъ мыслей и отъ словъ.
Еще норхаютъ ножки балерины,
Еще не смолкли вѣтерки стиховъ,
Еще звучать цвѣтенія сонатъ,
Еще воркуютъ сладко адвокаты, —
А міръ пріять конецъ уже готовъ.

Да, міръ пріять конецъ уже готовъ
Въ когтяхъ нечеловѣческой кручины,
Предъ суднымъ ликомъ массовыхъ голгоѳъ
И предъ разверстой пропастью трясинны.
Но жизнь жива, и значить — будетъ живъ
И грѣшный міръ — весь трепеть, весь порывъ!
Онъ будетъ жить, взнесенный на вершины!

Онъ будетъ жить, взнесенный на вершины,
Въ благоуханномъ шелестѣ дубровъ,
Въ сіяньи солнца, въ звукахъ мандолины,
Въ протяжномъ гудѣ сѣверныхъ вѣтровъ,
Въ любви сердець, въ изнѣжии малины,
Въ симфоніяхъ и въ мѣди четкихъ строфъ.
Міръ исполинъ, — безсмертны исполины!

Міръ исполнинь, — безсмертны исполины!
Онъ будетъ до скончанія вѣковъ
Самимъ собой: тенеты паутины
Ему не страшны — богу изъ боговъ!
Да здравствуетъ во-вѣкъ величье міра!
Да славить міръ восторженная лира!
Да будетъ міръ и радостень, и новъ!

Да будетъ міръ и радостень, и новъ!
Греми, оркестръ! Цвѣтите, апельсины!
Пылай, костерь! Я слышу жизни зовъ!
Передъ глазами — чарныя картины,
И дали вѣютъ свѣжестью морской.
Но помни впредь, безбожный родъ людской:
Покаранъ міръ за тягостныя вины.

Покаранъ міръ за тягостныя вины:
Царь Голодъ и процессія гробовъ —
Все бѣдствія, при томъ не безъ причины,
И міръ пріять конецъ уже готовъ.
Но будетъ жить, взнесенный на вершины,
Міръ исполнинь, — безсмертны исполины!
Да будетъ міръ и радостень, и новъ!

Лэ III

Покаранъ міръ за тягостныя вѣны
Свои ужаснѣйшей изъ катастрофъ:
Въ крови людской цвѣтуція долины,
Орудій штормъ, и груды мертвецовъ,
Развалъ культуры, грозный крахъ науки,
Искусство въ угнетеньи, слезы, муки,
Царь Голодь, и процессіи гробовъ.

Царь Голодь и процессіи гробовъ,
Пиръ хамовъ и тяжелыя кончины,
И притѣсненье солнечныхъ умовъ.
И танки, и ньюпоръ, и цеппелины,
И дьяволъ, учредившій фирму Крупъ,
Испанская болѣзнь, холера, крупъ —
Всѣ бѣдствія, при томъ не безъ причины...

Всѣ бѣдствія, при томъ не безъ причины:
Отъ дѣяній, отъ мыслей и отъ словъ.
Еще ворхаютъ ножки балерины,
Еще не смолкли вѣтерки стиховъ,
Еще звучать цвѣтенія сонатъ,
Еще воркуютъ сладко адвокаты, —
А міръ пріять конецъ уже готовъ.

Да, міръ пріять конецъ уже готовъ
Въ когтяхъ нечеловѣческой кручины,
Предъ суднымъ ликомъ массовыхъ голгоѣ
И предъ разверстой пропастью трясины.
Но жизнь жива, и значить — будетъ живъ
И грѣшный міръ — весь трепеть, весь порывъ!
Онъ будетъ жить, взнесенный на вершины!

Онъ будетъ жить, взнесенный на вершины,
Въ благоуханномъ шелестѣ дубровъ,
Въ сіяньи солнца, въ звукахъ мандолины,
Въ протяжномъ гудѣ сѣверныхъ вѣтровъ,
Въ любви сердець, въ изнѣжии малины,
Въ симфоніяхъ и въ мѣди четкихъ строфъ.
Міръ исполнѣнъ, — безсмертны исполны!

Міръ исполнинь, — безсмертны исполины!
Онъ будетъ до скончанія вѣковъ
Самимъ собой: тенеты паутины
Ему не страшны — богу изъ боговъ!
Да здравствуетъ во-вѣкъ величье міра!
Да славить міръ восторженная лира!
Да будетъ міръ и радостень, и новъ!

Да будетъ міръ и радостень, и новъ!
Греми, оркестръ! Цвѣтите, апельсины!
Пылай, костеръ! Я слышу жизни зовъ!
Передъ глазами — чарныя картины,
И дали вѣютъ свѣжестью морской.
Но помни впредь, безбожный родъ людской:
Покаранъ міръ за тягостныя вины.

Покаранъ міръ за тягостныя вины:
Царь Голодъ и процессіи гробовъ —
Все бѣдствія, при томъ не безъ причины,
И міръ пріять конецъ уже готовъ.
Но будетъ жить, взнесенный на вершины,
Міръ исполнинь, — безсмертны исполины!
Да будетъ міръ и радостень, и новъ!

Лэ III

Покаранъ міръ за тягостныя вины
Свои ужаснѣйшей изъ катастрофъ :
Въ крови людской цвѣтуція долины,
Орудій штормъ, и груды мертвецовъ,
Развалъ культуры, грозный крахъ науки,
Искусство въ угнетеніи, слезы, муки,
Царь Голодъ, и процессіи гробовъ.

Царь Голодъ и процессіи гробовъ,
Пиръ хамовъ и тяжелыя кончины,
И притѣсненіе солнечныхъ умовъ,
И танки, и ньюпоръ, и цеппелины,
И дьяволъ, учредившій фирму Крупнъ,
Испанская болѣзнь, холера, крупъ —
Всѣ бѣдствія, при томъ не безъ причины...

Всѣ бѣдствія, при томъ не безъ причины :
Отъ дѣяній, отъ мыслей и отъ словъ.
Еще ворхаютъ ножки балерины,
Еще не смолкли вѣтерки стиховъ,
Еще звучать цвѣтенія сонатъ,
Еще воркують сладко адвокаты, —
А міръ пріять конецъ уже готовъ.

Да, міръ пріять конецъ уже готовъ
Въ когтяхъ нечеловѣческой кручины,
Предъ суднымъ ликомъ массовыхъ голгоѣ
И предъ разверстой пропастью трясины.
Но жизнь жива, и значить — будетъ живъ
И грѣшный міръ — весь трепеть, весь порывъ!
Онъ будетъ жить, взнесенный на вершины!

Онъ будетъ жить, взнесенный на вершины,
Въ благоуханномъ шелестѣ дубровъ,
Въ сіяньи солнца, въ звукахъ мандолины,
Въ протяжномъ гудѣ сѣверныхъ вѣтровъ,
Въ любви сердець, въ изнѣжии малины,
Въ симфоніяхъ и въ мѣди четкихъ строфъ.
Міръ исполнѣнъ, — безсмертны исполины!

Міръ исполинъ, — безсмертны исполины!
Онъ будетъ до скончанія вѣковъ
Самимъ собой: тенеты паутины
Ему не страшны — богу изъ боговъ!
Да здравствуетъ во-вѣкъ величье міра!
Да славить міръ восторженная лира!
Да будетъ міръ и радостенъ, и новъ!

Да будетъ міръ и радостенъ, и новъ!
Греми, оркестръ! Цвѣтите, апельсины!
Пылай, костеръ! Я слышу жизни зовъ!
Передъ глазами — чарныя картины,
И дали вѣютъ свѣжестью морской.
Но помни впредь, безбожный родъ людской:
Покаранъ міръ за тягостныя вины.

Покаранъ міръ за тягостныя вины:
Царь Голодъ и процессіи гробовъ —
Все бѣдствія, при томъ не безъ причины,
И міръ пріять конецъ уже готовъ.
Но будетъ жить, взнесенный на вершины,
Міръ исполинъ, — безсмертны исполины!
Да будетъ міръ и радостенъ, и новъ!

ЛѢ IV

Нѣтъ табаку, нѣтъ хлѣба, нѣтъ вина, —
Такъ что же, есть тогда на этомъ свѣтѣ?!
Чье нерадѣнье, лѣнность, чья вина
Поймали насъ въ невидимыя сѣти?
Надолго-ль это? близокъ ли исходъ?
Какъ будетъ реагировать народъ? —
Вопросы, что тоскуютъ объ отвѣтѣ.

Вопросы, что тоскуютъ объ отвѣтѣ,
И даль, что за туманомъ не видна...
Не знаю, какъ въ народѣ, но въ поэтѣ
Вздрожала раздраженная струна:
Цари водили войны изъ-за злата,
Губя народъ, а намъ теперь расплата
За ихъ проступки мстительно дана?!

За ихъ проступки мстительно дана
Намъ эта жизнь лишь съ грѣзой о кларетѣ...
А мы молчимъ, хотя намъ и ясна
Вся низость ихъ, и ропщемъ, точно дѣти...
Но гдѣ-же возмущенье? гдѣ протестъ?
И отчего несемъ мы чуждый крестъ
Ни день, ни годъ, — а нѣсколько столѣтій?!

Ни день, ни годъ, а цѣлый рядъ столѣтій
Мы спины гнемъ. Но близится волна
Слѣянья нашихъ мыслей, — тутъ ни плети,
Ни аресты, ни пытка, что страшна
Лишь малодушнымъ, больше не помогутъ:
Мы уничтожимъ Произвола догматъ, —
Намъ молодость; смерть старымъ суждена.

Намъ молодость. Смерть старымъ суждена.
Художникъ на холстѣ, поэтъ въ сонетѣ,
Въ кантатѣ композиторъ, кѣмъ звучна
Искусства гамма, репортеръ въ газетѣ,
Солдатъ въ походѣ — всѣ, кому нѣжна
Такая мысль, докажутъ пусть всѣ эти
Свою любовь къ издѣльямъ изъ зерна.

Газелла IX

А если-бъ Пушкинъ ѡжилъ и къ намъ пришолъ? . . .
Тогда бы онъ увидѣлъ, что Хамъ пришолъ.

И Мережковскому бы сказалъ онъ: „Да,
Собрать, Вы были правы — „онъ“ тамъ пришолъ.

Грядущій Хамъ окончилъ свой дальній путь
И рады иль не рады, онъ къ вамъ пришолъ“ . . .

Потомъ бы Пушкинъ „новыхъ“ читалъ стихи:
„На смѣну мнѣ рой цѣлый въ мой храмъ пришолъ,

И „геніевъ“ такъ много теперь у васъ,
Что и меня забыли, — я самъ пришолъ:

Хотѣлось насмотрѣться на вашу жизнь,
Но, посмотрѣвъ, воскликну: Въ бедламъ пришолъ!, ..

„Самарскій адвокатъ“

Посредственному адвокату
Стать президентомъ — не удѣль.
Онъ дѣловито шолъ къ закату
И вотъ дойдя — онъ не у дѣль! . .

Напрасно чванилась Самара:
„Волжанинъ сталъ почти царемъ!“
Онъ поднимался, какъ опара,
А лопнулъ мыльнымъ пузыремъ.

Но не конфузятся волжане:
„Керенки“ знаетъ вся страна.
Онъ у каждого въ карманѣ —
А чтобы дралъ ихъ сатана!

Народъ, жуя ржанья гренки,
Ругаетъ „дѣтище“ его:
Вѣдь потрудиѣ сбыть „керенки“,
Чѣмъ Керенскаго*) самого! . .

1918 V

*) Простонародное произношенье.

„Александръ IV“

Что думаль „Александръ Четвёртый“,
Пріѣхавъ въ гатчинскій дворець,
Обозрѣвая полъ протёртый
Людьми безъ мозга и сердець ?

Аллеей вѣкового сада
Бродя, онъ поняль ли афронтъ,
Что шоль къ нему изъ Петрограда ?
Ужель надѣялся на фронтъ ?

Какъ онъ, чей путь былъ сладко-колокъ,
Свой переоцѣнилъ завѣтъ !
Какой же онъ плохой психологъ
И жалкій государствовѣдъ !

Какъ символичень „милосердыя
Сестры“ костюмъ, который спасъ
Его : не то же ли вѣтвердые
И сердобольностей запасъ ?

Да, онъ поэтъ ! да, онъ фанатикъ
Идеалистъ *stile décadence* !
Паяцъ трагичный на канатъ.
Но идеальность — не баллансъ...

1918 V

Крашенные

Сегодня „красные“, а завтра „бѣлые“ —
Ахъ, не матеріи! ахъ, не цвѣты! —
Людишки гнусные и озвѣрѣлые,
Мнѣ надоѣвшие до тошноты.

Сегодня пошлые, и завтра пошлые,
Сегодня жулики и завтра тѣ-жъ,
Они, бывалые пройдохи дошлые,
Вамъ спровоцируютъ любой мятежъ.

Идеи вздорныя, мечты напрасныя,
Что въ „ихъ“ теоріяхъ — путь къ Божеству.
Сегодня „бѣлые“, а завтра „красные“ —
Они безцвѣтные по существу.

Свою любовь къ издѣльямъ изъ зерна
Докажетъ пусть Зизи въ кабріолетѣ:
Она всѣмъ угнетаемымъ вѣрна.
Такъ пусть найдетъ кинжальчикъ на колетѣ
И броситъ на подмогу бѣдняку,
Чтобъ онъ убилъ въ душѣ своей тоску
И радость въ новомъ утвердилъ завѣтъ.

Такъ радость въ новомъ утвердилъ завѣтъ
И старь, и малъ: мужъ, отрокъ и жена.
Пусть въ оперѣ и въ драмѣ, и въ балетѣ
Свобода будетъ впредь закрѣплена:
Пускай искусство воспоетъ свободу,
И слѣдующій вопль нашъ канетъ въ воду:
„Нѣтъ табаку, нѣтъ хлѣба, нѣтъ вина!“

Нѣтъ табаку, нѣтъ хлѣба, нѣтъ вина —
Вопросы, что тоскуютъ объ отвѣтѣ.
За „ихъ“ проступки мстительно дана, —
Ни день, ни годъ, а цѣлый рядъ столѣтій, —
Намъ молодость: смерть старымъ суждена!
Свою любовь къ издѣльямъ изъ зерна
Пусть радость въ новомъ утвердитъ завѣтъ.

Лѣ V

Они придуть — ни эти и ни тѣ,
Тѣ, что живутъ теперь и прежде жили,
А новые, кто преданъ Чистотѣ,
Съ лазурью въ каждой венѣ, въ каждой жилѣ.
Безвраздныя, не знающіе смуть,
Незловиво-прекрасныя, — придуть,
Чтобъ мы при нихъ глаза свои смежили.

Чтобъ мы при нихъ глаза свои смежили
И отошли, погрязшіе въ тщетѣ,
Въ свой смертный сонъ, чтобъ больше не вражили
Въ уродствѣ, злѣ, грязи и нищетѣ.
Мы имъ уступимъ мѣсто на планетѣ,
И наши торжествующія дѣти
Возгрянутъ гимнъ добру и красотѣ.

Возгрянутъ гимнъ добру и красотѣ,
Зло побѣдятъ единодушно, или
Не будутъ вовсе жить, въ своей мечтѣ
Узрѣвшіе лазоревыя были.
Плѣнительнымъ и легкимъ станетъ трудъ,
Все лучшее себѣ они возьмутъ,
И забожать, какъ дѣды не божили.

И забожать, какъ дѣды не божили,
Грядущіе, со взоромъ къ высотѣ
Направленнымъ, съ которымъ подружили
Луна и звѣзды въ свѣтлой темнотѣ.
Они отвергнутъ спешное гурманство,
Они воздвигнутъ культъ вегетарьянства,
И будутъ жить въ священной простотѣ.

И будутъ жить въ священной простотѣ,
Служа ни звѣрской, дерзкой, мерзкой силѣ;
А духу своему, пѣть о Христѣ,
О томъ, какъ мы Исуса поносили
Въ своей безчеловѣчной пустотѣ,
Пѣть о Его расколмленной могилѣ,
Пѣть о Христовомъ подвижномъ крестѣ.

Пѣть о Христовомъ подвижномъ крестѣ
Могли-бъ и мы, пока еще мы были
Безгрѣшными, пока на животѣ
Не ползали и не глотали пыли.
Но нѣтъ: мы тѣмъ сіянье предпочли,
Погрязли въ злобной тинѣ и пыли,
О томъ, кѣмъ быть могли, мы позабыли.

О томъ, кѣмъ быть могли, мы позабыли,
Предавшись сладострастью, клеветѣ
И всѣмъ земнымъ грѣхамъ, — мы утаили
Въ себѣ нашъ духъ, въ своей неправотѣ.
Пусть насъ, разнузданныхъ, безъ устрашенья,
Простить за дѣянья и прегрѣшенья
Они придуть — ни эти и ни тѣ.

Они придуть — ни эти и ни тѣ,
Чтобъ мы при нихъ глаза свои смежили,
Возгрянуть гимнъ добру и красотѣ
И забожать, какъ дѣды не божили.
И будутъ жить въ священной простотѣ,
Пѣть о Христовомъ подвижномъ крестѣ,
О томъ, кѣмъ быть могли, мы позабыли.

Финаль

Кончается одиннадцатый томъ
Моихъ стиховъ, поюшихъ о бываломъ,
О невозвратномъ, сказочномъ, о томъ,
Что пронеслось крылатымъ карнаваломъ.

Не возвратить утраченныхъ усладъ
Въ любви, въ искусствѣ, въ *soirée*; въ ликерахъ, —
Во всемъ, во всемъ!.. Заплачьте, и назадъ
Смотрите всѣ съ отчаяньемъ во взорахъ.

Пусть это все — игрушки, пустяки,
Никчемное, ненужное, пустое!..
Что до того! дни были такъ легки,
И въ нихъ таилось нѣчто дорогое!

Любили мы любовь и пикники,
И души винъ и женщинъ тонко знали.
Вначалѣ повстрѣчали насъ вѣнки,
И поношенье хамское — въ финаль.

Мы смѣли жить! мы смѣли отдавать
Чаруйный долгъ великолѣпной модѣ,
Не утомясь молитвенно мечтать
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ

Вамъ „новымъ“, вамъ „идейнымъ“ не понять
Ажурности „ненужнаго“ былого:
На вашихъ лбахъ — бездарности печать
И на устахъ — слухъ рѣжущее слово!..

Конечно, я для васъ „аристократъ“.
Котораго презрѣть должна *Рассея*... —
Поэтъ, какъ Дантъ, мыслитель, какъ Сократъ, —
Не я-ль достигъ въ искусствѣ апогея?

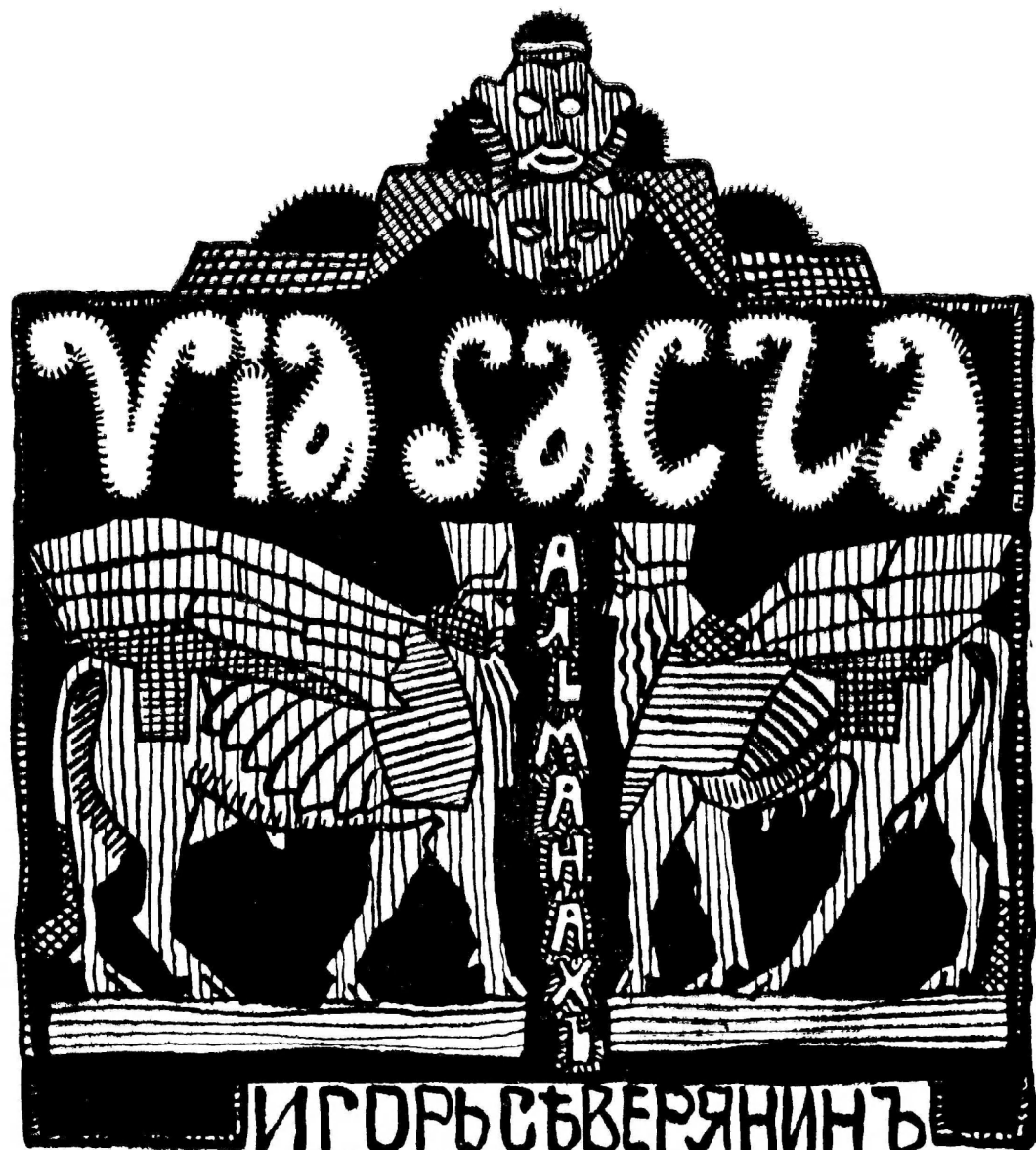
Но будетъ день, — и въ русской головѣ
Забродятъ снова мысли золотыя,
И памятникъ воздвигнетъ мнѣ въ Москвѣ,
Изживъ „*Рассею*“, вѣчная Россія!

Интродукція	7
Устрицы	8
Ликеръ изъ вервѣны	9
При свѣтѣ тьмы	10
Фанатики изборовъ	11
Морефея	12
Бѣлый трансъ	13
Луннице блики	14
Чары Лючинь	15
Образъ прошлаго	16
У окна	17
Цвѣты, какъ крылья	18
Дизэль I	19
Дизэль II	20
Кэнзель XI	21
Кэнзель XII	22
Газэлла IV	23
Газэлла V	24
Газэлла VI	25
Газэлла VII	26
Газэлла VIII	27
Рондо XIX	28
Рондо XX	29
Рондель XV	30
Сонетъ XXX	31
Баллада XXI	32
Баллада XXII	33
Баллада XXIII	34
Баллада XXIV	35
Баллада XXV	36
Квинтина I	37

Квинтина II	38
Квинтина III	39
Квинтина IV	40
Лѣ I	41
Версеuse сирени	43
Послѣдніе зеленые листки	44
Пора безжизнія	45
Предвѣшняя элегія	46
Это явь или греза?	47
Музѣ музыкъ	48
Элегія изгнанія	49
Восемнадцатый вѣкъ	53
Сонетъ XXIX	54
Газэлла IX	55
„Самарскій адвокатъ“	56
„Александръ IV“	57
Крашенные	58
Влюбленные въ поэтику	59
По справедливости	60
Теффи	61
Памяти Н. И. Кульбина	62
Судьба Таси	63
Лососья идиллія	64
Кондитерская дочь	65
Въ роли рикши	66
Квинтина V	67
Лѣ II	68
У гейшъ	70
Поэза Упадка	73
Борису вѣрину	76
Отходная Петрограду	77

Конечное Ничто	78
Монологъ императрицы	79
Къ воскресенью	80
Во имя искусства	81
Газелла X	82
Секстина IV	83
Секстина V	85
Секстина VI	87
Секстина VII	89
Секстина VIII	91
Секстина IX	92
Секстина X	93
Лэ III	94
Лэ IV	96
Лэ V	98
Финалъ	100

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ
ВЛАДИМИРЪ АЛЕКСАНДРОВСКІИ
ИВАНЪ БЪЛЯЕВЪ
БОРИСЪ ПРАВДИНЪ

VIA SACRA

VIA SACRA

АЛЬМАНАХЪ

ИГОРЬ-СЪВЕРЯНИНЪ
ВЛАДИМИРЪ АДАМСЪ-
АЛЕКСАНДРОВСКІЙ
ИВАНЪ БЪЛЯЕВЪ
БОРИСЪ ПРАВДИНЪ

41873

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВАДИМЪ БЕРГМАНЪ
ЮРЬЕВЪ-TARTU (ЭСТОНІЯ) 1922

Обложка работы художника Ахасъ.

2.1. 4
28271
21985055

Типографія Эд. Бергманъ, Юрьевъ.

Игорь-Съверянинъ

Плимутрокъ.

Комедія - сатира въ одномъ актѣ.

Такъ называемые люди :

Княгиня Тупицына.

Графъ Буланцовъ-Феклушковъ.

Камеръ-юнкеръ Цезарь-Городовой.

Дворянинъ Гималая. Адвокатъ.

Баронъ Голубковъ.

Баронесса Голубкова. Его жена.

Радомиловичъ. Бывшій губернаторъ.

Блестящеглазка. Человѣкъ.

Дѣйствіе.

Терраса. Горы. Рѣка.

Княгиня Тупицына и Цезарь-Городовой
(ходятъ и бесѣдуютъ).

- Кн. Тупицына.* Она — громадная оригиналка:
Когда вчера я встрѣтила ее,
Въ ея рукѣ была большая палка,
Какъ будто пика, хлысть или копье.
- Ц.-Городовой.* Быть можетъ, это — удочка?
- Кн. Тупицына.* Ахъ, что Вы!
На уточку похожъ ли длинный хлысть?
Вы надо мной шутить уже готовы...
- Ц.-Городовой.* Но Вы меня не поняли. Я чистъ
Предъ Вами, — говорилъ я не про утку,
А удочку для уловленья рыбъ.
- Кн. Тупицына.* Послушайте, оставьте Вашу шутку,
(наклоняется черезъ перила)
А вотъ и утка кстати. Ципъ-ципъ-ципъ!
Скажите прямо, что это за палка,
Мнѣ странная, но ясная для Васъ.
- Ц.-Городовой.* На это палку ловятъ рыбу.
- Кн. Тупицына.* Жалко,
Что я не знала этого въ тотъ разъ:
Мнѣ было бы взглянуть весьма занятно,
Какъ палкой бьютъ по рыбьей головѣ!
Но этимъ рыбамъ больно, вѣроятно?
Вѣдь, это-же — убійство, vous savez!
- Ц.-Городовой.* Помилуйте, на удочку ихъ ловятъ
Совсѣмъ не такъ, — по головѣ не бьютъ.
- Кн. Тупицына.* Возможно, я не знаю. Кстати, тутъ
Кѣфаль, не правда-ль, хорошо готовятъ?

Ц.-Городовой. Великолѣпно. Я, какъ рыболовъ
Искусный, самъ ходилъ за окуньками, —
Пріятно послѣ клуба и баловъ . . .

Кн. Тупицына. Что Вы сказали? какъ? за огоньками?

Ц.-Городовой. О, нѣтъ, за окунями. Это — сортъ
Распространенный рыбы. Я рекордъ
Побилъ на этой ловлѣ.

Кн. Тупицына. Не слыхала.

Я знаю стерлядь, осетрину и
Зернистую икру. И всѣ они
Мнѣ нравятся. Теперь послѣдней мало.
Вы говорите — рыбную игру
Вы любите? Я сяду на качалку, (садится)
А Вы поймайте мнѣ на Вашу палку
Громадную зернистую икру.

Ц.-Городовой. Икра не рыба . . .

Кн. Тупицына. Курица — не птица,
И женщина, — почти не человѣкъ? . . .
Ха-ха-ха-ха!

(Уходятъ.)

Баронесса Голубкова и графъ Буланцовъ-Өеклушковъ
(входятъ и бесѣдуютъ).

Б.-Өеклушковъ. . . . Такъ онъ рифмуетъ „снѣгъ“
И „брегъ“. Ну, кто-же съ нимъ сравнится
По мастерству и звучности стиха?
А модернисты — это чепуха.
Да, Надсонъ — это цѣлая эпоха.
Недаромъ самъ „Литературный Фондъ“ —
Его издатель.

Б-сса Голубкова. Ну, а какъ Бальмонтъ?
Какъ пишетъ онъ — пріятно или плохо?

Б.-Өеклушковъ. Бальмонтъ . . . Бальмонтъ . . . Слыхалъ какъ будто я
Фамилію Бальмонтъ. Звучить знакомо.
А что, и онъ поэтъ?

Б-сса Голубкова. Да, есть два тома
Его стиховъ у брата. Не тая
Грѣха, скажу: не открывала книги,
Фамилію-жъ прочла на корешкѣ.

Б.-Өеклушковъ. Ну, Богъ съ нимъ. Вѣроятно, онъ — тоqué.
Все это — чушь. А знаете — визиги
Теперь почти нигдѣ достать нельзя . . .

Б-сса Голубкова. Да что Вы, неужели? Это ужасъ!
Когда-жъ, когда-жъ Европа, разоружась,
Какъ прежде, заживетъ? . . .
(Уходятъ.)

Баронъ Голубковъ и адвокатъ Гималая
(входятъ и разговаривають).

Гималая. . . . Ея друзья,
Какъ и сама она, дурного тона:
Какіе-то художники. У нихъ
Понятій о приличьяхъ никакихъ.
Мнѣ говорила тетушка патрона,
Что у нея на виллѣ дикій столъ,
И въ кушаньяхъ полнѣйшій произволь:
Такъ, на примѣръ, ѣдятъ они . . . крошку!

Бар. Голубковъ. А что это такое — ок-рош-ка!

Гималая. Какъ это Вамъ сказать? Окрѣшка — это крошка
Яиць крутыхъ и мяса. Молока, —
Не молока, а вродѣ, — да, сметаны
Вливають эти готтентоты . . . въ квась!
И „кушанье“ готово.

Бар. Голубковъ. Если Васъ
Я понялъ, это — супъ для . . . обезьяны
Какой-нибудь.

Гималая. Зачѣмъ издалека
Намъ подходитъ къ подобному вопросу?
Скажите прямо: супъ для мужика.

Бар. Голубковъ. Для русскаго . . . хотите папиросу?

Буланцовъ-Өеклушковъ (подходитъ).

Б.-Өеклушковъ. Быть можетъ разрѣшите взять и мнѣ?
Я портсигаръ забылъ, къ несчастью, дома.

Бар. Голубковъ. Пожалуйста. О, это мнѣ знакомо...
Б.-Өеклушковъ. Что именно?
Бар Голубковъ. Сочувствую вполнѣ
 Разсѣянности Вашей, говорю я.
Гималая. А я, признаться, въ случаяхъ такихъ
 О памяти нисколько не горюя,
 Вознагражу себя за счетъ другихъ.
 Не странно-ли, чужія папиросы
 Мнѣ кажутся всегда вкуснѣй моихъ?
 (Уходить.)

Бар. Голубковъ. Онъ такъ любезень...
Б.-Өеклушковъ. Этихъ горъ откосы
 Напоминаютъ мнѣ родной Кавказъ.

Бар. Голубковъ. Помилуйте, но чѣмъ-же? здѣсь природа,
 Мнѣ кажется, иная, и порода
 Слоевъ совсѣмъ не та.

Б.-Өеклушковъ. Но высь, какъ разъ,
 Такая-же, и тоже есть вершины.
 Но, впрочемъ, на Кавказѣ года два
 Я не былъ и забылъ его. Трава
 Тамъ тоже есть. Трава и апельсины.

Бар. Голубковъ. Имѣете въ виду Вы Эривань?
Б.-Өеклушковъ. Нѣтъ, Кисловодскъ.

Бар. Голубковъ. Но, графъ, плоды — южнѣе.
Б.-Өеклушковъ. Они вездѣ. Тамъ женщины нѣжные,
 Чѣмъ здѣсь. Онѣ танцуютъ pas d'Espragne,
 Кавказскій танецъ... Шашлыки въ духанахъ
 Волшебные. О, что за шашлыки!
 Мужчины носятъ бурки, башлыки...

Бар. Голубковъ. (Барану впору грезить о баранахъ...
 Какой неподражаемый дуракъ!)

Б.-Өеклушковъ. А не сыграть-ли намъ, баронъ, въ трикъ-тракъ?
Бар. Голубковъ. Я, къ сожалѣнью, вовсе не играю.
Б.-Өеклушковъ. Напрасно. Это путь къ земному раю.
 Хе-хе-хе-хе! Вотъ я какой острякъ!
 (Уходятъ.)

Княгиня Тупицына и баронесса Голубкова
(входят и разговаривают)

Кн. Тупицына. А гдѣ-же Ваши гости?

Б-сса Голубкова. Англичане?

Они уже уѣхали, увы.
Княгиня, понимаете-ли Вы,
Какъ мнѣ обидно это? Въ океанѣ
Четвертый день качаются въ волнахъ.

Кн. Тупицына. Вы такъ ихъ сожалѣете? да?

Б-сса Голубкова. Ахъ,
Возможно ли ихъ не жалѣть, — вѣдь, мистеръ
Трэнъ-Милькъ-Гуадъ былъ такъ любезенъ: онъ
Мнѣ подарилъ пять дюжинъ панталонъ,
И безо всякой, вѣрите-ль, корысти?...

Кн. Тупицына. А какъ-же Вашъ супругъ? Онъ разрѣшилъ
Принять отъ англичанина подарокъ?

Б-сса Голубкова. Что за вопросъ! Мой мужъ — ужасно милъ.

Кн. Тупицына. О, я не сомнѣваюсь въ этомъ...

Б-сса Голубкова. Ярокъ
Былъ даръ другого гостя: мнѣ бюваръ
Онъ преподнесъ изъ черепашьей кожи.
Раскрыла я его, смотрю, — и что-же!
Пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ! Свой даръ,
Не правда-ли, лордъ Каунгей по царски
Обставилъ?

Кн. Тупицына. О, счастливица! Но все-жъ
Мнѣ странно, что Вашъ мужъ былъ такъ... хорошъ
Съ гостями. Я ждала иной развязки.

Б-сса Голубкова. Развязки моихъ связокъ, ха-ха-ха?
Но Вы не позабудьте, о my little,
Дороговизну и мой вкусъ, и титуль?
Всѣ туалеты стали, какъ труха.
А новые барону не по средствамъ.

Кн. Тупицына. И потому?

Б-сса Голубкова. И потому, посредствомъ
Пустячныхъ компромиссовъ, я въ мѣха
И бархатъ разодѣта... безъ антракта!
У мужа моего такъ много такта,
Не правда-ли?

Кн. Тупицына (всторону). О, больше, чѣмъ у Васъ!
Противная! Вотъ ей дарятъ при мужѣ
Вѣлье и стерлинги. Мои голландцы хуже:
Конфекты и азалий восемь вазъ.
Да, мнѣ — фунты конфектъ, а ей изъ банка
Фунты фунтовъ бумажныхъ. Интриганка!

Буланцовъ-Өеклушковъ, Цезарь-Городовой, Гималая, Голубковъ
(постепенно входятъ парами, тихо между собою разговаривая).

Радомиловичъ (быстро входя).
Княгиня! графъ! баронъ и баронесса!
И камеръ-юнкеръ здѣсь! и адвокатъ!
Обрадованъ вамъ искренно повѣса!
Ну, какъ я радъ васъ видѣть! какъ я радъ!

Б-сса Голубкова. Откуда Вы?
Б.-Өеклушковъ. Съ луны свалился, что-ли?
Кн. Тупицына. Вотъ такъ сюрпризъ!
Бар. Голубковъ. Дѣйствительно, сюрпризъ.
Ц.-Городовой. Онъ живъ! онъ живъ!
Гималая. Смотрите, онъ — на волѣ!
Радомиловичъ. Какъ видите, не сгнилъ и не прокисъ.
Кн. Тупицына. Все тотъ-же франтъ.
Б-сса Голубкова. Все тотъ-же остроумецъ.
Ц.-Городовой. Все тотъ-же charme.
Б.-Өеклутковъ. Все тотъ-же идиотъ.
Бар. Голубковъ. Все тотъ-же интересный вольнодумецъ.
Радомиловичъ. Все тотъ-же я, вы правы! я все тотъ!
Кн. Тупицына. Откуда Вы?
Б-сса Голубкова. Не мучьте насъ — откуда?
Ц.-Городовой. Вѣдь онъ въ Россіи былъ!
Б.-Өеклушковъ. Откуда-жъ Вы?
Гималая. Вотъ это — положительное чудо.
Кн. Тупицына. Пропаль...
Б-сса Голубкова. Исчезъ...
Ц.-Городовой. И вдругъ...
Радомиловичъ. Я — изъ Москвы!

Гималая. (Съ ума сошелъ.)
 Кн.-Тупицына. (Несчастный.)
 Б.-Өеклушковъ. (Провокаторъ!)
 Ц.-Городовой. (Шпіонъ...)
 Б.-Өеклушковъ. (Чекисть!)
 Кн. Тупицына. (Онъ — призракъ.)
 Б-сса Голубкова. (Это — сонъ.)
 Бар. Голубковъ. (И это — нашъ блестящій губернаторъ!)
 Ц.-Городовой. (Аристократъ.)
 Кн. Тупицына. (Виверъ.)
 Б-сса Голубкова. (И это онъ!...)
 Радомиловичъ. Да, это я! Не бойтесь, джентльмены
 И лэди! Это — я. Не людоедъ,
 Не призракъ и не звѣрь, а неизмѣнный
 Членъ общества, помѣщикъ, правовѣдъ.
 Да, это — я, пріѣхавшій съ курьерскимъ,
 Въ международномъ спальномъ wagon-lit,
 Съ отвѣтственнымъ пакетомъ министерскимъ,
 Съ привѣтами вамъ родственной земли.
 Да, это — я, привезшій вамъ богатства
 Изъ вашихъ сейфовъ, я ихъ всѣ нашель.
 Да, я — посоль страны любви и братства —
 РСФСР истинный посоль!
 Кн. Тупицына. Ахъ, онъ привезъ мнѣ серьги въ сто каратовъ!
 Б-сса Голубкова. Мнѣ — діадему черныхъ жемчуговъ!
 Ц.-Городовой. Мнѣ скрипку Руджіери...
 Б.-Өеклушковъ. Мнѣ же — золото!
 Гималая. А мнѣ рецептъ слоеныхъ пироговъ.
 Кн. Тупицына. Какъ хороша совѣтская Россія!
 Б.-Өеклушковъ. И какъ грозна!
 Б-сса Голубкова. Не край, а прямо — рай!
 Кн. Тупицына. Большевики — орлята молодые.
 Ц.-Городовой. Какъ справедливы!
 Б-сса Голубкова. Русскіе! родные!
 Бар. Голубковъ. При нихъ страна переживаетъ май!
 Радомиловичъ. Я пошутилъ, друзья мои, простите, —
 Я бѣженецъ такой-же, какъ и вы.
 Кн. Тупицына. Такъ это сонъ — брилліантовыя нити?!.
 Б-сса Голубкова. Такъ это бредъ — уборъ для головы?!.

Б.-Өеклушковъ. За эти шутки разстрѣлять бы надо!
Гималая. Оставить безъ обѣда.
Ц.-Городовой. Вотъ такъ фунтъ!
Бар. Голубковъ. Онъ — нашъ, перемѣнилъ онъ только грунтъ.
 Ха-ха!..
Кн. Тупицына. Хотите чашку шоколада?
Радомиловичъ. Не откажусь. Ха-ха-ха-ха-ха-ха!
Всѣ. Ха-ха-ха-ха! Какая чепуха!

Блестящеглазка (входитъ и обращается къ княгинѣ).

Я извиняюсь, что безъ разрѣшенья,
 Не будучи ни съ кѣмъ знакома, къ Вамъ
 Врываюсь въ домъ. Простите мнѣ, madame,
 Необходимо мнѣ безъ промедленья
 Увидѣть Радомиловича.

Радомиловичъ. Я
 Къ услугамъ Вашимъ. Что-же Вамъ угодно?
Кн. Тупицына. (Она ведетъ себя весьма свободно.)
Ц.-Городовой. (Какая невоспитанность!)
Б.-Өеклушковъ. (Свинья!)
Б.-сса Голубкова. (Что за костюмъ!)
Гималая. (Какая-то цыганка!)
Бар. Голубковъ. (Безвкусица полнѣйшая.)
Б.-сса Голубкова. (Лицо
 Накрашено.)
Кн. Тупицына. (Вы видѣли кольцо?)
Гималая. (Фальшивое по-моему.)
Б.-Өеклушковъ. (Мѣщанка!)

Блестящеглазка (отходя съ *Радомиловичемъ* въ сторону).

Послушайте, зачѣмъ-же Вы ушли,
 Со мною не простясь?
Радомиловичъ. Но Вы, вѣдь, спали,
 И чтобъ Васъ не будить...

Блестящеглазка. ... Вы брошку взяли
 Мою, сознайтесь? Какъ-же Вы могли?

Радомиловичъ. Но тише, ради Бога! я отдамъ.

Блестящеглазка. Не стыдно-ль Вамъ?

Радомиловичъ. Прости, Блестящеглазка...
 Не говори такъ громко.
 (Вслухъ)
 Вотъ, mesdames,
 Какая изумительная сказка!
 Позвольте Вамъ представить: короля
 Наваррскаго прямѣйшая потомка —
 Принцесса Плимутрокъ.
 (Тихо)
 Но только громко

Не говори о брошкѣ, или я
 Съ террасы брошусь!

Кн. Тупицына. Очень мнѣ пріятно,
 Что посѣтили Вы нашъ скромный домъ.
 Мерсі за честь.

Б-сса Голубкова. Лицо ея! есть въ немъ
 Величественно-царственное.

Ц.-Городовой. Внятно
 Оно твердить о благородствѣ.

Б-сса Голубкова. Цвѣтъ
 Костюма поразительный!

Гималая. Браслетъ
 Неслыханной цѣны.

Б.-Оеклушковъ. О, вѣроятно,
 Она богата.

Кн. Тупицына. Милости прошу.
 Вотъ шоколадъ. Вотъ кѣксъ. А вотъ пти-шу.

Блестящеглазка. Все это такъ. Но только лжетъ онъ, кротко
 Сказать: я не принцесса, а кокотка.
 А онъ — альфонсъ мой бывший, нынѣ воръ:
 Онъ у меня укралъ сегодня брошку.

Радомиловичъ. (Она меня убила! О, позоръ!)

Гималая (графу). Я говорилъ Вамъ: ѣсть она окрошку!

Занавѣсъ.

Вакханка изъ Кальяри.

Одноактный миньонетъ.

Станція Ливорно. Вагонъ, вдоль разрѣзанный.
Двери всѣхъ купэ раскрыты.

Носильщикъ. Пожалуйте за мною. Номеръ пять —
Вотъ Ваше мѣсто: въ третьемъ отдѣленьи.

Пассажиръ. Пустой вагонъ! Какое упоенье!
Что, поѣздъ долго будетъ здѣсь стоять?

Носильщикъ. Уходитъ въ три — согласно расписанья.
Благодарю Васъ, баринъ. Досвиданья.

Пассажиръ. Ну, Африка, прощай! твоя краса
Предъ итальянской кажется мнѣ гадкой.
Итакъ, покончивъ съ этой пересадкой,
Я буду дома черезъ два часа.
Любимая! Два мѣсяца разлуки!
Дай цѣловать изысканныя руки,
Дай говорить сердечныя слова!
Жена моя! желанная! какъ больно!
Душа къ тебѣ влечется богомольно.
Прости меня: я самъ вѣдь живъ едва...
Но развѣ виновать я, что со мною
Ты не могла отправиться въ турнэ?
Вѣдь по совѣту доктора Вернэ
Осталась дома ты полубольною.
Но какъ я могъ тебя оставить? Вотъ
Вопросъ, который надо оботвѣтить.
Пусть пѣнье — мой единственный доходъ, —
Марчелла — другъ единственный на свѣтѣ!
Но безъ дохода окружить нельзя
Любимую заботливымъ вниманьемъ,
И оттого я обреченъ скитаньямъ,
Съ эстрады на эстраду вѣкъ скользя,
Изображая нѣкую машину...

Кондукторъ. Пожалуйста, билетъ Вашъ. Номеръ шесть.
Сюда въ купэ прошу покорно сѣсть.

Пассажирка. Благодарю. Поставьте здѣсь корзину.
Вотъ такъ.

Пассажиръ. Вы мнѣ позволите курить?

Она. Но это отдѣленье для курящихъ.

Онъ. Я знаю: для курящихъ и... скорбящихъ.

Она. Я Васъ прошу яснѣе говорить.

Онъ. Сударыня, не спрашивайте: слишкомъ
Мнѣ тяжело.

Она. А мнѣ совсѣмъ легко,
И потому мы будемъ пить Клико
И предаваться всяческому излишкамъ...

Онъ. Кто это — мы?

Она. Конечно, я и Вы,
Маэстро Леджіарэ, первый теноръ.

Онъ. Но кто-же Вы?

Она. Для Вашей головы
Головоломка, для души — измѣна...
Откупорьте шампанское живѣй:
Я пить хочу струистыя иголки, —
Во мнѣ течетъ кровь истинной креолки,
Въ мозгу узорныя причуды фей...
Я Васъ люблю, маэстро Леджіарэ...
Ты будешь мой, а нѣтъ — такъ вотъ курарэ!

Онъ. Я буду Вашъ? Вы говорите, Вашъ,
Когда жена, быть можетъ, умираетъ,
Когда, когда...

Она. Уже въ немъ кровь играетъ...
Приди-жь ко мнѣ, мой милый, вѣрный пажъ.

Онъ. Вы — проститутка! Вы — исчадье грязи!
Вы — чудище! Оставьте этотъ тонъ.

Она. ... Смотри сквозь паутину панталонъ
На розы тѣла моего въ экстазѣ...
Смотри смѣлѣй, любуйся, не робѣй, —
Тебѣ отдамъ пылающее тѣло:
Я цѣлый годъ имѣть тебя хотѣла,
И наконецъ! О, жданный часъ, пробей!
Бери меня — иль ядъ приму я смѣло.
Что-жь медлишь ты? Приблизься — и владѣй!

- Онъ.* Но подожди, но выслушай, злодѣйка,
Ты хороша, нѣтъ словъ, но пощади, —
Я чувствую борьбу въ своей груди,
Я весь горю...
- Она.* Возьми меня: я — лейка, —
Вмигъ охлажу мучительный твой зной.
Я жду тебя. Вкуси восторгъ со мной.
- Онъ.* Я не могу. Не долженъ я. Оставь.
Моя жена больна.
- Она.* А я здорова,
И я хочу тебя. Я только — явь,
Она же — бредъ, терзающій сурово.
- Онъ.* Но я люблю ее.
- Она.* Люби, такъ что-жь?
Я не мѣшаю этому. Меня-же
Цѣлуй, ласкай, чтобъ послѣ бросить даже.
Что изъ того, что ты меня возьмешь?
Подумай хорошенько. Развѣ въ этомъ
Таится преступленье — быть предъ свѣтомъ
Свободнымъ отъ условностей и путь
Житейскихъ предразсудковъ? Двухъ минутъ
Достаточно для маленькой измѣны,
Дающей мнѣ такой большой восторгъ!
О, неужели-бъ ты меня отторгъ?
О, неужель? Спѣши: вѣдь, до Равенны
Осталось, знаешь, только полчаса.
Такъ сотворимъ изъ страсти чудаеса!
Смотри, какъ ты страдаешь. Черезъ часъ
Войдешь къ женѣ больной, быть можетъ — мертвой.
Во мнѣ твоихъ грядущихъ силъ запасъ.
Пусть ты, мою страстью распростертый,
Найдешь во мнѣ источникъ новыхъ силъ,
А, въ случаѣ несчастья, — и забвенья... (Плачетъ).
- Онъ.* Какъ? я тебя объ этомъ не просилъ?!
Не понялъ? отвергаль? я оросилъ
Слезами взоръ твой, полный вдохновенья?
Прости, прости. Я буду твой, повѣрь,
Да, твой навѣкъ!
- Она.* Закрой плотнѣе дверь
И вѣкъ возьми обратно, — дай мгновенье...

З а н а в ѣ с ь.

Аэро-фарсъ.

Фарсъ въ 3-хъ картинахъ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Квартира супруговъ.

- Мужъ* (складывая телеграмму).
Я долженъ уѣхать дня на три въ Женеву:
Меня вызываетъ Коммерческій Банкъ...
Я долженъ оставить свою королеву.
- Жена.* Вели же откупорить тотчасъ май-транкъ:
Я выпить съ тобою хочу за успѣхи.
- Мужъ* (звонить. Появляется слуга).
Подайте любимый напитокъ жены,
- Жена.* А также конфеты, халву и орѣхи...
- Мужъ.* Подайте-же все, что подать Вы должны.
- Жена.* Когда-же твой поѣздъ уходитъ?
- Мужъ.* Въ три десять.
Въ Женевѣ я буду чрезъ сутки.
- Жена.* Итакъ,
Меня ты покинешь? Смотри, куралесить
Не вздумай въ Женевѣ.
- Мужъ.* Чудачка!
- Жена.* Чудакъ!
- Мужъ.* Прощай, дорогая!
- Жена.* Прощай, мой любимый!
- Мужъ.* Себя береги и такъ далѣе.
- Жена.* Брось
Банальности.
- Мужъ.* Ну, да хранятъ серафимы
Тебя.
(Теряетъ телеграмму и уходитъ.)

Жена. Лишь бы свидѣться вновь довелось!
(Поднимая телеграмму.)
Пріятныя новости! думала-ль это?
Такъ Вы одурачить хотѣли жену?
„Коммерческимъ Банкомъ“ зовется Джульетта!
Я Вамъ объявляю немедля войну!
Изъ Вашего праздника сдѣлаю будни,
Жестоко нарушу Вашъ дьявольскій планъ.
(Звонить и говорить лакею.)
Велите подать мнѣ къ пяти пополудни
Отъ Блеріо экстренный аэропланъ!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

На аэропланѣ.

Жена. Когда прилетимъ мы въ Женеву?
Пилотъ. Въ семь ровно:
Отсюда дотуда полетъ два часа.
Жена. Достаточно-ль правите Вы хладнокровно?
Пилотъ. Мнѣ можетъ мѣшать только Ваша краса.
Жена. Да развѣ, сознайтесь, ужъ такъ я красива?
Пилотъ. Вы просто прекрасны, сударыня.
Жена. Вотъ
Пріятный сюрпризъ! Я отвѣчу Вамъ живо:
Я рада, что Вы — образцовый пилотъ!
Пилотъ. Я тронуть, сударыня, Вашей хвалою...
Жена. Какъ тронута я комплиментомъ себѣ...
Скажите: высоко ли мы надъ землею?
Пилотъ. Двѣ тысячи футовъ всего лишьъ.
Жена. Въ волшбѣ
Полета совсѣмъ позабыла о цѣли
Поѣздки въ Женеву.
Пилотъ. Откройте мнѣ цѣль.
Жена. Я ѣду мстить мужу, чтобъ встрѣтить въ постели
Любовницы — тѣхъ, въ комъ не вызову хмель...
Пилотъ. Не лучше-ль взглянуть на того, въ комъ избытокъ
Любовныхъ желаній Вы въ силѣ зажечь?
Жена. Вы мнѣ предлагаете знойный напитокъ?..
Пилотъ. О, дайте скорѣ Васъ къ сердцу привлечь!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Кв а р т и р а Д ж у л ь е т т ы .

- Жена* (лежить въ постели Джульетты).
- Мужъ* (входя). Джульетта! Не сонъ-ли? я снова съ тобою!
Безумной любовью душа прожжена!
Вчера наконецъ-то разстался съ женою!
- Жена.* Но я не Джульетта: я — Ваша жена!
- Мужъ.* Жена?! не Джульетта?! я брежу! О, Боже!
Когда-жъ ухитрился я спрыгнуть съ ума?!
Все это на сказку, на чудо похоже!
Да, это — Грасильда, Грасильда сама!
Но какъ ты попала сюда? Лишь разъ въ сутки
Въ Женеву приходятъ отъ насъ поѣзда!
Что значать твои сумасшедшія шутки?
Но нѣтъ, я безумецъ! я боленъ! да! да!
- Жена.* Да, да! Ваше мѣсто — въ тюремномъ чуланѣ
Иль въ домѣ безумныхъ. Позоръ Вамъ и срамъ!
А я прилетѣла на аэропланѣ,
Съ пилотомъ въ пути измѣнила я Вамъ!..
- Мужъ.* Она измѣнила! А гдѣ-же Джульетта?
- Жена.* На аэропланѣ отправилась въ N.
Влюбилась въ пилота, не взвидѣла свѣта...
- Мужъ.* О, я помѣшаюсь отъ этихъ измѣнъ!
- Жена.* Но это не все. Онъ беретъ ее замужъ,
И проситъ Васъ быть посаженнымъ отцомъ.
- Мужъ* (смирясь).
Что-жъ дѣлать? Согласенъ. Я думаю самъ ужъ:
Пора перестать мнѣ быть... быть...
- Жена.* ...Подлецомъ!

З а н а в ѣ с ь .

Работа исполнена въ Мартѣ 1922 г.,
Eesti, Toila.

Владимиръ
Адамсъ - Александровскій

Милому и хорошему Борису Правдину

поэту

другу

человѣку

*Какъ ледъ на солнцѣ, сердцемъ таю,
Таю Вашъ ликъ — онъ стильно-строгъ.
О Васъ дразняще крикнуть въ стаю
Встаю я на ходули строкъ.*

*Къ чему въ любви признаньемъ медлить?
Вѣдь слѣдуетъ Вамъ, братъ мой, знать,
Что въ вѣкъ беззнатія мы — знать,
Что только намъ строфъ чистыхъ мѣдь лить!*

Вашъ Вл. А.

Измѣните смерть мою въ жизнь, мои кипарисы въ лавры и адъ мой въ небо. Осѣните меня безсмертіемъ, сотворите изъ меня поэта, одѣньте меня блескомъ, когда я буду пѣть о смерти, кипарисахъ и адѣ.

Джордано Бруно.

По тягостнымъ автоэстрадамъ

Съ тѣхъ поръ съ бисквитомъ звѣздъ бреду...

(„Изъ родословной“)

Я — кисть съ душою въ рукояткѣ...

(„Самоутвержденіе“)

Можетъ-быть всѣхъ людей я чудесный

Тѣмъ, что я никогда не начнусь...

(Изъ отроческаго автомазка)

Вл. Адамсъ-Александровскій.

Порядок пьес случайный.

Via sacra.

Я весь сталъ свѣтлый и строгій.
Богъ снова послалъ весну.
На тягостно-четкой дорогѣ
Уже не хочу я уснуть.
Искусство мнѣ снова дѣвица,
И снова я вѣрю въ повѣрья,
И снова больная Жарь-птица
Роняетъ раскатныя перья.
Озѣритъ въ мозгу тишина,
Лишь мысли столпились какъ дѣти...
А ночью — большая луна,
И въ лужахъ особенно свѣтитъ.

Безыскусственный.

Какъ хорошо въ нашъ вѣкъ культурныхъ эскимосовъ
Писать другъ другу стройные стихи!
Искусствомъ только можетъ жить философъ
Среди Всемирной Чепухи.

Вы видѣли, какъ тащить тусклыхъ будней тачку
Надменный одинокій арестантъ.
А видѣли-ли Вы крылатыхъ мыслей скачку
Въ мозгу, гдѣ кантикомъ становится самъ Кантъ?

Мы слишкомъ чуткіе, чтобъ жить безъ масокъ!
Фанатики невидимой весны,
Султаны строфъ и полководцы красокъ,
Мы міру ненужны!

Мальчишка.

(Лирель.)

Натыкано такъ много дырокъ
Въ фаянсѣ облачнаго неба!
Какъ уши улицъ оттопырены!
И садъ людской поливки требуетъ.

Упавъ на каменное брюхо,
Сварливый городъ спить, какъ Ной.
Лишь муравьемъ ползеть мнѣ въ ухо
Колоколовъ тягучій гной.

Изъ каменнаго вымя города
Мы капнули въ весенній лѣсъ . . .
Её поднять — и за пригорокъ
Служить древнѣйшую изъ мессъ!

Я сцѣловаль съ тебя сорочку:
Ползи, упругая змѣя!
Твоимъ губамъ задамъ я всключку,
Сегодня будешь вся моя.

Вопьюсь, вольюсь въ испугъ прекрасный.
Какъ ширится твоя ноздря!
Не бойся: сокъ, что брызнулъ красный,
Это — вечерняя заря.

Изъ мяса выжать гамму стоновъ!
Еще! Сгрызу съ тебя соски!
Мы дрожь усталыхъ униссоновъ
Оледенимъ въ волнахъ рѣки.

Въ рѣку неистово мы впали,
Какъ два весеннихъ ручейка.
До неба брызги долетали!
Зарила надъ водой щека.

Не застегнуть рубашки воротъ!
Деревья замерли статуями!...
Когда мы возвращались въ городъ,
Кормилъ я вѣтры поцѣлуями...

Конкурсно
для „Раковъ на мели“.

Лирическое Ну.

А. И. Аванасьеву-Козлову.

Извивалась и играла, надувала губки.
Объщала... Послѣ бала... Какъ блестяли зубки!
Наливала изъ бокала алыхъ губъ улыбки
И рѣсницъ полуовалы были странно-зыбки...
Говорила о русалкахъ, о раскольническихъ свалкахъ,
И въ большихъ глазахъ дрожали золотыя рыбки.
А затѣмъ свой взоръ вперила
Въ вечеръ нѣжный, снѣжный,
Замолчала висло-хило,
Не ласкала, не ласкала,
Сразу стала
Безнадежна.
Говорила: ты вѣдь мой,
Ты -- холодный и иной — но ты мой,
Ты силенъ, а я слаба — но ты мой,
Я всегда твоя раба — и ты мой.
Я всегда не та, не та — но ты мой,
Ты мой!

.
.
.
.

Ты знаешь, я цвѣту тогда, когда орутъ огни,
И я люблю, и я хочу, и я должна цвѣсти.
А ты идешь, идешь, ведешь,
Гдѣ темнота горитъ.
И вмѣстѣ съ мѣсяцемъ ты ткешь
Такую рѣжущую нить...
Я не могу безъ фонарей, безъ электрическихъ огней,
И безъ вина, безъ скрипачей
Я не могу!
Ни маскарадовъ, ни угара, ни безопаснаго пожара
Въ твоёмъ магическомъ кругу.
А глубина всегда темна
Темна, страшна черна . . .
.
.
.
Возьми меня, зажги меня,
Цѣлуй, чтобъ было больно-больно!
Травь въ губы пчелки... цѣлый рой...
Жгутъ поцѣлуйныя иголки —
Ты никогда не будешь мой!

1920.

(Отрывокъ изъ поэмы.)

Изъ цикла „Скорченныя орбиты“.

I.

Въ мозгу и въ комнатѣ хохочетъ беспорядокъ.
На столикѣ дневникъ и маленькій букетъ.
Онъ тягостно усталъ... Свѣтъ въ зеркалѣ такъ гадокъ,
А искры, искры въ мѣрѣ нѣтъ.

Весь вечеръ въ обществѣ дѣвицъ изнервно-звонкомъ
Онъ съ розою въ петлицѣ танцевалъ,
И до утра въ уайльдовскомъ утонкѣ
Надъ вымысломъ горѣлъ и хохоталъ.

А дома сжегъ тетрадку съ дѣтскими стихами...
Взялъ матери портретъ... Повѣсилъ вновь назадъ.
А послѣ, чуть сверкнувъ холодными глазами,
Онъ изумленно принялъ ядъ.

II.

Зовъ недоходный.

Какъ камни сухіе въ сухую погоду,
Такъ души людей
Все тѣ же:
Въ будуарчики Будду! Лушера въ пагоду!
Такъ какъ же въ нашъ вѣкъ красотѣ жить?
Я влѣзалъ изступленно на гладкія мачты,
Я взвивался пылинкой въ небесную высь,
И вѣтеръ мнѣ пѣлъ:
„Безтрубный трубачъ ты!“
Когда я спиралиль снѣжинкою внизъ.
А когда наступила агонія дня
И Богъ
Посмотрѣлъ, безопасно,
Я уснулъ —
А Онъ взялъ и **выкроиль**
Изъ меня
Двѣ дюжины мелкихъ человѣчковъ.
И вотъ хожу
И кричу
Разорваннымъ ртомъ:
Спасите

Высыхающій колодець
Пѣсень!
Купите остатки поэта на сломъ,
Пока душу
Не задернула плѣсень!

Возстановлено
лѣтомъ 1921 г.

Leidale:

Умерла наша бѣлая встрѣча,
И погасли разбрызги ракетъ ;
Ты писала въ неласковый вечеръ :
„Ничего, ничего въ мѣрѣ нѣтъ.

Уже солнце не служить обѣдни,
И порывы не ткутъ менуэтъ,
Короля и принца наслѣднаго
И дворца изумруднаго нѣтъ !“

Гладкихъ тучъ носовые платки,
Какъ слезами, набухли свѣтомъ . . .
Я такъ ясно увидѣлъ тиски,
Подтвердилъ: ничего въ мѣрѣ нѣту.

I. 22.

Знойно-голыя стройныя нѳги
Солнца лучами обхлѳстаны...
Покрыль поцѳлуевъ ожоги
Платочекъ твой пестренькій.
Свѳтитъ утро твоей бѳлизной.
Спи, ты устала...
Мнѳ жалко, что рваной душой
Любить могу мало.
Никогда твои злые соски
Мой сынокъ не сожметъ:
Я всклокоченъ на дыбѳ тоски,
Слышишь плети взлетъ?
Нѳтъ, ты спи. Ничего не скажу.
Накормлю тебя звѳздными крошками.
Здѳсь тепло. Этотъ холодъ и жуть
За окошкомъ.
Тамъ текутъ, другъ за друга цѳпляясь,
Капли росъ по стеклу...
А въ углу,
Чуть-чуть улыбаясь,
Святой Приснодѳвы икона
Крестить смятыя панталоны.

Изъ цикла „Автострада“.

Все укради! Я съ путепереступья
Тебѣ, мой дальній, завѣщаю: зазвѣзди!
Тебѣ кричу издергомъ губъ я:
Ты укради!

Ты укради то, что чеканно *было* —
И что огнить болотно впереди,
Что твердо, какъ алмазь, что нѣжно и безкрыло,
Ты укради!

Ты укради и отъ весенней дѣвы,
Отъ дикаря порывнаго въ шерсти,
И отъ стиховъ хрустальнаго напѣва
Все укради!

Въ моей крови ведутъ извѣчный танецъ
Ярильный, свѣтовзорный славянинъ,
Надменный шведъ, стремительный германецъ
И хмурый одинокій финнъ.

Сучье души ломать кто далъ вамъ столько власти,
О жадные, удѣльные князья?
Ахъ, предки сильные мнѣ душу рвутъ на части!
Въ ихъ хороводѣ такъ безсиленъ Я!

Тверды, какъ льдинки, заклинанья финна,
Но вѣтеръ братски гладитъ бороду.
Лишь финнъ и лѣсъ, съ мужчиною мужчина,
Упорно смотрятъ на полярную звѣзду!

Германецъ завтра мощно оживаетъ,
И скрещены мечи предъ окнами Kriemhild,
Копье спокойно Hagen поднимаетъ,
И укрощаетъ Siegfried гордую Brünhild.

Прыжокъ чрезъ горизонтъ — похитилъ я славянку,
Весь воздухъ криками истощными изрыть!
Татарскій ножъ — румяна для буланки!
Ахъ, лопнуть груди отъ тоски копытъ!...

... Я вѣдь живой! Вы — тѣни, вы же — мертвые!
Я каждый день кому-то измѣню...
Но — трепещу, рубцы завидя стертые:
Мой конь послушенъ вашему ремню!

Письмо.

„Я должна Тебя видѣть...“

Я предсказалъ Тебѣ похмѣлье
— Какъ сердце зябнуло тогда! ...
Теперь въ окошко строгой кельи
Швырнула вновь Ты невода.

Не вѣрю, что Ты видѣть хочешь
Поэта скорченныхъ орбитъ,
Себя капризомъ Ты щекочешь
Слегка погрызть злыхъ звѣздъ бисквитъ.

Но чужда радость мнѣ щекотки.
Вольноотпущенникъ небесъ,
Пронзенный пикою чахотки,
Беззвучу, какъ сосновый лѣсъ.

Я сталъ свѣтлѣе весь и строже,
Нездѣшнихъ вѣсенъ властелинъ;
Смотри, какъ странно непохожа
Моя рука на длань мужчинъ.

Дыханьемъ птичку не согрѣли,
И вникла въ сердце тишина...
Я холоднѣй иглистой ели,
И „жизнь“ мнѣ больше не нужна.

Пусть за окошкомъ строгой кельи
Замрутъ знакомые шаги,
Пусть новый хмѣль смѣнить похмѣлье,
Мой образъ въ памяти сожги!

Въ моей душѣ — ночныя тѣни,
И нечего мнѣ больше дать,
И эти гордыя колѣни
Мнѣ больше не предъ кѣмъ склонять!

Откровение.

Else — dem Profil Ihrer Seele.

Въ моемъ кристальномъ опьяненьи
Мнѣ радость счастья не нужна,
И Богоматерь въ зломъ бореньи,
Какъ дѣвочка, со мной дружна.
Весь бѣлый, дальній, неподвижный,
Ужасень мой холодный Богъ;
Его люблю и ненавижу
И быть хочу, какъ Онъ, я строгъ.
Мнѣ на единственной дорогѣ
Чужія тѣни не нужны:
Ахъ, счастье — это такъ немного,
Біенья жизни такъ блѣдны.
Свой путь чтобъ могъ, взываю къ Богу,
Непонятымъ я завершить:
Вѣдь понимать мою дорогу
Я не могу вамъ разрѣшить!

Мигослѣпокъ VI.

Хорошо, что красивыя сосны
Безуспѣшно къ небу тянутся;
Хорошо, что въ грядущія вѣсны
Мертвецы изъ гроба не встануть.
Хорошо на остывшемъ песку
— А песокъ то бѣлый, бѣлый, —
Тамъ, гдѣ рѣчки блики лоскутятся,
Видѣть оттискъ женскаго тѣла.
Только видѣть. И больше не надо.
Не вздыхать. Не любить. Не жалѣть.
Только лѣса таинственный ладанъ...
Только неба дырявая сѣть...
Хорошо бы мнѣ Слово узнать
И богомъ благимъ притвориться.
...Такъ знакома сегодня луна,
Что хочется ей поклониться.

Иванъ Бѣляевъ.

*Свѣтлой памяти
друга-отца
богослужу.*

Въ деревнѣ.

Здѣсь только оконъ слѣпыхъ нѣмые квадраты,
Да я съ душою моею изломной —
Жильцы избушки согбенной и темной —
Ютимся молча въ глухой ложбинѣ подъ скатомъ.

Здѣсь только я - - я одинъ съ душою, распятой
На свѣрлахъ тупыхъ тоски необъемной!...
А Богъ проклятый — тамъ, въ норѣ укромной,
Еще разъ руки умыль, подобно Пилату...

И только бѣльмомъ недвижно-огромнымъ
Поля на версты легли за склономъ горбатымъ,
Межъ мною, въ ссылкѣ томимомъ никчёмной,

И тѣмъ, чѣмъ прежде жилось, чѣмъ прошлое свято...
И нѣтъ, какъ въ мертвой глуби водоёмной,
Мнѣ словъ отзывныхъ здѣсь, въ кругѣ моемъ залятомъ!...

Я укуталь ватой сердце свое дырявое.
Холодно какъ-то. Ежусь. Жизнь такая корявая.
Прошлое крадётся сзади тѣнью нелѣпо-тощей.
Вздрагиваю при одной мысли. Вообще всё нелѣпо:
умереть было бы проще.
Живу какой-то слезящейся раной, съ ободранной кожей.
Къ чему? Кому кажу болью? — Глупо какъ-то.
А жизнь наглѣть, высовываетъ языкъ и строить рожи,
И колыпаешься въ ея ухабахъ, такой растерянный, сбитый
съ такта...
Ухожу въ себя. — Схожу съ большой дороги и прячусь въ
кусты.
Малѣйшій вѣтерокъ треплетъ нервы. — Плотнѣе въ вату!
Вижу, какъ солнце стрижетъ золотыми ножницами цвѣты.
Равнодушно смотрю на путь, человѣчьимъ сапогомъ
изгрызенный и измятый...
И плюю на всё. Спокоенъ. Не завидую живущему собрату...

Прокаженнымъ перстомъ молитвенно борозжу лобъ.
— Невѣдомому богу ладанъ моего смрада. —
Подъ черепомъ удушенныхъ мыслей разверстыи гробъ.
Сердце — червивое копошенъе гнойныхъ гадовъ.
Вотъ они здѣсь, лежатъ всѣ рядомъ блѣдною грудой —
Мертвые трупики моихъ упованій!
— Что крадешься, старый Богъ, съ поцѣлуемъ Іуды?
Жалко скулишь: „Терпи — возмщу страданіе“?
Не для моихъ язвъ пластырь твоего Писанія —
Зову новую божью любовь и гнѣвы:
Чтобъ благостнымъ заступомъ взрыть мое страданіе,
Нуженъ новый Спасъ, новый ликъ Приснодѣвы!...
Прокаженнымъ перстомъ молитвенно борозжу лобъ.
— Невѣдомому богу ладанъ моего смрада. —
Новымъ словомъ воскреси трупики въ моемъ гробѣ!
Вздыми мѣртвыхъ изъ копошенія гнойнаго гадовъ!...

Павлиньимъ хвостомъ разметалась надо мною
звѣздная блевотина.

Вижу въ небѣ быка,
Колѣнопреклонённаго,
Вздыбивающаго ногами чѣрную пашню,
О чёмъ-то молитвенно вопящаго.
И я самъ — такой
Маленькій,
Обиженный,
Хочу тоже опуститься на руки
И тихо залаять
О вѣчности
Прямо въ пасть неба
Беззубую,
Чтобы знало меня,
Маленькаго,
Умѣющаго лаять.

Quasi-fantasmagoria.

— Этот маятник — что подь нимъ болтается . . .
Глобусъ земли, вселенной? . . .
— Этот маятникъ скачетъ
И бьётся въ глазахъ,
Какъ въ ногахъ
Мячъ
Футбольный . . .
И мѣдью тяжелой,
Словно полѣномъ
Убийца, кровью пьяный,
Раны
Мнѣ въ черепъ тупо вколачиваетъ . . .
Мозгъ просачиваетъ
Кость моя
Вздыбленная,
И изъ трещинъ
Пѣной красной
И космами
Сѣрой плазмы
Харкаетъ . . .
А сзади
Три пса —
Голодныхъ, шершавыхъ, облѣзлыхъ, —

Три пса безобразныхъ
Сзади
На слѣду моёмъ злобно скребутся и шаркають
И грязно-алую вату мозга
Слизываютъ
Жадно...
— А вы, поэтъ?...
Я пронзаю ваше сердце фіолетовой шпагой,
И изъ него брызжетъ кровь сиреневая,
Дрожа на аркѣ запаховъ пьяныхъ,
Какъ молодой цвѣтокъ:
Ею душать платокъ,
Шею,
Грудь пряную
И подъ мышками влажно-теплыми
Молодыя дѣвы...

Жуткій восторгъ вонзаетъ въ меня длинныя розовыя ногти
И ковыряется въ мякоти моей больно такъ :
Такая ты красивая !
Хочется встать на ципочки
И потянуться къ тебѣ
Всею жадностью молчаливой губъ,
Сложивъ въ трубочку ихъ,
Моляще,
По-дѣтски —

вотъ такъ.

Скажи — будешь моею ?
Или только такъ
Пройдешь мимо опять,
Случайно по пути опаливъ
Херувимскимъ лѣтомъ рѣсницъ ?
И снова одинъ,
Въ берлогѣ,
Я буду тревожно зализывать
Свѣтлую рану любви ? ...

Ex libro amoris.

Опять любовь? И вновь провалы въ ямѣ топкой,
И шагъ придавленный, глухой, на вязкихъ тропкахъ
Любви?...

Да, да, — я узнаю, опять она настигла,
И вновь лучить въ меня безжалостныя иглы
Любви...

И, саваномъ покрытый дымно-алымъ,
Въ безвольности блаженно-рабьей предаюсь я жалу
Любви...

Вонзайся же! — Зіяй зубастою пучиной!
Плети изъ крови и магнита паутину
Любви!...

Résignation I.

Вотъ именно такія-то мнѣ и нравятся —
Грудастыя,
Крѣпкомясыя,
Съ запахомъ здороваго пота!
Эта тяжесть тѣла,
Эта упругость рессорная!
Женщина —
Тебѣ мои пѣсни невыкричанныя!
Я — твой:
Ложусь рабомъ на полъ —
Дави глыбою плоти!...

Résignation II.

Бранью словъ, какъ кнутомъ, полосуешь.
— Вся въ пурпуръ гнѣва. —
Гляжу на тебя глазами умной лошади,
И въ предчувствіи шпоръ цѣпкихъ
Радостно
Мордой
Трусь
О твою господнюю руку.
Бей!
Хлещи жилистѣе!
— Самъ зацѣлю рубцы!...

Авонь.

Душа-то твоя — странница тощая, богомолка,
Исходила, исковыляла всѣ пути-дороги,
Измаялась обивать Божьихъ просторовъ пороги,
Пятки трепать-мозолить въ ухабищахъ по просѣлкамъ.
Прикурнула въ болотцѣ тѣмномъ, у кочки ржавой,
И тянетъ этакъ жалобно, шепеляво:
„Эхъ, устали мѣсить дороженьки
Корявые ноженьки!
Избродила горы и доли я,
Стала нищая, голая —
Куда гожая?
На себя-то непохожая...
— Охъ, — озябла я!...“
И дрожить, и кутается въ тѣльце дряблѣе,
И причитываетъ тоненько, по-старушечьи:
„Хлѣбца бѣ Христова краюшечку!...“
Въ болотцѣ тѣмномъ, у кочки ржавой —
Тянетъ жалобно такъ, шепеляво.
И тоскуетъ и голоситъ тонкимъ плачемъ,
Что не жить ей иначе.

М. Денисовой.

Такой маленькій человекъ —
— а какъ плакалъ!
— Одинъ на площади. —
А сзади —
по-лоскутьему мерзко
Трепыхался кумачёвый языкъ улицы.
А кругомъ гримасы плыли
похабныя,
Бороздя площадь.
— И смѣхъ обнажилъ гнилые зубы. —
Тогда я подошелъ
и сказалъ тихо:
— Господа! Я требую серьезной тишины! —
Я сказалъ тихо.
И изъ оконъ всѣ мѣщанишки повывалились:
Изъ пузатыхъ домиковъ —
рыльцами въ камень.

Погладилъ васъ и усмѣхнулся криво,
Дохнувъ улыбкой въ гарь земныхъ былицъ,
И замеръ маятникъ неторопливый
Подъ циферблатомъ деревянныхъ лицъ.
И я сказалъ: „Вотъ такъ. Вотъ подойдите —
Я покормлю васъ ласково съ руки.
Я средствомъ отъ дешевенькихъ наитій
Вамъ освѣжу усталые виски.“
И, поблѣднѣвъ, вы люстры погасили
Надъ глянцемъ лакированныхъ плѣшинъ,
Но зеркала, смеркаясь, отразили
Убогость сѣрыхъ выцвѣтшихъ личинъ.

Б. В. Правдину.

Земными снами изнуренный,
Въ болотахъ вязну и пескахъ,
И день мой, осенью пронзенный,
Повисъ, безсильный, тамъ, въ кустахъ.
Стою, не въ силахъ двинуть ноги,
И тёмной жути пѣну пью,
А сверху смотритъ кто-то Строгий,
Неумолимый къ моему тряпю.
Я рубища отдамъ закатамъ,
А самъ одѣнусь тишиной,
И смерть прикроетъ блѣднымъ платомъ
Мой прахъ подъ чахлою сосной.

Погребеніе.

Я послѣ похоронъ души моей печальной
Такъ часто возвращался безъ стиховъ, нагой,
И снова шелъ беззвѣздною дорогой дальней,
Въ слѣпыхъ путяхъ судьбы затерянный изгой.

Безумецъ проклятый, съ отчаяньемъ и тупо
Карабкаюсь по кручамъ горъ и скользкихъ скалъ,
Я тамъ загадокъ каменные грызъ уступы,
Гдѣ хохоталъ въ лицо мнѣ пустоты оскаль.

И я усталъ брести, разбитый и увѣчный,
Путѣмъ, гдѣ плахой сталъ мнѣ каждый слѣдъ ноги,
И проклинать себя въ могильныхъ плитахъ встрѣчныхъ,
Гдѣ всѣ кресты такъ обнаженны, четки и строги!...

Борисъ Правдинъ.

Игорь Сѣверянинъ.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ Игорь Сѣверянинъ
Нашъ тихій городъ посѣтилъ,
Грущу о немъ, раздумьемъ раненъ,
Какъ я давно ужъ не грустилъ.

И мнится: за ночь вьюгой снѣжной
Весенній городъ замело, —
Ты пѣлъ о счастья такъ элежно,
И объ элежномъ такъ свѣтло!

Я помню голосъ твой изломный,
Программы скомканный листокъ
И чей-то даръ весенне-скромный —
Блѣдно-сиреневый цвѣтокъ.

Весь обликъ сѣвернаго скальда,
Печаль улыбки, *petites manies*, —
Вы мнѣ напомнили Уайльда
Въ его трагическіе дни.

И ты, какъ онъ, — поэтъ бездомный
И конквистадоръ Красоты,
Познавшій горечь доли темной
И своенравіе Тщеты!

25. V. 1919.

II.

Какъ были холодны колонны,
Старинно-строгій бѣлый залъ,
Когда Вашъ голосъ тайно-стонный
То пламенѣлъ, то погасалъ!

Вы гнѣвно пѣли о Гоморрѣ,
Сплетали мирты Красотѣ,
И въ оверлѣненныхъ „Amores“
Молились Яви и Мечтѣ.

Но не внесли отъ сонной тины,
Не олазорили толпу —
Ни Ваши четкіе секстины,
Ни дѣвогимны *Visnapuu*.

И пусть мы слѣпы и убоги, —
Несите пѣдвигный Вашъ крестъ:
Быль „кубкомъ Гебы“ для немногихъ
Вашъ неожиданный пріѣздъ.

7. II. 1920.

Ella Ilbak.

Увѣнчанъ паѳосскими темными розами,
Забытыми розами давнихъ небесъ,
Змѣился Вашъ танецъ, цвѣтя граціозами,
Вставая камеей на фонъ завѣсь.

Какъ строфы Алкея, дышали Элладю
Извивы хитона и линіи плечъ,
И были въ тотъ вечеръ Вы нѣжной наядою
И вольной вакханкой, рожденною жечь.

Но сѣверной болью мечта затуманена...
Осеннія скрипки... Valse triste...
Васъ бросилъ въ темницу суровый Рахманиновъ,
Васъ думою ранилъ задумчивый Листъ.

Легко уноситься изъ душнаго плѣна Вамъ,
Все новые лики таитъ Красота:
Въ мелодіяхъ Брамса, въ прелюдѣ шопеновомъ
Вы снова — иная, Вы снова — не та.

И долго мы мчались на крыльяхъ Гармоніи,
Молились Мечтѣ при погасшихъ огняхъ,
А послѣ намъ снилась корона Эстоніи
На чьихъ-то небрежно-летучихъ кудряхъ.

24. IV. 1919.

Автору „Незримаго Гіацинта“.

Я подхожу все осторожнѣй
Къ свѣтло-незримому стеблю:
Вы въ немъ — блистательный возможникъ,
И я за это Васъ люблю.

Пусть въ облакахъ сегодня ребусъ
Съ разгадкой гадкой: марабу,
И оттопыриваетъ небо
Свою капризную губу, —

Ростутъ, родные неньюфарамъ,
Въ болотѣ буденной трухи,
И рвутся къ небу, какъ фанфара,
Молніеносные стихи:

По тягостнымъ автоэстрадамъ
Съ тѣхъ поръ съ бисквитомъ звѣздъ бреду,
Съ тѣхъ поръ божить Владимиръ Адамсъ
Въ огеніаленномъ бреду.

1922.

Стэлла Арбенина.

Есть въ профилѣ Арбениной камейность,
Въ изгибѣ голоса волнующій нюансъ, —
Пусть чарный взоръ ея и плечъ лилейность
Насъ долго въ грёзный погружаютъ трансъ!

Ахъ, пусть еще не разъ во мглѣ партера
Игрой изящницы душа опьянена!
Будь то Нана, Марикка или Вѣра,
Иль Трильби О'Ферраль, — она во всѣхъ она:

Надменница, изыскная, какъ вѣнка,
(О, какъ ея бровей капризенъ взлетъ!)
Смѣется взрывно, какъ демимондэнка,
Какъ герцогиня, руку подаетъ.

1920.

Вѣра Бертингъ.

Е. К. Бергманъ.

Нѣмой Пьерро, одѣтый снѣжно,
Съ лунно-напудреннымъ лицомъ,
Вы мандолинили небрежно
Предъ коломбининымъ крыльцомъ.

И романтическія струны
Чуть слышно ткали серебро:
Вы — только сонъ, Вы — призракъ лунный,
Вы — горько плачущій Пьерро.

Но въ пляскѣ бурной, молодецкой
Намъ такъ нежданно сверкнулъ
Пьянящей шири половецкой
Всепокоряющій разгулъ.

И кто былъ нѣгою не ранень,
Когда въ партеровую мглу
Метнулъ побѣдно половчанинъ
Свою крылатую стрѣлу?

5. XII. 1919.

Г. П.-Р.
(Интуитта.)

Le piano que baise une main frêle . . .
P. Verlaine.

Chopin и Вы — одно и то же,
Въ Васъ та же лунность, та же боль,
Но Онъ — возвышеннѣй и строже:
Вы — королева, Онъ — король.

И тотъ же призракъ рѣветъ въ залѣ,
Когда, прозрачна и легка,
Цѣлуетъ клавиши рояля
Мимозно-нѣжная рука.

.

Вы вся — томительный и странный,
Верленомъ созданный романсъ,
Въ Васъ слиты страстность польской панны
И утонченность Ile de France.

1919.

Бенъ-Али.

Въ пестро горланящей хламидѣ
Царить, наглѣя, властелинъ,
Какъ шиллеровскій „Духовидецъ“,
Венеціанскій армянинъ.

Ужъ медіумъ уснулъ на стулѣ,
Надрывно дрыгаетъ нога:
Его астраль то бродитъ въ Тулѣ,
То видитъ Сены берега.

Почтительно погасли писки,
Наструнился глумливый Witz,
И знойно тянутся записки
Неврастеническихъ дѣвицъ:

Намъ, алчущимъ, дай обновиться,
Небеснымъ нимбомъ опали,
О, выходецъ изъ „Духовидца“,
О, небоскребный Бенъ-Али!

„Въ немъ что-то есть,“ — сказалъ философъ,
„Въ немъ что-то есть,“ — сказалъ поэтъ.
О какъ блаженно стоеросовъ
Ошарлатаненный имъ свѣтъ!

1922.

Д. Н. З.

Въ тоскливой сутолокѣ Tartu
Мнѣ такъ отрадно видѣть Васъ —
За то, что нѣтъ въ Васъ ни азарта,
Ни фарисейства, ни гримась.

Вашъ разговоръ и простъ и колокъ,
Подводитъ сущему балансъ,
Вы — математикъ и филологъ,
Вы — мыслитель par excellence.

Съ улыбкой истаго вселенца,
Въ ретортѣ своего ума
Смѣшали плутни „конференцій“
Вы съ теоремою Ферма.

Васъ увлекаютъ анекдоты
И достиженія всѣхъ странъ,
Астрономическіе взлеты,
Безсмертный пушкинскій „Русланъ“.

И даже въ сборѣ нѣкихъ „знаковъ“
Вамъ суждена благая роль:
Вы — Тамерланъ, но безъ баскаковъ,
Безъ территоріи король.

Я Васъ воспѣлъ не безъ причины,
Не безъ причины я Вамъ радъ:
Вѣдь, если Юрьевъ нашъ — Аѳины,
Вы — ихъ непризнанный Сократъ.

1922.

Пэрка.

Не той.

Мнѣ нравится бурная Пэрка
Своей карнавальной душой:
Она, несомнѣнно, — грезэрка,
И я — не совсѣмъ ей чужой.

Мнѣ родственна эта порывность,
Восторженно-вихревой тонъ,
И пламенная агрессивность,
И этотъ уклонъ подъ уклонъ.

Рыдающіе фейерверки
Утонченно-четкихъ стиховъ —
Ничто передъ взвизгами Пэрки,
Вакханки эстійскихъ лѣсовъ.

И если наивны эксцессы
На фонѣ витринъ и кино,
Винить ли порывъ сатирессы
За плещущее въ немъ вино?

Нужна здѣсь особая мѣрка,
Подходъ небанальной межой.
Да здравствуетъ бурная Пэрка
Съ ея карнавальной душой!

1920.

З. А.

(Двойной.)

Я падалъ такъ часто въ провалы,
Въ бездонные срывы Грѣха, —
И вотъ мнѣ постыли ужалы
И змѣйные ковы Грѣха.

Тебѣ, о тебѣ, Алогубка,
О Ингридъ, фіалка мечты,
Кипѣнье послѣдняго кубка —
Послѣдней моей чистоты.

Сорви паутину кошмара,
Что жизнью зовется! Цѣлуй!
Я — Демонъ и мнѣ ты — Тамара,
И благостень Твой поцѣлуй.

О насъ на фанфарѣ столѣтій
Пропѣлъ ясновидецъ — поэтъ,
И въ лунномъ фіалковомъ свѣтѣ,
Я знаю, не скажешь ты: нѣтъ.

Такъ сбудется греза поэта,
Я буду, ты будешь: Любовь.
Взойдетъ океанами свѣта
Моя заревая Любовь!

1921.

В. М.

Уйдемте въ вѣкъ duchesse de La Vallière,
Въ вѣкъ Буало, Мольера и пастушекъ,
Торжественно-изысканныхъ манеръ,
Надменныхъ буклей и жеманныхъ мушекъ.

Надѣньте платье style Louis Quatorze —
Оттѣнка розоватаго опала,
И пейте ледяной зеленый морсъ
Изъ узкаго граненаго бокала.

Пусть скрипачи играютъ менуэтъ
Въ таинственномъ незримомъ павильонѣ,
И плоскій мадригалъ въ минорномъ тонѣ
Пусть Вамъ прочтетъ напудренный поэтъ.

Какъ жалокъ онъ ! Какъ взоръ его померкъ !
Какъ Вы жестоки ! . . . И во мракѣ сада
Дождемъ рубиновъ пышный фейерверкъ
Вамъ возвѣститъ начало маскарада.

Кодакозы имажиниста.

I.

Вертявые звѣзды, вѣроятно, думаютъ,
Что я отъ Васъ откусываю — за кусочкомъ кусочекъ, —
Иныя смотрятъ недоброжелательно и угрюмо,
И кажется: вотъ-вотъ какая-нибудь соскочить.

И подойдетъ, охваченная безупречнымъ смокингомъ,
Непроизвольно прищуриваясь въ перламутровую лорнетку.
Пойметъ происходящее и пробормочетъ: „Shoking“ —
И, покраснѣвъ, ампутируетъ подвернувшуюся вѣтку.

И побредетъ на небо, глупѣе Канта,
Отъ смущенія спотыкаясь на заоблачной лѣстницѣ...
А на завтра созвѣздія расположатся транспарантомъ:

**Строго воспрещается
быть влюбленнымъ
въ публичномъ мѣстѣ.**

II.

Я открылъ безсистемный обстрѣлъ Вашего лица
Сумасшедшими гранатами моихъ взрывчатыхъ губъ.
Вы — нѣжная струйка расплавленнаго свинца,
А мое сердце — жадный парафиновый кубокъ.

Раскаленный напитокъ протопилъ сердце-рюмку,
Вы нечаянно прогрызли въ груди моей норѹ.
Въ мой мозгъ, какъ въ изящную крокодиловую сумочку,
Вы спрятали ассигнаціи Вашихъ губъ и рукъ.

Мысли мои прошпигованы исключительно Вами,
Какъ жареные вальдшнепы копченымъ саломъ.
Лукавыми взорами и затушеванными словами
Вы меня проткнули, словно тоненькимъ жаломъ.

Я — жукъ на булавахъ Вашихъ милыхъ пальцевъ,
Одурманенный хлороформомъ темнорозовыхъ губъ ;
Карточный домикъ, который вотъ-вотъ развалится ;
Кусокъ льду, заброшенный въ перегонный кубъ.

Въ груди давно отсырѣли колёса маленькихъ часиковъ,
Потому что на нихъ попали Вашей улыбки духи.
Заштопайте же мнѣ сердце зелеными нитками ласки,
А то оттуда забрызжутъ фонтаны гнилой трухи.

III.

Ив. Бъляеву.

„Fantaisie écossaise“ геніального Бруха
Сбрызгивается нервно съ блудливаго смычка,
И жужжить и ползаетъ, словно сонная муха
По вчерашнимъ тартинкамъ дешеваго кабачка.

Простите, неужели вамъ это нравится?
Знаете, вашъ вкусъ не годится ни къ черту...
Удивляюсь, какъ это вентиляторъ не подавится
Этой рвотою звуковъ, канифолью растёртой?

Изъ-подъ нервовъ смычка срывается рвота
И сверкаетъ изломами въ шестигранныхъ подвѣскахъ,
Трепещетъ въ судорогахъ деревянный животъ,
Лакированная шея звонко поблескиваетъ.

Иризирующіе взвизги истерической скрипки
Иннервируютъ иглами идиллическій свистъ.
Неужели вамъ нравятся эти колкіе шипики,
Звуки, жмушіе нервы, какъ педали циклисть?

Посмотрите кругомъ — сколько мяса передъ вами:
Гарнированныхъ галстуками элегантныхъ котлетъ!
Такъ не надо, поймите же, не сосите ушами, —
Вкусно-теплою кожей, — вонючій экскретъ!

IV.

Ваши губы пропитаны энергичнѣйшими наркотиками,
Я отъ нихъ — ко всему, кромѣ Васъ, анэстетичень,
Я хотѣлъ бы глотками, жадными и короткими,
Выпить всю Васъ, всю, — и стать экспансивно-взвинченнымъ.

Ваши губы инъецируютъ миллиарды бактерій,
Отъ которыхъ живѣютъ и торопятся мысли,
И набаты громовыхъ пятиактныхъ мистерій
Бомбардируютъ нервы, что отъ сонности скисли.

Ваши губы накачиваютъ мое заѣзженное сердце,
Словно старую шину мотоциклета Венеры,
И оно распрямляется и восторженно вертится,
И игриво сверкаютъ въ немъ спицами нервы.

Ваши губы намаринованы приворотными зельями,
Ваши губы заманчивѣй драгоцѣнныхъ камней:
Я бы вправиль ихъ въ платину и носиль бы, какъ ожерелье...
Дорогая, хорошая... подарите ихъ мнѣ!...

Бѣлые: Кр. g1, Ф. c4, Сл. a3, Сл. b1, К. e7, пѣшки a2, b2, f2, g2, h2, h6.
Черные: Кр. h8, Ф. a8, Л. d8, Сл. a5, К. a1, К. a6, пѣшки h4, b5, g5, b6, a7.

Бѣл. b2 — b4.

Чер. Л. d8—d1+. Сардонически гроыхаетъ бронированная громада;
Пурпуровые перекаты кувыркаются въ ухахъ.
Зловѣщая сирена предупредительно рада
Обманчиво-спокойно проревѣть: „шахъ“.

Король лѣниво пѣшкѣ ближней
Велѣлъ заткнуть желѣзный зѣвъ,
Но пѣшки были неподвижны,
Отъ ужаса оцѣпенѣвъ.
Его защитники тоскливо
Молили дерзкую туру,
А онъ, холодный и брезгливый,
Зѣвнулъ и вымолвилъ: „умру“...

„Ваше лакированное Величество, Вы никого не любите,

Бѣл. Ф. c4—f1.

А я вся — Ваша, до некрашеной сердцевины, —
Точеною грудью и куполами палевыхъ юбокъ
Я заслону Васъ отъ ядеръ неумолимой машины.“
Бронированная туша коверкаетъ нѣжное тѣло,
Въ свѣтло-розовую кашу растерты тюльпаны
грудей —

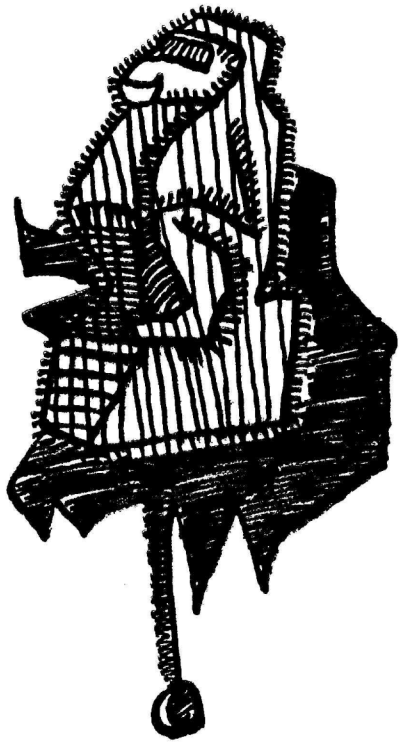
Чер. Л. d1 : f1 +

Лакированная талія бравурный аккордъ
прохрустѣла
И, какъ взрѣзанный ростбифъ, душисто дымится
и рдѣеть.

Бъл. Кр. g1:f1

Пьянѣя, черные бурливо
Рвались въ проклятую игру.
А онъ, холодный и брезгливый,
Столкнулъ бездушную туру.
Онъ взоромъ скуки и насмѣшки
Лохмотья мускуловъ обвелъ
И приказалъ сосѣдней пѣшкѣ
Немедленно почистить полъ.
И борода лакейской швабры
Смываетъ царственную кровь...
Гирлянды храбрыхъ,
Въ битву вновь!

На стр. 62, въ стихотвореніи „Résignation II“, пропушена третья строка
„Люблю гнѣвъ дѣвій.“

Александр Черниговскій.

СТРЕМНИНЫ.
ЛЕГЕНДЫ И СИЛУЭТЫ ИЗГНАНІЯ.

РЕВЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО „АЛКОНОСТЬ“ — БЕРЛИНЪ

Рисунокъ работы художника А. И. Владовскаго.

Александръ Черниговскій.

СТРЕМНИНЫ.

ЛЕГЕНДЫ и СИЛУЭТЫ ИЗГНАНІЯ.

4 А

41700.

Dum spiro, spero... — Обыденный. —
Закладъ Св. Чудотворца Николая. — Силь-
нѣе женщины. — Каменя. — Сердце на-
рода. — Лицо жизни. — Главкомъ. —

Издательство „АЛКОНОСТЬ“, Ревель—Берлинъ.

„Какъ много садовъ покинули они, и ручьевъ и нивъ, какъ много мѣстъ, восхитительныхъ и тѣнистыхъ, которыми наслаждались“.

Слова Ибнъ-Абу-Абейда, полководца мусульманъ, при занятіи оставленной персидской столицы — Ктезифона.

Тамъ брошенная бѣжавшими сокровища превзошли все извѣстное отъ начала міра.

Но захваченную неисчислимую добычу: коня изъ чистаго золота въ естественную величину, серебрянаго верблюда съ золотымъ верблюженкомъ и гранатовое дерево, золотое съ листьями и яблоками изъ карбункуловъ и изумрудовъ, невѣжественные и грубые пришельцы расплавили въ ломъ.

А коверъ Бѣлаго дворца, чудо изъ чудесъ Востока, протяженіемъ на 44 залы, представлявшій рисунокъ изъ цвѣтовъ, фруктовъ и деревьевъ, вышитыхъ драгоценными камнями, они разрѣзали на мелкіе куски и раздѣлили поровну, разрушивъ безцѣнное созданіе искусства и не насытивъ своей алчности.

НА КРУЧИ.

Шесть долгихъ лѣтъ эмиграціи. Это значить:

— Чужое безсолнечное небо.

— Жала большихъ и малыхъ укусовъ въ пяту и въ сердце.

— Жаръ души, растрчиваемый въ пустынь, ночи безсонныхъ думъ — и утромъ — новыя и и новыя пугающія сѣдя нити на вискахъ.

А тутъ еще — хмурый ликъ этой сѣрой машинной современности, однозвучный шумъ чужихъ и чуждыхъ грохочущихъ городовъ.

Зачѣмъ не воленъ человекъ выбрать время и мѣсто пришествія своего въ этотъ холодный міръ?

Зачѣмъ я опоздалъ родиться на цѣлую вереницу столѣтій.

И вотъ — рвется грезой опаленно-крылая мысль къ далямъ и зовамъ эпохъ иныхъ, на отвѣсныя пади и кручи, какихъ то влекущихъ свершеній.

Но — образъ Россіи надъ всѣмъ.

Русь, голубая монашка.

Святая Русь тихихъ зорь, церковей срубчатыхъ, нивъ безкрайныхъ, неохватныхъ глазу окоемовъ.

Здѣсь, у самой черты рубежа, здѣсь, гдѣ вѣтеръ разсвѣтнѣй доноситъ запахи русскихъ полей, неясные звуки ночи, рожденные жуткой тоскою русскихъ безкрайныхъ просторовъ, здѣсь я всѣмъ существомъ знаю:

— Россія будетъ.

— Россія встанетъ въ силѣ, славѣ и величіи.

Пусть же пока идутъ въ міръ эти предошущія и зовы, эти легенды и силуэты изгнанія:

Среди стремнинъ

Одинъ, одинъ

Жду знаменій неожиданныхъ...

Александръ Черниовскій.

Ревель, мартъ 1924 года.

DUM SPIRO, SPERO...

Р. С. Ляхницкому.

Каждый день Квинтъ Люцій Секундъ, центурионъ отрѣзаннаго въ пескахъ дальной Парѳіи XIII-го Италійскаго пограничнаго легіона, звеня вооруженіемъ, въ половинѣ третьей стражи подымается на обрушивающійся и заросшій травой лагерный валъ.

*

Приложивъ трубой испещренную боевыми рубцами руку къ шлему, орлиными глазами стараго бойца, напрягая зрѣніе, оглядываетъ онъ враждебно настоорожившуюся даль;

— Не блеснетъ ли въ голубомъ туманномъ маревѣ пустынь сверкающее оружіе желѣзныхъ легіоновъ Рима?

Не выются ли снова позолоченные орлы знаменъ надъ размѣренными строями непобѣдимыхъ когортъ, несущихъ гордое имя и право Вѣчнаго Города вплоть до окаймленнаго льдыстымъ Океаномъ невѣдомаго киммерійскаго предѣла вселенной?

Не минули ли тамъ, на далекой и чужой теперь родинѣ, позорные дни владычества евнуховъ, рабовъ и жадной къ даровымъ государственнымъ раздачамъ и кровавымъ цирковымъ зрѣлищамъ алчной римской черни, и не возсталъ ли желѣзный Римъ, нѣкогда дуновеніемъ Гнѣва своего потрясавшій народы, изъ тѣни и мрака своего временнаго униженія...

— Ave, Caesar, morituri te salutant!

Привѣтъ тебѣ, привѣтъ тебѣ, Цезарь побѣдитель!

Идушіе на смерть привѣтствуютъ тебя!

— Roma, Roma aeterna!

Вѣченъ, вѣченъ Римъ, суровый пастырь народовъ...

Много, много лѣтъ назадъ, въ трудахъ и опасностяхъ великаго восточнаго похода измѣною умеръ божественный полководецъ Аврелианъ, опора и утѣшеніе измѣнчиваго поколѣнія новыхъ изнѣженныхъ послѣднихъ римлянъ.

И въ себялюбивыхъ интригахъ и междоусобіяхъ бездарныхъ вождей окружено и заведено было хитрымъ врагомъ въ безводныя пустыни осажденное жаждою и голодомъ римское войско...

Они отказались тогда, его вѣрные Италійцы, пройти вмѣстѣ съ прочими подъ безславнымъ ярмомъ, подъ этимъ знакомъ пораженія и сдачи, предпочитая смерть въ бою позору рабства и униженія передъ варварами.

— Море, море!..

Какъ нѣкогда десять тысячъ грековъ, непроходимыми горными тропами они пробились тогда на сѣверъ, въ вассальную прежде и теперь союзную Бактрію, благоразумный правитель которой далъ старымъ ветеранамъ пріютъ и почетный дозорный постъ на бывшемъ рубежѣ Имперіи, у мутныхъ струй медленно катящагося, пограничнаго Оксуса.

И вотъ долгіе, долгіе годы каждый день въ половинѣ третьей стражи подымается на крѣпостной валъ своего маленькаго лагеря старый центуріонъ и зоркими очами пытается загадочно насто- рожившіяся дали...

*

Серебряными струями блеститъ передъ нимъ таинственный Оксусъ, рубежъ и грань цивилизованнаго и правомъ „упорядоченнаго римскаго міра.

На сѣрыхъ барханахъ пустыни курятся облака да изрѣдка мелькнетъ на курганѣ рѣзвый тушканчикъ-сайгакъ или высокая баранья шапка и узкое хищное лицо врага кочевника...

— Никого!

И туманится минутною слабостью суровый взоръ стараго центуріона...

Но — увѣренной боевой рукой медленно подноситъ онъ къ глазамъ родовой, древній, поколѣніями походныхъ трудовъ и тревоженій общественной жизни испытанный перстень. —

На искристо четкой, сверкающей, рѣзной камѣ перстня горитъ ему въ лицо старая, желѣзная мудрость отцовъ, создателей и бойцовъ міровой имперіи великаго народа:

— *Dum spiro, spero!*

„Пока дышу — я не теряю надежды“.

*

— Когда же, когда же, о боги Рима!.

ОБЫДЕННЫЙ.

Изъ записокъ комиссара.

... И искушая Его, просили показать имъ знаменіе съ неба. Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: вечеромъ вы говорите — „будетъ ведро потому что небо красно.

И поутру: „сегодня ненастье, потому что небо багрово.“

Лицемеры! Различать лицо неба вы умѣете, а знаменій время не можете. Отъ смоковницы сухой возьмите подобіе: когда вѣтви ея становятся мягки и пускаютъ листья, то значить, что близко лѣто.

Такъ и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко, при дверяхъ . . .

Марк. XIII, 28-29.

I.

4 апрѣля 1921.

Вчера утромъ пріѣхалъ въ Ялту.

Въ карманѣ у меня секретная инструкция совнаркома и чекъ — миллионъ золотомъ на „Credit Linnais“.

Мой багажъ туриста дополняютъ: 18 фун. платины въ ручномъ саквояжѣ и настоящій великобританскій съ короною и золотыми львами паспортъ на имя Джемса Мунро, подписанный статсъ-секретаремъ его британскаго величества императора Индіи, Защитника Вѣры и проч., и проч., лордомъ Керзонъ-офъ-Кведдльстонъ.

Итакъ, скоро — прощай, Россія! Прощайте, унылыя и безкрайныя поля, плоскія и покорныя, какъ загадочная душа населяющаго ихъ народа.

Снова, какъ тогда, 14 лѣтъ назадъ, старое, запойное, какъ любовь, ремесло революціонера, опасность, борьба, беззаботныя мансарды Quartier Latin и смѣющіеся бульвары Парижа.

Хорошо! Ночью за моими окнами немолчно шуршащими шумами дышитъ неугомонное море. И на разсвѣтъ — этотъ сладковатый, приторно томящій, терпкій ароматъ бѣлой акаціи и миндаля.

Положительно не могу спать: шутъ знаетъ, нервы ли петроградскіе, или неистребимая наслѣдственная ренановская „*ennui Semite*“, какая-то психическая, „вселенская тошнота“ пресыщенности. Чуть свѣтъ, побѣжишь къ окну: тишина, тишина, и на краю тучъ нѣжная, такую женственную теплоту живого мрамора розовѣющая первая сонная улыбка утра... Смѣйся же, смѣйся, старый обманщикъ-весна! Съ сердца, какъ пороховая копоть, точно спадаетъ угарная кора крови и грязи этихъ послѣднихъ безумныхъ недѣль... послѣ Кронштадта. И снова чего-то словно ждетъ и какою-то далекою сказкою юности томится душа. Ха, ха, ха, знаю, знаю. Развѣ я — даже и инкогнито — не „самъ“ Обыденный, — „тотъ самый, который?“ Не мечъ революціи и не повелитель „твари дрожащей“. И развѣ у этого „глуповатаго товарища Эйхе нѣтъ поблизости лагеря интернированныхъ красивыхъ буржукъ?!

...Но бр... Выходить на улицу, трястись въ автомобилѣ, переходить длинные, пустые, заплѣванные переулки и площади — какой ужасъ!

Нѣтъ. Два укола шприцемъ, и черезъ четверть часа приходитъ Безсознательное. Вотъ. И еще... Какъ приятно! Слегка мутить — рѣдкія, яркія искры. Волны качаютъ меня. Какъ въ солнечномъ утрѣ дѣтства, я точно нырнулъ, купаюсь, на песчаное дно теплой, теплой, купавками усѣянной рѣчной отмели. Блики колеблющейся воды, округло-желтые, оранжево-синіе. А дальше смутная истома, сладкое безволие дремы...

И, наконецъ, — Безглазое: Завѣса.

5 апрѣля. Наша богоспасаемо-корявая „власть на мѣстахъ“ меня, кажется, разнюхала. И, несмотря на инкогнито, донимаетъ своимъ „содѣйствіемъ“.

Сейчасъ поступался ко мнѣ нашъ здѣшній предсѣдатель домкомбѣда, совсѣмъ высохшій, сѣденькій старичекъ, смѣшной и трогательный, какъ старый ребенокъ. Этакіе, понимаете, жалкіе, наивно торчащіе, сѣденькіе вихры, очки на веревочкѣ, кургузья, обтрепанная и перештопанная брючки.

Но глаза зато... колючіе, лучистые, укоряющіе. Слегка дергается правымъ плечомъ и сутулый. Ни дать, ни взять — моя гимназическая „физика“, иашъ добродушный и нелѣпый „Тихо“ изъ коммерческаго училища Бачинскаго, гдѣ я когда-то учился.

— Милый, милый „Тихо“, гдѣ-то ты теперъ?

У этого, кажется, сынъ разстрѣлянъ послѣ ухода Врангеля. Не сѣлъ и съ порога объяснилъ, что въ связи съ моимъ пріѣздомъ Эйхе велѣлъ имъ организовать сугубо-усиленную охрану дома.

А имъ, видите ли, некогда, такъ какъ всѣ они

— служащие, буржуи и Б категория. „И потомъ“ — такъ и сказалъ мнѣ этими же словами — „какая же мы, въ самомъ дѣлѣ, Вамъ охрана? Другое дѣло, если бы, напримѣръ, изъ ком-
ячейки.“

Сказалъ этому чудаку, что никакой охраны мнѣ не нужно, ни ихъ, ни изъ комячейки. Пусть оставятъ меня въ покоѣ! А Эйхе я велѣлъ передать, что онъ — дубина.

Удивленно блеснулъ глазами и только спросилъ, уходя, правда ли, что я — тотъ самый, который, какъ говорятъ, въ Кронштадтѣ — „по колѣно въ крови...“

Я смѣясь сказалъ ему: нѣтъ. Онъ опять дернулся плечомъ и вышелъ. А можетъ быть, и правда: онъ—нашъ старый „Тихо“?

Спросить, что ли, его фамилію? Ну, да — къ чорту! Теперь на свободѣ я могу себѣ позволить это каждый день. Эй, Бойка, китайчонокъ — шприць!

Р. С. Изъ окна вижу: на тротуарѣ и на противоположной сторонѣ улицы дежурятъ весьма подозрительные молодчики въ „вольныхъ костюмахъ“ и съ плоскими физиономіями. Это дуракъ Эйхе выставилъ для меня почетный караулъ своихъ секретныхъ сотрудниковъ. Отъ кого, спрашивается, меня здѣсь охраняютъ?

6 апреля. 20 часовъ 15 минутъ. Сегодня съ утра слышу — барабанятъ въ дверь. Настоячиво и вмѣстѣ такъ фамильярно и нѣжно:

— Тукъ, тукъ, тукъ...

Такъ моя „блѣдная змѣйка“ Ли тоненькими пальчиками стучала когда то здѣсь въ дверь моей студенческой „меблирашки“.

Былъ какъ разъ въ ваннѣ. Въ первой комнатѣ номера — никого. Разгильдяй. — Бойка, вѣроятно, опять побѣждалъ въ продкомъ за папиросами.

Прямо изъ воды, накинувъ простыню, пріотворяю дверь. И... наталкиваюсь на сцену изъ „Ревизора“:

Дядюшка Максъ Ростовскій — дядя Маша, какъ мы его звали, похудѣвшій и посѣдѣвшій, но сохранившій попрежнему всегдашнее лунное сіянье на своей комичной, кругло-улыбающейся рожицѣ домашняго Лекока, и съ нимъ какія-то внушительно-глубокомысленныя, буржуазнаго обличія, интеллигентскія фізіономіи въ очкахъ со смущеннымъ видомъ потираютъ ушибленные дверью головы. А за ними—цѣлое гетто длинно-полыхъ, ветхозавѣтныхъ фигуръ съ великолѣпными широкими, упрямыми лбами и картинными, буйными, сѣдыми космами начетчиковъ—мудрецовъ, точно сошедшихъ съ мрамора классическаго „Спора о Талмудѣ“.

Табло...

— Ахъ, это ты... Вы, товаришъ Лева... Извини, пожалуйста... А мы, было, къ тебѣ съ депутаціей...

Оказывается, узналъ, чудакъ, о моемъ приѣздѣ и вотъ догадался — сейчасъ же привелъ ко мнѣ делегацію мѣстныхъ еврейскихъ нотаблей.

Былъ, конечно, общественный раввинъ, чахлый и длинный зубной докторъ чикагскаго университета, бывшій присяжный повѣренный Шапиро, канторъ мѣстной синагоги, еще кто-то и спеціально на амплуа многострадальнаго Юва какой-то полусумасшедшій Мишуресь, многосемейный и величественный, какъ праотецъ Ной, въ чудесномъ старо-еврейскомъ яломкѣ и пейзахъ. Бѣлые или наши красные партизаны звѣрски убили у него семь сыновей и семь дочерей.

Послѣ первыхъ вступительныхъ, „родственныхъ“ комплиментовъ по адресу „нашего знаменитаго, но, увы, во многомъ оплакиваемаго товарища Левы“ присяжный повѣренный изложилъ сущность дѣла. Мѣстная еврейская община, нѣкогда воспитавшая бѣднаго сироту Леву Обыденнаго, узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ Ялту, сочла себя въ правѣ обратиться ко мнѣ, какъ къ еврею, за защитой, такъ какъ настроеніе въ мѣстномъ красноармейскомъ гарнизонѣ — явно погромное, и мѣстный комендантъ, бывший австрійскій военноплѣнный Эйхе на всѣ заявленія и жалобы только нагло улыбается себѣ въ длинные махновскіе усы.

У меня послѣ вчерашняго болѣла голова. И дядюшкино глуповатое сіянье и эти, въ сущности необоснованныя, причитанья подняли со дна души какую-то садическую желчь.

Я глубоко люблю и чту міровую трагическую душу еврейства, великую трагедію народа геніевъ, съ клеймомъ богоизбранничества и отверженности на блѣдномъ челѣ, одиноко проходящаго въ исторіи черезъ огороженные поля и затхлые альковы другихъ счастливыхъ народовъ — мѣщанъ. Но евреевъ съ ихъ почти физиологической, первобытной спайкой рожденія и имуществва, евреевъ съ ихъ специфическимъ запахомъ двухспальной, супружеской, пуховой перины и общаго семейнаго прянаго стола я — какъ интернаціоналистъ — ненавижу.

— Они рассчитываютъ на меня, какъ на еврея, — о, проклятое гетто, о, трясина застоя, отрекшая божественнаго Спинозу и обожествившая тупого Ротшильда. Что это: глупость или наглость?!

Отвѣтилъ имъ рѣзко, что я здѣсь — проѣздомъ и никакихъ полномочій не имѣю. И что Эйхе и его боевая конница — испытанные за-

шитники совѣтской власти и т. д. А единичныя жертвы въ гражданской войнѣ — неизбѣжны: лѣсъ рубятъ, щепки летятъ.

— Но, Лева, ты вѣдь — все-таки еврей, и мы думали...

Меня прорвало: — кто вамъ сказалъ, что я еврей?

— Да, я родился отъ еврейки. Но что это доказываетъ? Никто не приходитъ въ свѣтъ безъ матери. Но развѣ изъ дѣтской уносятъ въ жизнь и свои грязныя пеленки?

— Всѣ націи для меня „воняютъ“ одинаково.

И наслаждаясь ихъ ужасомъ, взялъ перо и на поднесенномъ мнѣ священномъ пергаментѣ Торы размашисто написалъ:

— Религія — опиумъ для народа. А національность — это искусственная прививка шовинистическаго и погромнаго бѣшенства.

Луна дяди Макса потухла, раввинъ завялъ, а присяжный повѣренный смякъ, какъ пузырь, изъ котораго выпустили воздухъ.

И былъ слышенъ смятенный шопотъ, какъ нѣкогда въ обреченномъ святилищѣ храма: — Уйдемъ, уйдемъ отсюда.

И только старый Мишуресь, скорбный Іовъ усѣченныхъ безчисленныхъ дѣтей, дико сверкая глазами, вдругъ угрожающе вскинулъ тощія руки свои кверху, и длинная сѣдая борода его запласала въ уродливой, изступленной судорогѣ:

— Будь ты проклятъ, проклятъ, проклятъ... Убийца... Отступникъ... Maronatha...

Они испугано схватили его за руки и торопливо ушли.

Пусть уходятъ, мертвецы!...

Р. Р. С. Тогда же, 23 часа.

Эйхѣ прислалъ мнѣ двухъ женщинъ: „оттуда“, свѣженькія. Велѣлъ Бою отказать. Реквизированная любовь, какъ и реквизированное одѣяло — для солдатъ, а не для полководцевъ революціи.

II.

7/IV. 13 часовъ. Побилъ и выгналъ Матушенко.

Утромъ спозаранку Бой будить меня: явился Матушенко и требуетъ „краснаго генерала“.

— Матушенко, Матушенко?

Вспомнилъ. Сѣрый осенній день. Угрюмые мосты, повисшіе надъ безжизненно-мутною, свинцовою Невой. Замызганные, отрывисто-пистолетно-шелкающіе грузовики съ сѣрыми силуэтами возставшихъ. И — четкій трехтрубный красавецъ-крейсеръ на рѣкѣ подъ жертвенно-алымъ флагомъ. И длинныя, черныя змѣи его пушекъ, зловѣще вытянувшихъ свои сѣрыя жерла надъ городомъ Революціи.

— Будетъ ли „Аврора“ стрѣлять?... По своимъ... во время войны?

Рѣшалась судьба революціи и Россіи. Совѣтская власть лежала тогда въ корявыхъ рукахъ этого матроса.

Матушенко сдержалъ тогда свое обѣщаніе.

Это онъ былъ на „Аврорѣ“ председателемъ судового комитета. Сколько золота, крови и женскихъ слезъ прошло съ тѣхъ поръ черезъ его длинныя, волосатыя руки орангъ-утанга.

О, онъ показалъ себя во время гражданской войны въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, въ самыя критическія для насъ минуты.

Я экстренно вызвалъ его въ дни Кронштадта, но напрасно. Не нашли.

Исчезъ, какъ въ воду кануль. И вотъ теперь объявился.

Ввалился, раскачиваясь на крѣпкихъ, какъ бочки, обрубкахъ-ногахъ.

Осунулся, посѣдѣлъ, аптекой отъ него разить, глаза бѣгають, а развязность прежняя, матросская. Съ нимъ еще какой-то — въ пиджакѣ, по виду рабочій.

Суетъ фамиллярно грязную, широкую лапишу.

— Здравсте-мордасте, товарищъ Обыденный! Что это — и вы, значить, крысою задѣлались?

— Что такое. Что вы говорите, Матушенко?

— Да что вы, товарищъ, первый разъ это слышите, что ли? У насъ всѣ такъ говорятъ: башковатую крысою, которая всегда загодя винта нарѣзаетъ съ тонущаго судна.

И, крѣпко взявъ меня за руку, обдавая запахомъ перегара, жирно загоготалъ на ухо:

— А будетъ намъ каюкъ, товарищъ!... Всѣмъ скоро вѣшалка будетъ! Гы, гы-ы! И мыло, и петля... и известь — все, какъ полагается, чести-честью.

— Во чи-сто-р-мъ по-лѣ два-а столба съ перекладинкой — вдругъ пропѣлъ онъ высокимъ, визгливымъ фальцетомъ.

Мнѣ стало смѣшно. Чего-чего, а смерти и Безсознательнаго я не боюсь. А въ этомъ грубомъ дикарѣ и палачѣ столькожъ жизней каждымъ атомомъ всего его существа трепеталъ, очевидно, безысходный, животный ужасъ.

— Я, товарищъ, здѣсь — въ командировкѣ. Отправленъ совнаркомомъ въ Лондонъ и Парижъ съ важнымъ революціоннымъ порученіемъ.

— Разсказывайте, товарищъ!... Знаемъ мы, сами съ усамъ, слышали. И вы, и Красинъ, и Крестинскій, и Раскольниковъ — всѣ вы теперь въ заграницы другъ друга по очереди командировуете. А мы-то тутъ, стрѣлочники маленькіе, на

вѣшалкѣ за все расчихивайся. Анъ нѣтъ, ша-
лишь, братъ! Если каюкъ, то уже всѣмъ сразу...
Всѣмъ — одинъ карачунъ... Н-нѣтъ, братъ, не
выпущу, да-съ!

— Что это вы, товарищъ, такую дикую чепуху
несете? Пошли бы отдохнули, поразвлеклись.
Здѣсь такъ хорошо...

— А отъ чего такого мнѣ отдыхать? Отъ
крови человѣческой что ли? Такъ отъ нея и на
томъ свѣтѣ не отдохнешь. Да и вы-то сами не
здоровѣ меня будете, товарищъ Обыденный!...

— Что за вздоръ? Чѣмъ же я, по вашему,
боленъ, Матушенко?!

— Умны вы больно и... горды очень. Со-
знаться не хотите. Думали воспарить орломъ
въ вѣкахъ грядущихъ. Красный Наполеонъ...
Побѣдитель міра... мечъ революціи. Анъ вышло
иначе. Банкротъ вы, товарищъ, полный банк-
ротъ, зря только передъ людьми фасонъ держите.

А помните тамъ на „Аврорѣ“ наканунѣ „слав-
ной-то пролетарской“ 25-го октября? Вы намъ
какъ сладко, сладко пѣли. „Дерзнемъ, това-
рищи, за надежду дальнюю, за звѣзду утрен-
нюю. И на землѣ будутъ радость и миръ...“

Вотъ и дерзнули! Вотъ тебѣ и памятникъ
хорошій:

— По колѣно въ крови трудового народа.

Хе, хе, хе, слушалъ тогда я васъ: „Шапки
долой! Я буду говорить о мертвецахъ коммуны.“
Вотъ тебѣ и коммуна!

Нась, Россію, флотъ, товарищей, всѣхъ зря
погубилъ!

А вышло что? Крыса, бѣглая крыса, главъ-
крыса. Гдѣ ваша звѣзда? Гдѣ мировая револю-
ція? Гдѣ радость? Эхъ — ма!...

— Выпейте коньяку, Матушенко, у васъ —
жарь...

— Спасибо, пейте сами! Я и такъ тяну мертвую.

Ну, да что, ладно, все равно, выпью. А только вотъ что: дайте мнѣ вамъ хоть разъ все высказать, за тѣмъ и пришелъ вѣдь.

Слушалъ я тогда васъ и думаю:

— Вотъ настоящій человекъ, человекъ — обухъ, который, какъ Богъ жизни, а не жижа какая, рвань словоточивая. Все можно, все позволено вольному человеку, ежели ты активно за революцію. Бога вѣдь нѣтъ; религія — опиумъ для народа. А тамъ коли ежели что, контръ-революція или царь, скажемъ, вернется — р-разъ, пулю себѣ въ високъ... И — шапки предо мной долой, потому — мертвецы коммуны.

Ну, и жилъ значить, убивалъ, грабилъ, жегъ и... бралъ. Россію продавалъ, у дѣвокъ груди рѣзалъ. У шкуровцевъ и деникинцевъ ремни изъ спины выкраивалъ. Ничего. Совѣсть молчить. Значить, думаю себѣ, я право имѣю... А только вотъ и случилось со мною...

— Дозвольте еще коньяку рюмочку. Ну, спасибо, спасибо. Выслушайте, товарищъ, Матушенку, затѣмъ къ вамъ и шелъ. Вы меня, сѣраго мужика, въ новую и страшную „товарищескую“ вашу жизнь вытащили, Вамъ и муку свою повѣрю...

Помните, еще когда мы вмѣстѣ съ вами врангельщину свергали, послали вы меня однажды „очистить“ Одессу. Такъ вотъ.

Дѣло сдѣлали въ чистую... Два дня господъ офицеровъ разыгрывали — въ бухту съ борта сбрасывали и разстрѣливали въ водѣ... Опять букетами сбрасывали и опять на выборъ изъ винтовокъ и револьверовъ били, какъ дупелей.

Ошалѣли вдрызгъ. Кровь — сладка, сами знаете. А тутъ еще не впервой было...

Ну, и загуляли, догола загуляли, до самага что ни на есть, похабнаго дна прожженной разбойничьей душонки...

Бабья этого самага, буржукъ самонѣжнѣйшихъ на выборъ по улицамъ за ноги на автомобили хватали. Сотнями онѣ потомъ по Дворцовому парку промежъ насъ, пьяныхъ и голыхъ, голыми и пьяными бѣгали. Заложниковъ — капиталистовъ и поповъ — нужники вылизывать заставляли. Серебряные двугривенные съ балкона въ народъ пригоршнями пьяные швыряли, а золота, спирту, жратвы первостатейной горами награбили. Ёшь — не хочу. Эхъ... жги!...

Иконы на мушку брали... Мощи святыхъ на улицу вываливали... Надъ Богомъ и ворогами своими всласть покуражились.

Да что говорить... вспомнить, такъ инда душа замираетъ. Все взяли, чего только волюшка буйная, русская, безудержная просить. Все, все, однимъ словомъ, все, что только стыдно и сладко есть подлецу и разбойнику, послѣднему звѣрю — человѣку...

А только — на шестой или седьмой день, не помню — пьемъ мы — встаетъ съ чаркою Семенъ Басовъ, знаете, матрость, что, какъ его... Кишкина, что ли, и другого тамъ керенскаго министра въ больницѣ зарѣзалъ. Встаетъ и рѣчь говорить:

— Такъ молъ и такъ, товарищи, вольные мы люди, пролетаріи всѣхъ странъ, краса и гордость революціи, Бога и старую жизнь, и все прежнее святое къ нечистой матери послали. А все-таки нѣтъ въ насъ этой самой настоящей революціонной отчаянности.

— Кто, говорить, желающій, чтобы сейчасъ со мной на дно бухты спуститься, подводному флоту контръ-революціи — это убитымъ-то — на днѣ смотръ инспекторскій сдѣлать, жалобы на

непорядокъ принять, посмотрѣть какъ они тамъ себя чувствуютъ, прохлаждаются?...

Погоготали ребята. Отчаянная голова — этотъ Басовъ, придумной, всегда такое скажетъ, что прямо — ну... Зачѣмъ мертвецы, когда дѣвокъ и жратвы, и выпивки хоть отбавляй! И...давай курить дальше. А мнѣ словно въ голову ударило.

Такъ и бунчитъ мнѣ въ ухо, словно голосъ чей-то шепчетъ лукавый... Поджучиваетъ, подхлещиваетъ...

— Ты вѣдь герой, Матушенко! сходи, сходи!..

— Я, говорю Басову, я!.. Я съ тобою полѣзу!.. Вали!

Одѣлись мы водолазами. И вотъ опустили насъ. Тяжело въ водѣ съ непривычки. Сердце, какъ птица пойманная, трепещетъ, тоска этакая грудная...

Тихо такъ, тихо тамъ — подъ водой... Зеленая, зеленая ночь... Блискучими искорками рыбки стрѣльнуть, тѣни ходять, поросль подводная блѣдная таково тихонько шевелится. Ничего значить, не такъ страшно, думаю... Только подумалъ, глянь дальше, а тамъ и духъ застопорило: и стоять, и лежать... Голые, распухшіе, синіе, осклизлые. Головы разбиты, лица и глаза рыбами и водою выѣдены, зубы смѣются. Видимо, невидимо.

Животы раздуты, какъ гора, кишки изъ животовъ пузырями, громадныя, синія, съ жилками, мягкія, какъ раздутые шары... Руки и волосы протянутые, какъ будто шевелятся...

Страшна — смерть зеленая.

А кругомъ, понимаете, вѣчная ночь и пятьдесятъ саженей воды надъ головою. Могила... И ты одинъ — въ ней, одинъ на одинъ съ мертвецами...

Вдругъ почуяли — двинулись, тянутся, охватываютъ, трубку перервали. Кольхнулаась зеленая ночь, и отовсюду бросились на меня призраки.

Скликать я неистовымъ голосомъ и упалъ было навзничь. Да Басовъ, спасибо, того... выручилъ... за веревку дернулъ.

Вытащили-таки навверхъ. Съ того самаго часа не маю покоя. Раньше бывало, чего ни дѣлалъ: убивалъ, жегъ, ничего, даже и во снѣ не снится. Значить, право такое имѣлъ, а? А тутъ иное — мара, присуха... Ношу съ собою вездѣ ее, эту мертвую заводъ, эту зеленую ночь, проклятую. И ничто: ни гульня, ни бабы, ни кровь, ни огонь, ничто, товарищъ, ничто не помогаетъ!..

Узналъ я что Вы — тутъ, пришелъ отдать Вамъ назадъ ваше и Его... Ну, того, чей голосъ...

На-те, возьмите вотъ эти проклятыя деньги и камешки. Не хочу ихъ больше, ваши они и Его Краснаго. Это вы съ нимъ мертвечину эту въ Россіи устроили. А я что жъ... со мною кончено. Былъ бы я безъ васъ мальчикъ простой, матросъ первой руки, парень-рубаша. На Божій свѣтъ смотрѣлъ ясно, солнцу радовался, а теперь... Кончено, кончено. Пропалъ, ни за понюшку пропалъ, пропалъ Матушенко...

— Это — нервы, Матушенко, стыдитесь! Старый боець, революционеръ и этакъ разложился. Ну пойдите къ доктору, поѣзжайте за границу.

— Это — не нервы, товарищъ, это душа, душа русская заговорила. А, а ты смѣешься, смѣешься! Ты — поганецъ, сатана, Христа продалъ, братьевъ продалъ, Россію продалъ. На тебѣ — кровь, черное море крови! Кронштадтъ душитъ тебя, душитъ... А ты еще фасонъ держишь, въ Парижъ ѣдешь, сукинъ сынъ, проклятое племя... Погубилъ насъ, крови выучилъ, а самъ бѣжишь! Что-о?! Меня вывести? меня, Матушенко!! Я тебя, прохвоста, фельдмаршаломъ сдѣлалъ. У-убью гадину... вотъ...

... Мутная волна ярости захлестнула меня съ

головой. Помню только желѣзную палку, кровь и испуганное лицо вбѣжавшаго Бойки. Кажется, былъ и „Тихо“...

Съ помощью Боя и того, другого рабочаго, его отправили на квартиру въ состояніи глубокаго безпамятства.

Р. С. Въ брошенномъ Матушенко мягкомъ „бараньемъ“ мѣшечкѣ оказалось на нѣсколько милліоновъ золотомъ, царскихъ пятисотенныхъ и брилліантовъ. Вручилъ „Тихо“ и велѣлъ передать Матушенко, когда проспится.

Р. Р. С. Почему онъ сказалъ, что я — банкротъ?

III.

ТЕЛЕГРАММА.

Р. С. Ф. С. Р.

Телеграфъ въ Красноармейскъ.

(Ялта).

9/IV. 18 час. 43 мин. Военная. Москва, Военный комиссариатъ.

Зам. Наркомвоену Склянскому. Копія — Ленину, Дзержинскому, Раковскому.

То-же. Севастополь, Крымревкомъ, Бела Куну. Восьмого, 16. 35 совѣтскому времени Красноармейскѣ Морскомъ бульварѣ на товарища Обыденнаго произведено террористическое покушеніе. Обыденный внѣ опасности. Легкая рана, лѣвое плечо — пулей. Стрѣлявшіе задержаны; оказались бывший членъ Ревкома „Авроры“ Матушенко и печатникъ Пища, коммунистъ. Раскрытъ контрреволюціонный заговоръ противъ совѣтовъ. Обыденный страненъ, проявляетъ признаки психи-

ческой неустойчивости, требуетъ освобожденія арестованныхъ, стрѣляль охрану. Покушеніемъ вызвано возбужденіе противосовѣтскихъ кругахъ красноармейскаго района. Жду инструкцій. Интерессахъ безопасности авторитета власти прошу срочнаго распоряженія товарищу Обыденному немедленно отбыть Красноармейска.

*Команд. 1 погружкнрайона
Эйхе. № 5534.*

9, IV, 18 ч. . . . Что за пыль человѣческая!
И убить-то не сумѣль какъ слѣдуетъ, пьяный дуракъ . . .

- IV

11, IV, 2 ч. 45 мин. Глухая ночь.

Блѣднѣють на краю неба истомныя звѣзды, и мутнымъ просвѣтомъ какъ будто обозначается на востокѣ первая полоска зари.

Яркая Венера одна зловѣще горитъ на предразсвѣтной, словно трупной, синевой блѣдности льдистаго неба.

Вотъ она, звѣзда утренная. Красная звѣзда смерти и крови.

Ха, ха, ха. „Я дамъ тебѣ звѣзду утреннюю!“
Скоро разсвѣтъ.

Ихъ казнятъ сегодня на разсвѣтъ.

Я отчетливо вижу, какъ это происходитъ. Сколько разъ я самъ подписывалъ и велѣлъ подписывать смертныя приговоры . . .

Матушенко стоитъ, припавъ грудью, у рѣшетки узкаго проплеваннаго тюремнаго окна. Воспаленными, невидящими глазами, не вѣря имъ, неподвижно слѣдитъ онъ за послѣдними тѣнями убѣгающей ночи. Съ ними уходитъ его жизнь. И ему хочется броситься на четвереньки и, катаясь

по полу, царапать ногтями холодный камень и выть отъ животнаго ужаса смерти, переполняющаго его могучее тѣло.

Блѣдный, синеватый огонекъ крошечной керосиновой свѣтильни потушенъ. На переполненныхъ нарахъ и липкомъ, загаженномъ полу дикими стонами бреда и плача кошмарныхъ ночныхъ видѣній жутко спитъ камера, тупо-равнодушная и привычная къ ежедневной трагедіи убійства.

Вѣдь каждую же ночь. . .

Почти свѣтло.

Еще нѣсколько минутъ. . . И тяжело затопчуть по корридору гулкіе шаги, загремитъ желѣзо отпираемыхъ замковъ, и равнодушный голосъ „надзирателя смерти“ выкличетъ фамиліи осужденныхъ. И тяжело забывшаяся тюрьма огласится звѣриными нотами истошнаго человѣческаго лая, плача и послѣдней безнадежной и бессмысленной животнo-отвратительной борьбы, — послѣднимъ слѣпымъ и неудержимымъ, темнымъ крикомъ тѣла, которому такъ хочется жить, жить и жить. . .

О чемъ онъ думаетъ? О, знаю, знаю: въ его лихорадочно распадающемся теперь безумномъ мозгу тяжелая, безкрылая, землею пропахшая, крестьянская мысль темнаго слѣпца, вдругъ увидѣвшаго себя подъ колесами несущагося поѣзда. миллиарды разъ описываетъ все тотъ же безысходный кругъ:

— Зачѣмъ, ахъ, зачѣмъ рѣшился я тогда — на „Аврорѣ“? Зачѣмъ послѣ неудачнаго выстрѣла остался я, пьяный, стоять, а не шмыгнулъ въ проходной дворъ направо, откуда можно было бы прекрасно спастись? . .

И съ каждымъ оборотомъ уже кругъ. И въ центрѣ его — уродливый, леденящій жилы, костлявый Призракъ неотвратимаго, черезъ нѣсколько

минуть, неопишуемаго, послѣдняго мученія и смерти. . .

Странное существо — человѣкъ. И Матушенко, и я, мы оба — палачи и убійцы, опоздавшіе родиться на нѣсколько вѣковъ. Сколько разъ я посылалъ на смерть и предписывалъ смерть. . . Сколько разъ и сколькихъ убивалъ Матушенко, ясно и просто, какъ рысь, наслаждающаяся безумными прыжками и замирающимъ трепетомъ жилъ своей жертвы.

Почему же теперь, когда подъ неумолимымъ колесомъ жизни остріе убійства повернулось противъ насъ, когда теперь я долженъ послать на смерть его, Матушенко, и долженъ умереть *онъ*, а не кто иной, не его командиръ, не контръ-революціонеръ, не генераль Духонинъ, почему теперь, впервые за эти кровавые три года, столь остро переживаю я протестъ всей природы моей противъ крови, мучительный вопль совѣсти и воли о невозможности, о невыразимой *противоестественности* убійства!?

— Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?

— Развѣ я сторожъ брату моему!

— Да, сторожъ. Богъ тебѣ — братъ твой, человѣкъ.

— Человѣкъ человѣку — Богъ. . .

. . . Онъ имѣетъ впрочемъ шансы. Срочная телеграмма съ просьбой приостановить казнь и передать все это дѣло въ мое распоряженіе сейчасъ же послѣ покушенія послана мною Ильичу и Виткѣ Дзержинскому. Они, революціонеры, должны понять меня, должны понять, что карать слѣпо пошедшаго за мною и въ безвѣріи покушавшагося на меня темнаго слѣпца — для моей революціонной совѣсти не возможно. Однако — приказалъ же Ильичъ разстрѣлять выстрѣлившую въ него истеричку. Но, впрочемъ, если не поймутъ, то все же сдѣлають изъ любезности, изъ

того же самага, при всѣхъ политическихъ формахъ неустраимаго принципа: „чинъ чина почитай“.

Съ этой стороны дѣло кончено. Но дуракъ Эйхе, надо думать, изъ вражды ко мнѣ, изъ желанія заполучить матушенкины награбленные миліоны полѣзеть на рожонъ. Я знаю, онъ будетъ нарочно торопить казнь, чтобы „телеграмма опоздала“.

Зачѣмъ я сказалъ ему, что у Матушенко есть деньги?

Я предупредилъ его, что у меня за жизнь — жизнь. И онъ знаетъ, что я не говорю на вѣтеръ.

Значитъ, опять кровь? Да. Кровь порождаетъ кровь. Таковъ законъ жизни и смерти. Такъ что же, слѣдовательно, выходитъ: міръ побѣждаетъ только Онъ, Распятый. Но вѣдь если бы мы не были Гнѣвомъ Революціи, то и Революціи бы не было! Или, можетъ быть, и революціи не надо... И надобно въ мірѣ единственно одно, чѣмъ живы и тѣ, Свѣтлые — тамъ, надъ землею, и томящіеся на землѣ Пестрые — дѣти Свѣтлаго и Темнаго?

„Если кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему лѣвую и просящему рубашку отдай и всю одежду“.

Нѣтъ, я этого не вмѣщу. Но тогда, значитъ — лучше самому. . .

А—а. . . шумъ мотора.

Такъ и есть. Ихъ, слѣдовательно, уже выводятъ. Значитъ — Эйхе побѣдилъ. Ну, нѣтъ, этого у меня не будетъ. Я покамѣстъ еще — Обыденный.

— Алло—военная?!

. . . Позвонилъ въ команду связи и своимъ именемъ приказалъ вооруженному наряду на автомобиляхъ быть черезъ пять минутъ въ моемъ распоряженіи.

Исполнено.

Вызвалъ чека и распорядился немедленно, подъ ихъ личную отвѣтственность, остановить казнь осужденныхъ Матушенко и Пищи.

Исполнено.

Эйхе велѣлъ немедленно явиться къ себѣ.

Но на квартирѣ его отвѣтили, что Эйхе только что получилъ какую-то телеграмму изъ Москвы и на автомобилѣ выѣхалъ со двора, кажется, въ бывшую гостиницу „Россія“.

Значить — ко мнѣ. . .

Ну, вотъ. . .

Вотъ что значить — все-таки *своя*, пролетарская власть.

Худо ли, хорошо ли, а двѣ жизни. . .

Завтра вызову Матушенко къ себѣ, скажу ему это, и пусть убирается, пьяный трупъ, на всѣ четыре стороны.

Позвонить что ли еще разъ въ тюрьму?

Нѣтъ, хватить. Дѣло уже сдѣлано. . . Ну ихъ всѣхъ къ чорту — стрѣлялъ въ меня, а я тутъ, какъ дуракъ, путайся изъ-за него ночью. . .

Спать!

А, телеграмма изъ Москвы. Знаю, знаю. Бойка! Авто-нарядъ отпустить!

—
Что это? Залпъ? А, такъ, значить, все-таки? Это — ихъ. . . изъ-за денегъ. Что же это такое? Издѣвательство? Плутство — кровью?

Вотъ тебѣ и *свои*.

.
. . . На его гнусномъ, асимметрическомъ, обрюзгшемъ лицѣ съ торчащими рыжими усами фельдфебеля написаны были такая наглость и чуть-чуть притушенная улыбка торжества, когда онъ слащаво докладывалъ мнѣ, что приказаніе мое не могло быть, къ сожалѣнію, исполнено, такъ какъ распоряженіе объ отбѣнѣ казни получено было въ тюрьмѣ уже послѣ выѣзда осужденныхъ,

а пока онъ мчался, чтобы „спасти“, на автомобиль ко рву, „печальная церемонія“ уже совершилась.

— А, а, ты изъ-за денегъ! . . .

Я молча вынулъ „Кольтъ“ и выстрѣлилъ въ упоръ въ эту упрямую, рыжую, негодяйскую голову. . .

Итакъ — опять кровь!

V.

12/IV, 14 час. Въ первой комнатѣ моего номера — опять цѣлое пленарное собраніе мѣстной совѣтской аристократіи.

Я знаю заранѣе, что они мнѣ скажутъ:

— Неужели я — Обыденный, столпъ и опора, гроза контръ-революціи, изъ за какого-то провокатора Эйхе пойду на возстаніе противъ совѣтской власти?

Что имъ совѣтская власть? Еще менѣе, чѣмъ Гекуба бродячему комедіанту. А вотъ подходящая подъ самую ихъ шею петля — вотъ, что дѣлаетъ ихъ столь многорѣчивыми.

О, трусы!

„Говорилъ молотъ камнямъ: зачѣмъ вы такъ мягки, о, братья мои!“ О, глупцы!

Распорядился просто.

Передалъ всю власть въ городѣ и районѣ уѣздвоенному Петрову (по-старому — просто исправнику), бывшему скромному строевому поручику, который прекрасно справится со всѣмъ. Толпу велѣлъ разогнать безъ жертвъ.

Депутаций — и совѣтской и отъ мѣстной „контръ-революціи“ — просто не принялъ:

— Обыденный спитъ.

— Эй, Бойка — туфли и халатъ, живо, одна нога здѣсь, а другая тамъ! . . .

— Что?

— Телеграмма?! Давай сюда!

„Въ ореандовскомъ концентраціонномъ лагерѣ заложницъ въ связи казнью Эйхе вспыхнули волненія. 12 отравившихся на смерть. Причина — издѣвательства и насилія Эйхе и чека. Возможны массовыя самоубійства. Срочно жду инструкцій. Уѣздвоенкомъ Петровъ.“

Ну, это — завтра . . .

А теперь ты, волшебное остріе грезы . . .

Р. С. Ильичъ отказалъ помиловать Матушенко. Мнѣ приказъ немедленно ѣхать дальше подъ угрозой ареста. И это — революціонеры?!

VI.

... Сладкое забвеніе во всемъ существѣ. Сонъ или явь? У моего изголовья сидитъ — о, чудо! — моя блѣдная змѣйка, моя маленькая смуглянка Ли, тоненькая гимназисточка, первая любовь весны моей жизни.

Сидитъ и длинными узенькими пальцами — точно стебельки лилій — какъ тогда прежде, ласкаетъ мой холодный лобъ.

— Почему ты такъ странно одѣта, Ли?

— Я живу тамъ, гдѣ не имѣютъ ничего своего... Ничего... даже тѣла...

— Ты — бредъ или живая?

— Я еще не ушла. Но я ухожу скоро, черезъ четверть часа...

— Какъ ты нашла меня?

— Я услышала, что ты теперь мстишь „имъ“ и казнишь негодяя Эйхе. Я пришла просить у тебя мести...

— Постой: гдѣ же ты была эти годы? Почему ты не со мною... не съ нами?

— Эти годы... Лева, Лева! Развѣ я на колѣнахъ не молила тебя:

— Стоитъ ли жить для чужихъ, для людей вообще? Для „дальнихъ“ — бросить ближнее и близкаго человѣка? Растоптать — и любовь, и женщину, и счастье... И все для того, чтобы у дворника Степана на деревнѣ была не одна, а двѣ десятины земли. А ты тогда кинулъ меня и уѣхалъ... Революція, совѣты депутатовъ, почести. И что же вышло? Ты одинъ, Лева, и съ тобой — только одна тобою пролитая кровь... А съ ними, твоими прежними — ты уже для нихъ врагъ и трупъ — съ ними только Онъ... Умный Духъ съ опаленными крыльями. Ты погубилъ меня, себя, наше счастье, ты погубилъ Россію — ради мечты слѣпца... Не спрашивай... Эти годы... Ну была сестрой милосердія, была замужемъ... А теперь я — только комиссарская подстилка изъ ореандовскаго концентраціоннаго...

— Несчастливая, такъ ты...

— Да, да, это правда.

Тише, молчи, пусти мою руку, — ты дѣлаешь мнѣ больно...

Теперь вѣдь все равно... Я уйду — навсегда. Я ужъ — не женщина и даже, можетъ быть, не человѣкъ болѣе. Слышишь, какъ бьются мои жилы, какъ сотни молотовъ оглушительно бьютъ мнѣ въ голову... то идетъ Черная Завѣса. Но ты отомсти, — отомсти имъ за меня, за насъ, мой возлюбленный...

Подумай:

— Они сдѣлали насъ своими рабынями... хуже рабынь. Они изгадили грязными сапогами наши души. Они надругались надъ женственностью. На насъ играли въ карты пьяные, заразные, заживо тлѣющіе изверги... Для похоти и за протестъ били публично въ четыре кнута... У меня еще не зажили рубцы — видишь?...

— Ли, дорогая Ли... Да что же это? Я галлюцинирую... это — бредъ. Тебя вѣдь совсѣмъ не было въ комнатѣ, ты давно умерла?!..

— Постой... Нѣтъ, я упросила „Тихо“ — помнишь, онъ нашъ съ тобой старый учитель... И онъ здѣсь теперь, въ твоей долевой охрѣнѣ...

Я цѣловала сапоги у твоего китайченка, и вотъ меня къ тебѣ пустили... Ты лежалъ безъ сознанія, и я вошла... Да, это не сонъ. Я жива — пока жива... Но торопись — уже работаетъ Безглазое. Слушай.. Послѣ Врангеля я осталась. Я знала, что ты съ арміей въ Севастополѣ, и хотѣла... Снова съ тобой...

Насъ націонализировали... Негодяй Эйхе... взялъ меня и заразилъ... Я говорила ему о тебѣ, грозила... онъ только смѣялся. А потомъ — мнѣ было такъ стыдно... Насъ держали взаперти... издѣвались... Вчера мы рѣшили умереть... Тѣ, двѣнадцать уже покончили...

А я рѣшила — скоро ужъ все равно... еще разъ... увидѣться съ тобою...

— Я позову людей... Доктора... На автомобилѣ...

— Не надо... Уже холодѣютъ ноги. Это — смерть...

Слушай, Лева, мой возлюбленный... Я жила только надеждою встрѣчи съ тобой.

Нѣтъ выхода — дорогою крови... Пойми: ты — погубившій — палъ ниже меня... Ты — одинокъ и несчастень, какъ Зло... Верни — молю тебя, правду и Бога...

Есть еще спасеніе... выйди на площадь... какъ убійца Раскольниковъ... Помнишь, мы съ тобою еще вмѣстѣ читали и спорили въ кружкѣ... Стань на колѣни, поцѣлуй землю, которую ты осквернилъ, и проси, со слезами проси прощенія у Бога и людей... Прими съ покорностью все — все: насмѣшки, униженіе, позоръ... Я знаю — ты

не боишься смерти. Не бойся же и жизни—Правды ея... И будетъ легко, опять легко... какъ мнѣ теперь...

— Слабость... Хорошо — искры въ глазахъ, такія синія, синія. Это — море... Мы съ тобой сидимъ надъ обрывомъ. Какъ хорошо... Бѣлыя, бѣлыя акаціи — Пасха... все бѣлое, бѣлое. Я — бѣлая. Я — чистая. Я — опять чистая. Я снова твоя блѣдная змѣйка, Ли. Ай — сердце!.. Темная волна... сейчасъ захлестнетъ. Падаю... Держи, держи меня крѣпче... вотъ такъ... такъ... Громче, громче... что ты говоришь? Не слышу... Спать... спать... Какой просторъ! Ай — идетъ... Воздуху — окно. Воздуху, воздуху.

13, IV, 1 час. 3 минуты. Ли — умерла.

VII.

14, VI, 921. Комиссаръ ли я еще, или — не комиссаръ?

На главной площади, подъ открытымъ небомъ я созвалъ всенародный трибуналъ и коротко сказалъ имъ:

— Истина и Гнѣвъ.

Я не могъ дать имъ хлѣба, — его нѣтъ въ красной Россіи. Но крови и потрясающихъ зрѣлищъ они получили въволю. Чего же еще хотятъ народы?

И такъ — опять кровь?

Бѣлый катафалкъ съ останками бѣдной Ли и двѣнадцать сосновыхъ гробовъ ея подругъ смерти тысячная толпа подняла на руки и поставила на возвышеніи передъ судьями и народомъ. Лицомъ къ нимъ, колѣнопреклоненные, торжественно поклялись судьи, и свидѣтельствовали свидѣтели.

Войска отдавали честь. Обвиняемые — узколобые нагло сутенерского вида юнцы — предстали блѣдные, босые, съ веревками на шеѣ и колодками на ногахъ.

Обвинителями были — мертвые и весь городъ. Свидѣтелями — народъ и 121 полубезумная растлѣнная.

А эти — униженно ползали въ пыли, цѣловали сапоги конвоя и, проливая слезы, молили о помилованіи.

Какія тупыя, плоскія, рабыя лица, — каждую щелкою глазъ кричитъ обнаженный, животный ужасъ:

— Не губите, товарищи. Всѣ дѣлали... и мы дѣлали... Вся Расея... Мы думали... Нацынализация... Рази мы сами выдумали...

То-то: *„рази мы сами выдумали“!*

— — —
15, IV, 18 ч.

Уже цѣлыя сутки идетъ непрерывно судъ.

— Что это? Неистовый ревъ и вопль съ площади.

Ага: понимаю. Устала и жаждетъ крови распаленная толпа. *„Кровь сладка — сами знаете“.*

Звонокъ телефона: Алло?

— Трибуналъ? Публично повѣсить?...

— Все равно, — все какъ вы рѣшите.

„Рази мы сами выдумали.“

— Ничего: за то сами повисите, узколобые...

— — —
... Да — слышишь, Невѣдомый! — я, конечно, знаю:

— Тамъ, на этой кровавой площади, тамъ, на этихъ грязныхъ, послѣднимъ пометомъ смерти огаженныхъ фонаряхъ — судятъ и вѣшаютъ сейчасъ не ихъ, а меня.

— Это я соблазнилъ и разстрѣлялъ Матушенко.

— Это я отнял сына у кроткаго Тихо.

— Это я изнасиловалъ, заразилъ, огадилъ и замучилъ Ли и всѣхъ, которыя съ нею.

— Это я пролилъ дождь сѣрно-огненный на ваши росистые хлѣба и ваши темныя души.

— Это я залилъ кровью ваши безкрайныя поля и ваши тихія рѣки.

— Это я снова распялъ тебя, Распятый.

Знаю.

Знаю. Знаю.

... Когда времени уже не было.

И еще знаю: Кровь кричитъ къ Небу. Но кровь — цементъ будущаго. Убивать и не болѣть убійствомъ — значитъ: *имѣть право убивать.*

И Ты вѣдь тоже — не миръ, а мечъ принесть въ мѣръ, Распятый.

Слушай, бѣдный сынъ Маріи:

— Дать имъ хлѣбъ пресыщенія въ желудокъ и металлъ революціоннаго богоборчества въ творжныя души... Чудо и Тайну — какъ говорила раньше Твоя Святѣйшая Инквизиція...

— Кровь и безудержъ инстинктовъ, сказали имъ мы — тогда въ октябрѣ, когда взнуздали и повели ихъ за собою, какъ голодное животное.

Нѣтъ, не Твое призрачное царство Пугливаго Голубя — Духа, не Твой тошій рай худосочныхъ и строгихъ византійскихъ святыхъ, а мясо — здоровое, красное мясо и похоть...

— Сытое стойло желудка и пола, сытое существованіе каплуновъ, безъ страстей, безъ сомнѣній, безъ мукъ неравенства и борьбы за превосходство...

Вотъ что хотѣли имъ — я и другіе, честнѣйшіе, тѣ, которые съ Нимъ, а не съ Тобою.

Но — высокъ надъ жизнью и цѣлостенъ, какъ алмазь, долженъ быть Повелитель твари. И если онъ упалъ и нечистъ — стадо растопчетъ его...

... Я до дна осадилъ и обезлюдилъ ихъ и свою жизнь.

Я глубоко надломилъ могучую стихію жизни. Но и она — сломала меня пополамъ.

—Пропаль, пропаль Матушенко. Пропаль, пропаль и Обыденный...

Безвозвратно ранена душа. И стадо разорветъ раненаго волка.

Остается — мечь. Но я — не хочу мести. Я не могу болѣе. Я — не хочу крови. Кровь ничего не смываетъ. Кровь — только рождаетъ все новую и новую кровь. Я — не имѣю права...

Убившіе и убивающіе — мы зря, оказывается, — убили...

Ты побѣдилъ, Распятый.

— Довольно крови. Довольно, довольно...

VIII.

16, IV, 2 часа. Остался непреклоненъ и тамъ, на этой раскаленной площади, посреди бѣлѣющихъ мученическихъ гробовъ и качающихся на веревкахъ обезображенныхъ труповъ, среди возставшаго народа.

Я сказалъ имъ, что власть Краснаго Ужаса — это безуміе и зло, и что единственное спасеніе ихъ и всѣхъ — силою, толпою, какъ можно скорѣе, опрокинуть ехидну и вырвать ея зубы.

Идейно коммунизмъ — умерь. Умерь въ низахъ и наверху. Посреди — негодяи типа Эйхе борются еще только за свой желудокъ и за свою шею.

— Что могъ, я сдѣлалъ, моя блѣдная Ли: я рассказалъ имъ мою жизнь и всенародно исповѣдалъ свои преступления.

Я не сказалъ имъ только, отчего не могу я самъ вести ихъ противъ совѣтовъ.

— „Богъ и народъ!“ были послѣднія, предсмертныя слова Наполеона.

— Богъ и народъ?.. русскій народъ? Ихъ нѣтъ и никогда не было!

Вѣдь если бы былъ Богъ, развѣ было бы, развѣ могло бы быть все бывшее?

Вѣдь если бы былъ народъ, — развѣ были бы такъ долго безнаказанно возможны мы... Мы — которые убили въ октябрь...

Но уходящему въ холодъ и тѣнь зачѣмъ смущать остающихся?

Я передалъ имъ власть въ городѣ и цѣнности: свои и Матушенко. И сказалъ, что я уѣзжаю.

Скоро разсвѣтъ. За окномъ все также немолчно шумящими шумами дышетъ неугомонное море. И — этотъ сладко мутящій сердце запахъ бѣлой акаціи и миндаля.

На краю тучъ женственной теплотою живого мрамора расцвѣтаетъ первая сонная улыбка утра.

Легли первыя блѣдныя тѣни дня, столь похожія на тѣни смерти.

Пора. Уже нѣсколько минутъ работаетъ въ моемъ организмѣ Неотвратимое.

Слегка мутитъ. Искры въ глазахъ... Темная, темная волна. Сейчасъ упаду. А-а... Кончено...

Чернота...

Безглазое... Завѣса...

ЗАКЛАДЪ СВ. ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ.

Изъ легендъ Сѣверо-Запада.

„Я живу въ Ревелѣ, въ старомъ средневѣковомъ домѣ, въ стѣнахъ котораго витаютъ тѣни жившихъ и умершихъ тутъ свыше десяти поколѣній.

Съ остроконечной ратушной башни пыль столѣтій падаетъ на русыя головки моихъ дѣтей.

Одну изъ сагъ, нашоптанныхъ этими шелестами прошлаго, пусть прочтетъ равнодушный гость чужого города, по каменнымъ плитамъ котораго сотни лѣтъ назадъ, можетъ быть, ходили его предки“...

1.

Въ Руссѣ Старой, богатой, торговой, плитно-каменной, что у Ильмень-озера лежитъ насупротивъ самого Великаго Новгорода, жилъ-былъ когда-то молодой купецъ Акундинъ Акундиновичъ.

Тароватъ и удалъ былъ Акундинъ, собой статный молодець.

Остался онъ съ измальства безъ роду, безъ племени, круглымъ сиротой. А умомъ да вѣжествомъ, да правдой-матушкой скоро нажилъ себѣ богатство несмѣтное.

Дѣло торговое, извѣстно, — на вѣрѣ да опять же и на смекалкѣ стоитъ.

Наживать—не зѣвать. Не обманешь—не продашь, на то и торгашъ.

Свой глазъ—алмазь. Коль не видѣли очи, что куповали, то ищи своихъ денежекъ, какъ вѣтра въ полѣ.

Однако, прямъ да правдивъ былъ Акундинъ, не купцу, а хоть бы и игумену иному впору.

Такую ужъ добрую на всю жизнь дала ему науку старая его крестная, честная вдова Домна Тимофеевна, у которой онъ выросъ.

Съ сосѣдями по-сосѣдски живаль, ни съ кѣмъ не вздориваль, къ церкви Божіей радѣль, народу православному ни въ чемъ словомъ не перечиль.

Никогда не видано у него ни поддѣлки, ни подвоха, ни обмана. А въ тѣ поры постоянно бываль такой случай промежъ русскими и иноземными гостями, людьми торговыми — и въ Полоцкѣ, и въ Руссѣ, и въ Смоленскѣ, и въ Новомъ городѣ, вплоть до дальнихъ чудского Яма и Копорья.

Купитъ, значить, это у русскаго нѣмецъ на торгу пудами али корабельными берковцами топлень въ воскъ. Не осмотритъ, не простукаетъ, до дна не проколетъ: вѣритъ топильной печи да печатямъ орленымъ, что на воскъ отъ торговыхъ приставовъ ставятся. А привезъ къ себѣ товаръ на дворъ — глядь, а въ воскъ-то — наполовину смола, либо сало, гороховая и желудевая мука, а въ середину еще и каменьевъ-копторомъ поналожено для вѣсу.

Приходитъ потомъ нѣмецъ, лопочетъ что-то на своемъ языкѣ, видно, сердится и бранится по-своему.

А русскій продавецъ, знай, бороду-лопатушку поглаживаетъ, смѣется:

— Торгень-гутъ моргень! Гдѣ, моль, глаза-то у тебя были, жидель заморская...

Крикъ, шумъ, брань, срамъ и базарная склока. А иной разъ и жалоба за обманъ отъ заморской купеческой Ганзы ¹⁾ и великаго рижскаго мейштера ²⁾.

А то навезутъ съ Готскаго берега нѣмцы всякой всячины: сукна цвѣтнаго, тонкаго съ искрой, сельдей въ бочкахъ. Вина аликантоваго, романей и бастру, и иныхъ винъ заморскихъ, мошкатели и благовоній.

Купить русскій въ долгъ, задатокъ дать. А на остальное запишетъ на себя у нѣмецкаго гаупта — старшины по-ихнему — крѣпкія долговыя кабалы на пять или шестьсотъ золотыхъ ефимковъ ³⁾:

— Авось да небось — расторгуюсь.

Пошелъ торговать, смотришь — бѣда лихая. И суконце-то гнилое, и мѣра-то фальшивая, и вмѣсто вина — кисель, и бочки по обхвату — куда меньше, чѣмъ надо. А тухлую сельдь на днищѣ раздуло, какъ палую лошадь.

Ударить русскій съ горя шапку о земь, заплачетъ али выругается, покажетъ нѣмцу кулакъ, да и все тутъ.

Поди, ѣзжай за нимъ въ Ригу, въ Гданскъ ⁴⁾ али въ Колявань — городъ есть такой данскій въ Ливоніи, Ревель ⁵⁾ по-нѣмецки, а по-нашему Ко-

¹⁾ Союзъ вольныхъ торговыхъ городовъ побережья Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, куда въ свое время входили и Новгородъ, и Ревель.

²⁾ Великій магистръ, глава Ордена, покровительствовавшій ганзейскимъ купцамъ.

³⁾ Золотая монета.

⁴⁾ Данцигъ.

⁵⁾ Ревель по-эстонски — Tallinn значитъ, собственно, — „датскій городъ“.

льванъ — или куда-нибудь тамъ далѣе, въ ихнюю Нѣметчину, гдѣ люди-то и говорить по-крещеному не умѣютъ.

А было споконъ вѣку такъ заведено, что за обманъ и за татьбу, за убійство и за раны, нѣмцу судъ — свой, въ Ригѣ да въ Ревелѣ, у своего мейштера въ гильдіяхъ. А русскіе купцы судятся у себя на Руси по старому обычаю.

Куды тамъ, значить, съ суконнымъ рыломъ да въ зеркальный рядъ!

Лучше ужъ на чемъ другомъ того же нѣмца торгомъ подтеплешить.

Такъ вотъ и жили, медъ вино — пили, другъ съ другомъ не знали, другъ на друга обижались.

А барыши да прибыли не малые обирали съ торговли и русскіе, и нѣмцы.

2.

Гнушался неправедною корыстью молодой Акундинъ Акундиновичъ.

У себя не терпѣлъ, да и другимъ не велѣлъ. А старыхъ да именитѣйшихъ, какъ могъ, усовѣщивалъ.

А ужъ какъ его обмануть, куда!.. Дѣлъ становился и рьянъ, что самъ косолапый бояринъ, Топтыгинъ Михайло Иванычъ.

Казны и себя не жалѣетъ нипочемъ, лишь бы на своей правдѣ поставить.

Выкатить на дворъ бочки сорокаведерныя съ медомъ и пивомъ, про весь свой конецъ, про всѣ улицы. А вина-зелена и браги всякому, сколько душа хочетъ: пей, ѣшь, не стѣсняйся.

Кто хочетъ ѣсть и пить изъ готоваго — вались къ Акундину на широкій дворъ!

Валомъ валять къ нему званые и незваные, товарищи удалые, запьянцовскіе, голытьба без-

порточная со всѣхъ четырехъ городскихъ концовъ.

Заведутъ на торгу сбродовище, галдежь, и давай громить, разбивать нѣмецкое подворье:

— Бей, вали въ мою голову! Бей нѣмцевъ!

Попрячутся нѣмцы въ крѣпкое свое дворище, какъ ежи, ворота желѣзныя позатворятъ, изъ-за стѣнъ пищали длинныя выставятъ:

— Wieder pogrom! ⁶⁾ Nogardia ⁷⁾, Lumpenaufstand! ⁸⁾

Дѣло—нешуточное.

Самихъ убьютъ, животы расхитятъ, по бревнышку разнесутъ—не разъ такіе случаи бывали.

Посылаетъ имъ Акундинъ сказать:

— Такъ, молъ, и такъ, выходи добромъ, обида кровная. А не то—въ щепу!

Выйдутъ къ нему съ поклономъ выборные нѣмецкіе старшины, ефимки неправедно взятые на блюдѣ вынесутъ.

Русское сердце—отходчивое: ну, ладно ужъ, мнѣ чужого не надобно...

Возьметъ свое золото назадъ, да самъ же потомъ золотомъ этимъ и нѣмцамъ, и всей Руссѣ челомъ бьетъ:

— Не обезсудьте, молъ, господа честные! Милости прошу ко мнѣ на дворъ, хлѣба-соли откусать.

Да недѣлю потомъ и нѣмцевъ, которые помоложе да на обычаи новгородскіе посмотрѣтъ охотѣе, и кончанскихъ старость, и купцовъ именитыхъ, и уличанъ, и голь перекатную у себя въ хоромахъ да по кабакамъ въ мертвую спаиваетъ.

Добрые люди—всегда такъ: дѣломъ и сердцемъ скоры, а житьемъ тароваты, прожиточны.

Такъ и расторговался Акундиновъ и нажилъ себѣ богатство несмѣтное.

⁶⁾ Опять погромъ.

⁷⁾ Новгородъ.

⁸⁾ Бунтъ черни.

Много красавиць-дѣвиць сохло въ Руссѣ по удалому Акундинъ Акундиновичу.

Свахъ разбитныхъ засылали, корнемъ приворотнымъ привораживали, на снѣгу съ ворожкой слѣдъ вынимали, въ колядку, когда у волковъ свадьба бываетъ, въ предбанникѣ молодца сорочкой приваживали—не беретъ нипочемъ.

Полюбилъ молодой купецъ сироту боярскую, стараго боярина Романа Ивановича дочь Ксенію Романовну. На Покрова въ церкви Божіей ее впервые увидѣлъ.

Было ей при отцѣ житье-бытье привольное, даромъ что осталась сызмала безъ матери.

Богатъ и крутъ былъ старый бояринъ. Да не поладилъ онъ съ чернью старорусской, къ Москвѣ тянулъ, гнушался голью уличной.

Созвонили на него вѣче, пошли всей улицей, холопей убили, животы расхитили, хоромы разнесли, все разграбили. А самимъ старикомъ-бояриномъ чуть не наквасили съ моста рѣку Полисть.

Умеръ онъ потомъ съ горя да съ досады, а красавица дочь у нянюшки старой въ бѣдности осталась.

Бѣдная такая, шубейка худая, вѣтромъ подбитая. Приданого—алтынъ да вѣникъ, какъ разъ въ баню сходить. А гордая: кровь въ ней—въ отца, крутая, броская.

Волосы какъ смоль, брови соболиныя, рѣчь и поступь высокая, боярская.

Посватался Акундинъ, подарки послалъ: шелка-бархаты, камни самоцвѣтные.

Куда тамъ! На подарки даже и глазомъ не повела. Назадъ отдать сказала.

Черезъ нянюшку передать велить:

— Не пойду за тебя, богатаго мужика, пропойцу да горлана. Былъ бы батюшка живъ,

онъ бы тебя шелепугами довольно за эту честь улестилъ.

А сама въ свѣтлицу убѣжала, заперлась и плачемъ-слезами разливается.

Пооди, разбери сердце дѣвичье.

4.

Смертнымъ запоемъ третью недѣлю пилъ съ горя Акундинъ со всякимъ кабацкимъ сбродомъ да съ пріятелями, когда пришла къ нему въ кабакъ недобрая вѣсть: „Потопли въ Волховѣ струговъ твоихъ два сорока, что везли къ тебѣ товаръ съ дальнихъ понизовскихъ пятинъ да съ Ладоги“.

Сразу съ пьянаго и хмѣль какъ рукой сняло.

Однако, скрѣпился Акундинъ:

— Волховъ далъ, Волховъ взялъ. Не товару, а ребятъ нашихъ, что утопли, жалко. Эй, слуги вѣрные! Берите казны, сколько надобно, бѣгите къ соборному протопопу, заказывайте сорокоусты да панихиды, Господу помолимся. А ты, цѣловальникъ, гони зелья крѣпкаго на поминъ душъ ихъ грѣшныхъ про весь народъ честной, православный!

Стоить на завтра Акундинъ со товарищи на панихидѣ, еще въ полпьяна.

Истовый, квасомъ кудри пригладилъ, поклоны земные объ полъ до пота бьетъ, Богу молится.

Настигла тутъ его еще бѣда лихая. Бѣжить къ нему вѣрный слуга: „Бѣда, господинъ, загорѣлись амбары, что у самой у рѣчки Полюсьи. Спѣши, Акундинъ Акундиновичъ, до-тла все сгорить. Ребята твои съ поминокъ пьянымъ-пьяны, безъ тебя никого не слушаются“...

Махнулъ рукой Акундинъ:

— Какъ отойдетъ панихида, такъ и тушить

пойдемъ. Негоже, коль корысти ради ихъ грѣшныя душеньки безъ помину останутся.

Такъ и не пошелъ.

Амбары до тла сгорѣли.

Услыхали про его бѣду друзья-пріятели, купцы и богатѣи. Иные ему много должны были. А инымъ и самъ Акундинъ еще больше виноватъ былъ.

Проходу не стало. Сзади ходятъ, долги требуютъ:

„Плати, молъ, что намъ виноватъ, непутевый пьяница, пропойца“.

Гордъ былъ Акундинъ, и не стерпѣла душа.

— Такъ вы вотъ какъ, жмудяги, сквалыжники, плуты этакіе! Мнѣ гроша въ долгъ не вѣрять! Такъ нѣтъ же! Безъ копя останусь, а лаять за мной не будете...

Продалъ Акундинъ всѣ свои животишки до чиста, до самой послѣдней худобишки.

Все продалъ, oprичъ натѣльнаго креста — благословенія покойной матери.

Заплатилъ долги и протори; сиротамъ и вдовамъ утопшихъ оставилъ богатый вкладъ на кормъ и вѣчное поминовеніе.

Голь, какъ соколъ, остался, переселился вновь въ бѣдную хибарку.

Посудили, порядили купцы; похвалили себя, Акундина хайли:

— Дурачина, простофиля. Кто людямъ деньги виноватъ; тому и еще денегъ даютъ. А у кого нѣтъ ничего—съ того проку, какъ съ голага или съ утопленника.

Отвернулись отъ него всѣ друзья-пріятели. Голь перекатная, что Акундинъ кормилъ и поилъ, и та камнями кидаться въ него стала.

Бровью не повелъ Акундинъ. Но только видно—кровная человѣку обида:

— За что?

А Ксенія Романовна узнала, пожалѣла. Че-

резъ нянюшку поклонъ ему передала и къ тыну, что у терема, прійти вечеромъ сказала.

Обрадовался Акундинъ, пёрвый разъ послѣ своего несчастья какъ будто на свѣтъ родился.

Пришелъ.

Въ поясъ ей кланяется, шапкой передъ дѣвицей землю мететь:

— Здравствуй, говоритъ, гордая боярышня, любая моя любя! Зачѣмъ передъ ясныя свои очи позвать велѣла? Аль опять поиздѣваться хочешь: какимъ прежде былъ и что теперь сталъ Акундинъ Акундиновъ? Знала бы ты, изъ-за кого все! Эхъ ма!..

И ка-акъ грянетъ молодецъ шапку о землю!..

А она зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ:

— Прости, говоритъ, меня Акундинъ Акундиновичъ. Сама себя тогда не знала, тебя обидѣла. Думала, что ты, бабникъ да охальникъ, изъ озорства да спеси съ мошной за меня, безприданницу, сватаешься. Не тужи, соколъ мой ясный! Не въ деньгахъ счастье, а въ совѣсти да въ правдѣ. Вотъ тебѣ отъ меня образокъ, отцовское благословеніе: Никола, угодникъ святой. Онъ русскому человѣку въ бѣдѣ всегда помощникъ. Отслужи ему молебень, да опять человѣкомъ стань, за дѣло примись. О винѣ и думать забудь. Богъ милостивъ, мы еще съ тобой поправимся.

Упалъ на колѣни Акундинъ, самъ плачетъ:

— Зоренька ты моя ясная! Какъ же такъ, тогда ты меня съ богатствомъ прогнала, а теперь бѣднякомъ да сирымъ не гнушаешься?!

А она сняла съ себя складень и съ теплой дѣвичьей груди надѣла на шею Акундину.

— Не тужи, Акундинъ, поправимся. Мнѣ-то ты лучше теперь, чѣмъ былъ, а тебѣ самому поправиться надо, для людей надо. Тогда и сватовъ засылай. А я, oprичь тебя, ни за кого не выйду, хоть въ могилу лечь.

Взялъ онъ тутъ Ксенію Романовну за руку, въ уста поцѣловаль и въ землю поклонился:

— Жди же меня со сватами къ себѣ, суженая моя, невѣста, Богомъ данная.

5.

Пошелъ Акундинъ къ друзьямъ - пріятелямъ, богатымъ купцамъ, съ которыми у него столько лѣтъ хлѣба-соли повожено, попито, поѣдено:

— Такъ, молъ и такъ, выручайте, люди добрые!

Разсчиталь онъ въ умѣ, что будь у него триста золотыхъ ефимковъ, то купить онъ во Псковѣ льна, благо дешевъ онъ въ тотъ годъ уродился, да сплавить по Чудскому озеру въ Гдовъ, что лежитъ на нашемъ берегу, насупротивъ стараго Ливонскаго Юрьева. А тамъ много дадутъ за него золота знакомые юрьевскіе купцы.

Одинъ пріятель говорить:

— Ужъ не обезсудь, Акундинъ Акундиновичъ. Обезденежѣлъ я нынче, въ мѣха всѣ денежки вложилъ. А то я бы тебѣ—за милую душу.

Другой говорить:

— Нѣтъ сейчасъ у меня, Акундинушка, всѣ деньги по людямъ роздалъ.

А третій и просто дверь захлопываетъ передъ носомъ.

Старая хлѣбъ-соль забывается.

Плюнулъ Акундинъ, пошелъ въ нѣмецкое подворье.

Увидѣлъ его въ окно гауптъ, старшина поихнему, приказаль пустить въ горницу.

Поклонился Акундинъ, говорить черезъ переводчика:

— Я пришелъ къ тебѣ, мейштеръ, съ великой просьбой. Но я—человѣкъ прямой, и ты долженъ

знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Я — тотъ русскій купецъ, что давеча приходилъ разбивать твое подворье. Правда, тогда меня обманули, а я никого не обманываю. А теперь меня хуже чѣмъ обманули свои новгородцы. Отказали въ торговомъ долгу, хотя знаютъ мою честность.

Нѣмецъ посмотрѣлъ на него пристально:

— Такъ это вы, мингерръ, ⁹⁾ тотъ русскій богачъ, который безъ вины сталъ нищимъ? *Sehr wahr* ¹⁰⁾, я слышалъ объ этомъ. Говорите, въ чемъ ваша просьба, и если я только могу, то, *bei Gott* ¹¹⁾, я, Ральфъ-Карль-Амалія-Готфридъ-Бурхардъ изъ Бруншвика, ревельскій гильдейскій купецъ, я ее исполню.

— Мнѣ нужно триста золотыхъ ефимковъ на покупку товара. Черезъ годъ я заплачу со всѣми приростами и проторями, какіе полагаются у васъ по рижскому торговому обычаю.

— А вашъ закладъ или гарантія, мингерръ? Вы сами купецъ, и вы знаете, что мы можемъ давать въ долгъ иноземцу только подъ залогъ или поруку вѣрнаго и уважаемаго всѣми человѣка. Что можете вы дать въ закладъ, *als Pfand*, и гдѣ вашъ поручитель?

— Я ничего не могу заложить, потому что у меня ничего нѣтъ. А порукой за меня можетъ служить развѣ только нашъ русскій святой, Чудотворецъ Николай, и мое доброе имя, какъ честнаго купца и русскаго человѣка.

И Акундинъ вынулъ и показалъ нѣмцу образъ, данный ему Ксеніей.

Нѣмецъ помолчалъ, подумалъ, и, наконецъ, одобрительно кивнулъ головой:

⁹⁾ Стар. „милостивый государь“.

¹⁰⁾ Чистая правда.

¹¹⁾ Ей Богу.

— D's geht...¹³⁾ Но вы знаете обычай. Заимодавецъ долженъ посѣтить гаранта въ домѣ, гдѣ онъ живетъ, и видѣть, какимъ онъ пользуется Respekt ¹⁴⁾ между своими собратьями.

На другой день Акундинъ свелъ нѣмца въ старо-русскую Никольскую церковь. Они видѣли образъ святого Чудотворца Николая и толпы людей, спѣшившихъ къ нему приложиться, съ мольбой о помощи, утѣшеніи и заступничествѣ.

Потомъ пошли снова въ подворье.

Нѣмецъ вынулъ триста ефимковъ, написалъ долговую кабалу и сказалъ:

— Я вѣрю вамъ, мингерръ. Вотъ триста золотыхъ ефимковъ. Вы отдадите ихъ мнѣ ровно черезъ годъ и день, какъ принято у насъ въ торговлѣ nach einem Jahr und Tag ¹⁵⁾, т. е. на другой день вашего праздника Божьей Матери, 1 октября, со всѣми приростами и процентами, какіе причитаются по рижскому торговому обычаю.

Но, можетъ быть, мнѣ придется уѣхать раньше этого дня. Тогда я, вашъ заимодавецъ, Ральфъ-Карль-Амалія-Готфридъ Бурхардъ изъ Бруншвика, я буду ждать вашего платежа въ Ливоніи, въ Ревелѣ, въ странѣ эстовъ.

Вы найдете меня вотъ по этому готическому письму въ моемъ торговомъ складѣ, въ гавани, у самага подножія стѣнъ ревельскаго замка. Или въ моемъ домѣ въ Ревелѣ, второмъ съ угла, направо отъ ратуши, по площади Шведскаго рынка.

Но если черезъ годъ и день вы не исполните нашего условія, то вы можете знать, мингерръ, что будетъ думать нѣмецъ и нѣмецкій купецъ о первомъ русскомъ святомъ и о самомъ честномъ изъ русскихъ торговцевъ.

¹³⁾ Хорошо, идетъ.

¹⁴⁾ Уваженіе.

¹⁵⁾ Годъ и день — обычный въ балтійскихъ странахъ торговый срокъ.

Прощайте же, мингерръ, и да поможетъ вамъ Богъ!

Вечеромъ того же дня, наканунѣ отъѣзда въ Псковъ, Акундинъ и Ксенія снова встрѣтились у тына. Когда они всласть нацѣловались, вынулъ Акундинъ два золотыхъ кольца и обмѣнялся кольцами съ невѣстой.

Но она была печальна и сказала:

— Любый мой женихъ, болить у меня сердце. Чуетъ оно: будетъ съ тобою въ пути бѣда лихая. Цѣлуй же мнѣ крестъ, что не коснешься ты вина и будешь поодаль отъ голи кабацкой и всякой безстыжей бабы. А не сдержишь клятвы, не видать тебѣ меня, какъ своихъ ушей.

Поцѣловаль крестъ Акундинъ, простился съ невѣстой и въ ту же ночь уѣхалъ въ дорогу.

6.

Точно Божье солнце опять возопло счастье надъ буйной Акундиновой головушкой.

Пріѣхалъ онъ во Псковъ. А тамъ о несчастьѣ его люди еще и слыхомъ не слыхали.

Съ одной молвы навезли ему мужики пскопскіе льна первѣйшаго цѣлые амбары. А денегъ взяли только задатки, да на пропитіе по полтинѣ на брата. Деньгами и братъ не хотятъ:

— Шли имъ о Рождествѣ желѣза подковнаго, полосъ для полозьевъ и бабамъ — обновы.

Закупилъ Акундинъ во сто разъ больше, чѣмъ думалъ.

Прослышали пріѣзжіе нарвскіе купцы, пришли къ Акундину, сразу по рукамъ на всю покупку ударили.

А тому и лучше:

— Деньги на конъ — отецъ дяконъ. Святъ товаръ, продаденъ на мѣстѣ.

А у другихъ купцовъ дешево сторговалъ Акун-

динъ для мужиковъ-скобарей и желѣза, и обнови всякой, обернулъ свои денежки въ десять и въ десять разъ и съ одного маху нажилъ опять прежнее богатство.

Отписалъ въ Руссу, послалъ своей любѣ подарки дорогіе, шелка, бархаты, аксамиты самоцвѣтные.

Самъ никуда ни ногой, домой самосильно собирается.

Да нельзя, дѣло торговое держать.

А въ тѣ поры во Псковѣ дымъ коромысло мѣ шель. Понабрались псковичи вольныхъ нѣмецкихъ обычаевъ, женокъ изъ теремовъ выпустили. А для гостей, купцовъ прїѣзжихъ, дома гулящіе завели, гдѣ отъ города все имъ дармовое, окромя вина. А за вино платятъ купцы тѣ великія дани и пошрины.

Однако, крѣпится Акундинъ зелья и пригубить не хочетъ. На бабъ и дѣвокъ — ни-ни, ни однимъ, значитъ, глазомъ.

Такъ и прожилъ монахомъ всю осень и зиму, и весеннюю непролазную распутицу.

Наладились пути, выѣхалъ Акундинъ съ молодцами домой. Радехонекъ, къ милой ѣдетъ, пѣсни волжскія удалыя поетъ, на тройкѣ катитъ.

А кругомъ уже — май мѣсяцъ. Весна.

Лѣса кудрявые въ нарядѣ стоятъ, трава-мурава на лугахъ зеленѣетъ, кукушка сѣрая кукуетъ, сколько кому лѣтъ жить.

Тридцать верстъ не доѣхалъ до Старой Руссы Акундинъ.

Остановились въ Мориномъ посадѣ, подъ городомъ.

Уговариваетъ его приказчикъ: съ большака въ сторону верстъ на десять хуторокъ есть. Прасоль живетъ зажиточный, дешево у него кожъ закупить можно.

Поѣхалъ Акундинъ — не зная, что у приказчика на умѣ.

Прасола дома нѣту. А встрѣчаетъ ихъ хозяйка молодая — тѣло пышное, грудь высокая подъ сарафаномъ, какъ за занавѣсою, колышется. Лицо бѣлое, глазъ синій, русалочій, безстыжій, слегка косить, подмигиваетъ.

Баба, какъ баба. Но какъ прошла, вильнула. да грудью повела — посмотрѣлъ на нее Акундинъ такъ, какъ давно уже не смотрѣлъ ни на одну бабу.

Стемнѣло.

Справивши дѣло, велитъ Акундинъ запрягать да ѣхать. А приказчикъ пошелъ за конемъ на поле. Пошелъ и пропалъ.

Волей-неволей приходится Акундину ночевать одинъ на одинъ съ красивой молодою хозяйкой.

Душно въ избѣ.

А кругомъ на хуторкѣ весна колдуетъ, какъ шальная. Яблони въ саду цвѣтутъ, какъ снѣгомъ залитыя. Лягушки квакаютъ, кричатъ въ лугу коростель, токуютъ тетерева.

Надъ прудовымъ ставомъ мѣсяцъ полный заревомъ восходитъ.

Попрощалась съ нимъ хозяйка, на прощанье опять тѣломъ какъ-то особенно повела, рѣсницы длинныя на очи синія опустила.

Долго не могъ уснуть Акундинъ.

Ночью проснулся и глазамъ своимъ не повѣрилъ.

Свѣтло въ избѣ, какъ днемъ, а двери и окна завѣшаны. Передъ печкой сидитъ на скамьѣ хозяйка, совсѣмъ нагая.

Тѣло бѣлое — какъ молоко, на сгибахъ пышное, въ ямочкахъ, груди розовыя, упругія. А надъ лѣвой грудью — малая родинка, какъ черная мушка. Волосы распушены, руки за голову закинула, глазъ одинъ синій косить, а другимъ будто ему подмигиваетъ...

Не взвидѣлъ свѣта Акундинъ. И какъ во снѣ, чувствуя, что летитъ въ какую-то пропасть, схватилъ ее на руки.

А она молча вырвалась, скользнула, да черезъ окно — въ садъ. И побѣжала нагая, сверкая молочно-бѣлымъ тѣломъ при мѣсяцѣ, подъ буйно цвѣтующими яблонями, набухшими отъ хмѣльного весенняго сока.

Ринулся онъ сзади. Догналъ, схватилъ.

И теплая, росистая трава мягко приняла ихъ въ свои объятія...

На узкой дѣвичьей постели тревожно спитъ въ своемъ терему Ксенія Романовна.

Лампадку засвѣтила, Богу на ночь помолилась по-дѣтски тепло и сладостно. Отца помянула покойнаго и родныхъ, а объ Акундинѣ особо: скорѣй бы пріѣзжалъ, да не приключилась бы съ нимъ въ пути какая бѣда лихая.

Да, видно, не заснутъ ей въ эту ночь.

Разметалась на постелькѣ, губы горять, тѣсно въ груди, точно домовою давить.

Снится ей, что напала на Акундина кошка огромная, рыжая, съ синими глазами, горло ему зубами грызеть. А онъ, пьяный, спитъ и не слышитъ.

Будитъ его во снѣ Ксенія Романовна, никакъ добудится не можетъ, а сама плачетъ и кричитъ:

— Акундинъ, Акундинъ, проснись! Вѣдьма вѣдьма!..

Проснулась на крикъ старая нянюшка, перекрестила, водой съ уголька sprysнула:

— Что ты, касатка, что ты! Пріѣдетъ твой суженый.

А боярышня плачетъ, плачемъ разливается.

Черезъ день чуть свѣтъ пришелъ Акундиновъ работникъ и сказалъ:

— Бѣда, боярышня. Запилъ опять нашъ хозяинъ. Въ Мориномъ хуторѣ, тутъ же, подѣ Руссой. Мертвую пьетъ. А съ нимъ — сбродова разная кабацкая да баба рыжая-безстыжая, глазъ синій — вѣдьма.

Ни слова не выронила Ксенія Романовна. Только пальчики тонкіе хрустнули, какъ сжала ихъ, восковая вся, на лицѣ ни кровинки.

Ночь продумала и пошла на другой день къ игуменьѣ Таифѣ — въ монастырь проситься на послушаніе и постригъ.

7.

Весна отцвѣла, какъ первая свѣтлая юность.

За ней лѣто пришло съ ночами темными, воробыными. А тамъ и осень ѣдетъ уже во дворъ на рябомъ конѣ.

Заплакало небо, закрутилъ вѣтеръ буйный въ хуторскомъ саду опавшіе желтыя листья.

Не замѣтилъ осени Акундинъ. Жизнь эти мѣсяцы шла, какъ во снѣ.

Днемъ пилъ и горланилъ съ товарищами удалыми, а ночью томила его поцѣлуями хмѣльными да грудью бѣлою молодая хозяйка.

Жила въ немъ тоска. Да не давалъ ей воли, заливалъ виномъ да грѣхомъ.

Вышелъ онъ разъ утромъ на крылечко. Стоитъ худой, блѣдный, какъ вешній снѣгъ.

Вдругъ слышитъ — благовѣсть. Колоколь рядомъ въ селѣ торжественно гудитъ, расплывается. Мимо двора идутъ и ѣдутъ куда-то принаряженные мужики, бабы, дѣтвора бѣлоголовая, старцы нишіе съ костылями ковыляютъ.

Спросилъ — куда, отчего звонятъ въ церкви.

— Да что ты, ронный! Окстись, купецъ! Не знаешь разѣ, что сегодня — Покрова.

Покровъ!

Значитъ, годъ прошелъ! Значитъ, завтра — срокъ Николаю Чудотворцу и мнѣ!

Рванулся онъ въ свѣтелку да кулакомъ по столу какъ стукнетъ:

— Лошадей!

А бабѣ безстыжей, что къ нему бросилась;

— Прочь, вѣдьма! Убью!

Сѣлъ въ телѣгу и летитъ-гремитъ въ Руссу, точно нечистый за нимъ гонится.

8.

Въ нѣмецкомъ подворьѣ запирали уже на ночь ворота, когда съ грохотомъ во весь конскій махъ подскакала телѣга.

Изъ нея, какъ полуумный выскочилъ Акундинъ, весь сѣрый отъ пыли, съ мѣшкомъ золота въ рукахъ.

Кричитъ, оретъ, деньги суетъ:

— Мейштеръ Бурхардтъ!?

Вышли къ нему нѣмцы, переводчикъ и гауптъ.

— Нѣтъ его уже. Полгода назадъ какъ въ Ливонію выѣхалъ.

— Деньги примите, ради Христа! Долгъ ему принеси, триста ефимковъ!

— Про долгъ ничего не знаемъ. Денегъ принять не можемъ.

Заревелъ Акундинъ какъ зарѣзанный быкъ:

— Чудотворца Николая опозорилъ, окаянный!

Не поспѣтъ къ сроку за тридевять земель въ одинъ день изъ Руссы въ Ревель.

Шапку о земь ударилъ, волосы на себѣ рветъ.

Знаетъ Акундинъ, гдѣ спасенія искать надо.

А итти къ Ксеніи стыдится, силъ никакихъ нѣтъ.

Пришелъ все-таки, на колѣни съ порога бросился:

— Прости, Христа ради, Ксенія. Не простишь — съ собой порѣшу.

Вышла къ нему Ксенія Романовна. Не узнать даже сразу. Въ черномъ по-монашески одѣта. Восковая вся, что свѣчка стаяла, глаза на лицѣ одни черные горять;

— Богъ проститъ. Не мнѣ тебя прощать, милый. Христова невѣста я, бѣлица, черезъ недѣлю постригъ.

— Такъ пропадай и моя голова непутевая!..

Выхватилъ изъ-за сапога ножъ, кафтанъ на себѣ распахнулъ, хотѣлъ противъ сердца ударить.

Да она за руку схватила — откуда и сила взялась:

— Акундинъ, опомнись! Грѣхъ вѣдь великій! Нѣтъ прощенья за это ни въ вѣкѣ семъ, ни въ будущемъ.

А онъ на своемъ стоитъ:

— Николу-Угодника опозорилъ, крестное цѣлованіе сломалъ, тебя потерялъ. Все равно — не житье мнѣ на свѣтѣ.

Разказалъ ей все.

А она говоритъ ему:

— Постой, погоди, родной. Богъ милостивъ. Захочетъ Никола-Угодникъ душу твою грѣшную спасти, отъ срама избавить вѣру нашу, онъ и теперь поможетъ. Такъ срокъ, значить, нѣмцу завтра? Ну, молись Богу. Что человѣку нельзя, то у святого всегда въ полной волѣ.

И спросила:

— А образъ тотъ при тебѣ?

Вынулъ, протянулъ ей.

— Вотъ что, Акундинъ. Лодку возьми крѣпкую, спусти въ Ильмень-озеро, деньги въ нее положи, сколько платить нѣмцу — до копеечки. Да писаніе его, что тебѣ оставилъ, на лодку прибай. А надъ кормой складень мой поставь, икону Николая Угодника. Захочетъ Онъ помиловать тебя — завтра же будетъ твой выкупъ въ дальней Кольвани. Не захочетъ — пропали мы съ тобой навсегда. Не хочу я одна душу свою спасти; коль спастись такъ обоимъ вмѣстѣ. Коли простится тебѣ грѣхъ, завтра же черезъ рѣки, озера и моря нѣмецъ твой закладъ полу-

читать. А коль Богъ тебя простить — мнѣ ли, грѣшницѣ, волѣ Божіей и любви своей перечить.

Вышли съ Ксеніей на Ильмень-озеро, лодку спустили, положили на нее все, какъ она сказывала, на кормѣ икону Николая-Угодника поставили.

Стали на колѣни оба, со слезами о чудѣ молятся.

Тихо на волнѣ заколыхалась лодка.

И вдругъ, какъ вѣтеръ, понеслась, унося съ собой закладъ святого Чудотворца Николая...

9.

Ральфъ-Карль-Амалия Бурхардтъ, гильдейскій купецъ и вновь избранный ревельскій ратсгерръ,¹⁶⁾ мрачный сидѣлъ въ это утро за кружкой въ низкой горницѣ своего дома въ Ревелѣ, направо отъ Ратуши, по площади Шведскаго рынка.

Онъ былъ рѣшительно не въ духѣ.

Во-первыхъ, вчера на новосельѣ у кожевенныхъ дѣлъ мастера и цехового старшины Антона Мейера на форштадтѣ¹⁷⁾, куда онъ былъ приглашенъ въ качествѣ почетнаго гостя, какой-то сильно подвыпившій выскочка-мѣдникъ разбилъ драгоцѣннѣйшую пивную кружку изъ венеціанскаго стекла съ серебромъ, которую онъ, Бурхардъ, поднесъ хозяину.

Принимали его, конечно, хорошо — еще бы, слава Богу, ратсгерръ, не кто-нибудь.

Но все же, хотъ старый толстый Мейеръ и долженъ быть почтителенъ къ своему барону, допустимо развѣ, чтобы какому-то дворянчику, юнкеру, еще безусому мальчишкѣ, оказана была равная съ нимъ, Ральфомъ Бурхардтомъ, честь

¹⁶⁾ Членъ городского магистрата.

¹⁷⁾ Пригородъ.

только за то, что онъ — сынъ и наслѣдникъ бервенскаго комтура¹⁸⁾.

А еще эта — тутъ глупая исторія съ ефимками. Затѣмъ онъ далъ тогда въ Ногардіи такія большія деньги этому полупомѣшанному русскому чудаку?

Вчера вѣдь былъ этотъ ихъ осенній праздникъ. Значить, сегодня срокъ — ровно годъ и день. Ну, конечно, этотъ должникъ его — такой же мошенникъ, какъ и всѣ остальные изъ ихъ братіи.

А главный ихъ русскій святой — тоже хо-рошъ, значить: какой толкъ отъ его поруки?

Эти кислая размышленія были прерваны энергичнымъ стукомъ молотка въ дверь.

Вошелъ молодой, красивый мечникъ въ гербовыхъ цвѣтахъ и пернатой шляпѣ братства Черноголовыхъ.

— Достопочтенному ратсгерру привѣтъ отъ рыцаря Альфреда фонъ-Денъ, начальствующаго сегодня надъ стражею въ гавани. Къ вашимъ складамъ, мингерръ, пришла неизвѣстная лодка, по виду — ногардская. На ней ваше имя и манускриптъ, и мѣшокъ съ золотою монетою.

Ральфъ-Карль-Амалія Бурхардтъ, отбросивъ кружку, въ волненіи вкатилъ въ свое кресло:

— O, du liebe Zeit!¹⁹⁾ Такъ онъ, значить, все-таки пришелъ къ нему въ срокъ, этотъ закладъ русскаго святого Николая!..

— — —
Не великое озеро Ильмень, а изстари — дно золотое.

Три втекаютъ въ него рѣки, три красавицы-сестры въ немъ другъ съ дружкой сливаются.

Съ полудня — тихая Ловать. Съ восхода — Мста быстрая, бурливая, порожистая. А съ за-

¹⁸⁾ Военный начальникъ и высшая власть въ уѣздныхъ подраздѣленіяхъ Ливонскаго Ордена.

¹⁹⁾ Восклищаніе удивленія.

ката — Шелонь, для новгородцевъ гиблая, несчастная.

Съ боку Ловати бѣжитъ желтая Полисть — малая, но весной лихая, затопная.

Стоить на ней Русса Старая, богатая, торговая, плитнокаменная.

Чуть стонить ледъ — изъ далекихъ странъ идутъ по Ильменю суда съ товарами заморскими, со всякими вѣстями и новостями.

Весело бѣжитъ по Ильменю въ Руссу крѣпко оснащенный корабликъ. И не знаютъ Ксенія и Акундинъ, что плыветь-ѣдетъ съ нимъ имъ прощенье и счастье.

Отъ нѣмчина Ральфа-Карла Бурхардта изъ Ревеля — письмо, гдѣ острописными готическими буквами аккуратно выведено по-старо-нѣмецки:

— Долгъ вашъ, мингерръ, и закладъ русскаго святого Николая я въ Ревелѣ въ срокъ и съ условленными приростами получилъ. А найденное въ лодкѣ священное изображеніе передалъ въ русскую кирку на Русской улицѣ, которую ваши зовутъ теперь здѣсь Никольской...

СИЛЬНѢ ЖЕНЩИНЫ.

Изъ цикла „Легенды Изгнанія“.

Александрѣ Амфитеатровѣ.

Это было давно, когда молодъ еще былъ блистающій снѣговыми вершинами Памиръ, таинственная родина Аріевъ — свѣтлокожихъ и благородныхъ дѣтей бога солнца Ормузда...

Это было тогда, когда изъ чреслъ мидянки Манданы, матери Кира, выросъ могучій и величественный кедръ — великое царство персидское, распространившееся надъ всѣми народами земли до обитаемаго края вселенной.

Царь Дарій, сынъ Гистаспа, царствовалъ надъ всѣми царями и странами отъ Индіи до Эфіопіи, раздѣленными на сто двадцать семь сатрапій.

Въ семистѣнныхъ престольныхъ Сузахъ, въ своемъ дворцѣ изъ асписа и перламутра онъ сидѣлъ въ золотой тиарѣ, какъ тѣнь Ормузда на землѣ, надѣленный нечеловѣческимъ могуществомъ.

Десять тысячъ казначеевъ, кормившихся во дворцѣ, считая каждый день отъ восхода солнца

до заката, не успѣвали счесть и записать каравановъ съ золотыми „дариками“, —тяжелыми, круглыми слитками золота съ изображеніемъ стрѣлка, посылавшимися ему подвластными народами въ видѣ дани.

А въ прохладномъ гаремѣ подѣ надзоромъ стараго Шаазгаза, царскаго евнуха, стража наложницъ, тысячи красивѣйшихъ дѣвственницъ, томныхъ, какъ ущербленная луна, и стыдливыхъ, какъ роза, любовница соловья, въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ ожидали ночи, когда придетъ ей чередъ войти къ царю.

Надъ каждой изъ женъ великаго царя Персіи должно было быть выполнено все опредѣленное женщиной, чтобы она была красива и страстна.

Шесть мѣсяцевъ продолжаютъ притиранія ихъ мирровымъ масломъ и шесть мѣсяцевъ—ароматами и другими притирочными травами. А наканунѣ ночи, когда войти ей къ царю, выдавалось каждой изъ царской казны все, чего бы она ни потребовала.

Каждый день вечеромъ входила дѣвственница къ царю и возвращалась женщиной утромъ подѣ надзоръ евнуха Шаазгаза, присмотрщика женъ. И уже не могла войти вторично къ царю, развѣ царь пожелалъ бы ея и запомнилъ бы ея имя.

Все, что могутъ на землѣ руки, богатства, дѣла и жизни человѣческія, сплетенныя въ одно цѣлое и послушно покорныя одной волѣ, все лежало въ единой рукѣ великаго царя Персіи.

И онъ царствовалъ надъ міромъ, свободный и безбрежный въ своихъ желаніяхъ, одинъ надъ милліонами рабовъ...

*

Былъ полдень и зной, когда даже въ душистомъ полумракѣ дворца не даетъ отдохновенія пламенное солнце.

На золотомъ ложѣ своемъ покоился царь, утомленный долгимъ и шумнымъ пиромъ.

И вотъ у дверей его покоя заспорили между собой трое юношей, трое вѣрнѣйшихъ и приближеннѣйшихъ къ нему стражей, охраняющихъ тѣло царя.

У дверей спальни царя заспорили они говоря:

— Что на землѣ — всего сильнѣе?

Они спорили и не могли согласиться. И, забывъ о мѣстѣ и о санѣ царя, схватились уже за короткіе мечи, висѣвшіе у ихъ пояса.

Но четвертый, чужеземецъ, на половину сѣдой въ черной волнѣ кудрей, заговорившій свободно по-персидски, молча отвелъ ихъ руки и сказалъ:

— Мечъ можетъ показать силу, а не правду. Пусть лучше каждый изъ васъ напишетъ свое слово на свиткѣ и запечатавъ положить подъ изголовье царя Дарія. Когда царь встанетъ, подадутъ ему это писаніе. И за кѣмъ признаетъ царь и совѣтъ его, что слово его — мудрѣе всѣхъ, тому дадутся великая награда и почести.

Никто не зналъ, кто былъ говорившій. Но сонъ царя охраняли знатнѣйшіе изъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. А этотъ чужестранецъ былъ мудръ и смѣлъ, и на рукѣ его блестѣлъ золотой перстень царскій съ рѣзною печатью.

Тогда сказали они другъ другу:

— Да будетъ такъ:

И рѣшили, что тотъ, чье слово окажется разумнѣе, тотъ сядетъ вторымъ по царѣ за свою мудрость. Онъ будетъ одѣваться въ пурпуръ и носить на головѣ діадему и ожерелье на шеѣ. А сказавшій неразумное да будетъ казненъ смертью!

И тотчасъ написали каждый свое слово, запечатали печатью и положили подъ царское изголовье.

*

Одинъ написалъ: „Сильнѣе всего

— Вино“.

Другой написалъ: „Всего сильнѣе

— Власть“.

А третій написалъ: „Всего сильнѣе

— Женщина“.

*

Царь сидѣлъ въ совѣщательной палатѣ на тронѣ судьи, окруженный вельможами, сатрапами, военачальниками и начальниками областей, и совѣтниками, знающими прежнія дѣла царства.

Ночь трепетными огнями вѣчности смотрѣла въ высокія окна.

Передъ трономъ стояли свирѣпыя эфіопскіе палачи, черные, какъ Зло, съ обнаженными мечами и блестящими бѣлыми зубами, какъ у шакаловъ, готовые тутъ же по знаку царя обезглавить виновнаго за неразумное или дерзкое слово.

Потому что всѣ дѣла великаго царя Персіи дѣлались открыто передъ всѣми свободными. А семь князей персидскихъ и мидійскихъ, знатнѣйшихъ изъ всѣхъ, могли во всякое время видѣть очи царя, когда только онъ не молится Агни и не спитъ съ женою.

Царь Дарій велѣлъ позвать спорящихъ и, прочтя передъ всѣми писаніе, сказалъ:

— Объясните написанное!

Тогда первый, написавшій о силѣ вина, поклонился царю и сказалъ:

— О, великій царь и вы, мужи!

Могуче и сильно—вино, помрачающе умъ всѣхъ рожденныхъ женщиной.

Оно дѣлаетъ однимъ и умъ мудреца, и умъ глупца, царя и нищаго, раба и свободного, бѣднаго и богатаго. И всякій умъ превращаетъ оно въ веселье и радость, возвращая старцевъ къ беззаботному дѣтству.

Не помнятъ тогда ни о царѣ, ни о горѣ, ни о дружбѣ. Когда опьянѣютъ, забываютъ о врагахъ

и братьяхъ, обнажаютъ мечи и дѣлаютъ все, чего хочетъ хохочущій въ нихъ демонъ.

Не сильнѣе ли всѣхъ вино, преодолюющее даже сильнѣйшихъ?!

Онъ сказалъ и сѣлъ, готовый къ смерти.

Глубокое молчаніе кричало въ переполненной палатѣ.

Подошли палачи. Но царь протянулъ ему драгоценный перстень и сказалъ:

— Отойдите, стервятники! Воистину, сильно— вино, заставляющее такъ поступать. Но есть и надъ нимъ сильнѣйшее. Пусть скажетъ слѣдующій!

*

Вышелъ второй юноша и сказалъ:

— Не людьми ли насажденъ виноградъ, изъ котораго дѣлается вино. Они повелѣваютъ землей и моремъ, и всѣмъ, что въ нихъ заключается.

Но надъ людьми господствуетъ власть — царь или тѣ изъ людей, немногіе и сильнѣйшіе, которые правятъ государствомъ.

Всѣ люди хотятъ корысти, бѣгутъ труда, боятся лишений и смерти. Но власть повелѣваетъ ими, и, что ни прикажетъ имъ, повинуются.

И убиваютъ, и бываютъ убиваемы. А если побѣдятъ, то отдають господину своему добычу и все лучшее. А тѣ, которые не ходятъ на войну и не сражаются, тоже, воздѣлавъ землю и собравъ жатву, несутъ свою подать. И если царь скажетъ убить, то убьетъ челоуѣкъ даже своего сына. Если скажетъ отпустить, отпускають. Скажетъ бить — бьютъ; строить — строятъ; опустошать — опустошаютъ.

Весь народъ и войско повинуются одному или немногимъ, имѣющимъ власть, подъ страхомъ смерти.

Не сильнѣе ли всего — власть, если такъ повинуются ей!

Переглянулись всѣ слышавшіе и бывшіе въ палатѣ. Многіе закричали: „Сильнѣй всего — власть. Но царь протянулъ говорившему ожерелье и сказалъ:

— Ты — мудръ, юноша! Сильна надъ людьми власть, если такъ повинуются ей. Но есть сильнѣйшее и надъ царствующими. Выслушаемъ дальнѣйшее.

*

Третій, написавшій о силѣ женщины, былъ еще почти мальчикъ.

Но онъ спокойно вышелъ впередъ и поклонился царю, приникнувъ розовымъ лицомъ къ мраморному полу. И сказалъ такъ:

— Велика — власть, и сильно — вино. Но не женщина ли господствуетъ надъ нами?

Женщины родили царя и весь народъ, который владѣетъ землей и моремъ.

И отъ нихъ родились и насадившіе виноградъ, изъ котораго дѣлается вино.

Не могутъ быть люди безъ женъ.

И прилѣпляются къ нимъ болѣе, чѣмъ къ власти, вину, золоту и всякой другой вещи подъ солнцемъ.

Съ женой человекъ оставляетъ душу и не помнитъ ни отца, ни матери, ни царя, ни страны, гдѣ онъ родился.

Женщины господствуютъ надъ вами.

Не плодите ли вы трудовъ и напрягаете ли усилій? Но полученное приносите и отдаете любимой больше, чѣмъ вину и власти.

Не великъ ли царь властью своей? Но я видѣлъ его, великаго царя Персіи, и Роксану, царскую наложницу, сидящую по правую руку царя.

Она снимала золотую тиару съ головы царя и возлагала на себя. А лѣвой рукой, смѣясь, ударяла царя по щекѣ. И онъ смѣялся...

Если улыбается она, то улыбается и царь.

А если разсердится на него, то онъ ласкаетъ ее, пока не помирятся.

О, мужи, не сильнѣе ли всего женщина, если такъ самовластно повелѣваетъ вами!

Потупили очи въ землю царь и воины. И всѣ шептались тихонько, стыдясь своей слабости и правды.

Но никто не нашелся возразить юношѣ.

И царь Дарій, снявъ съ себя діадему, протянулъ говорившему;

— Ты — молодъ, львенокъ, и знаешь то, чего не должно знать еще въ твои счастливые годы. Но ты — правъ. И если никто не скажетъ здѣсь разсудительнѣе тебя, то проси, чего хочешь.

*

Тогда всталъ и преклонился четвертый — чужеземецъ съ перстнемъ на пальцѣ, съдой на половину.

Никто не зналъ его, и всѣ съ изумленіемъ ждали его слова.

И онъ сказалъ:

— О, царь царей, и вы, персы!

Несправедливо — вино. Несправедливъ — царь. Несправедлива — женщина.

Несправедливы — всѣ дѣла человѣческія.

Сила ихъ приходитъ и уходитъ. Они покоряются времени и смерти и погибаютъ въ неправедности.

Истина одна не стирается временемъ, неподвластна смерти, не боится несправедливости и живетъ, и властвуетъ надъ смертными и безсмертными. И она — сильнѣе всего на свѣтѣ.

И закричало собраніе:

— Велика — истина и сильнѣе всего.

Тогда царь сказалъ:

Проси, чего хочешь, и даже болѣе написаннаго. Ты будешь вторымъ по мнѣ какъ мудрейшій между нами.

Но чужеземецъ сказалъ:

— Мнѣ ничего не нужно. Но исполни обѣщаніе, которое ты далъ въ тотъ день, когда сталъ повелителемъ міра.

Удивленіе выразилось на лицѣ царя. Въ молчаніи внимали сатрапы, совѣтники, воины и всѣ знавшіе дѣла царства. А говорившій продолжалъ смѣло:

— Вспомни обѣщаніе, данное тобою въ тотъ день, когда ты принялъ царство! Обѣщаніе, что ты—постройшь Іерусалимъ.

Повели возстановить нашу страну, гдѣ на развалинахъ владычествуютъ убійцы и разбойники!

Повели освободить и построить Іерусалимъ!

*

Царь вздрогнулъ и сказалъ:

— Кто ты и откуда знаешь тайну моего обѣщанія?

— Я — еврей, и зовутъ меня Заръ изъ Вавилона. По вашему это будетъ Зоровавель.

Ты далъ, о царь, это обѣщаніе, когда взялъ и разрушилъ враждебный Вавилонъ. Ты взялъ его съ помощью перса Зопира, который, изувѣчивъ себя нарочно, выколовъ глазъ и отрубивъ обѣ руки, подъ видомъ несправедливо наказаннаго тобой проникъ въ неприступный городъ и открылъ тебѣ тайну плотинъ, ограждавшихъ водою доступъ къ стѣнамъ. Я, Зоровавель, открылъ тогда Зопиру эту тайну. А знаю я о твоёмъ обѣщаніи съ твоихъ же словъ, которыми хвастался ты, пьяный, упившись виномъ на пирѣ. А слова твои слышали и донесли мнѣ люди нашего народа, окружающіе тебя тамъ, гдѣ ты ихъ не знаешь.

— Какъ же проникъ ты, дерзновенный въ стражу мою, къ изголовью царя Персіи?

— Ты любишь, о царь, смуглую Астинь наложницу твою, еврейку. И ты желаешь все, о чемъ она тебя проситъ, когда ты вечеромъ зовешь ее къ себѣ.

Вотъ — перстень твой съ рѣзною печатью. Перстень жизни и смерти, даннй тобою смуглой Астинь въ ночь страсти. Носящаго перстень слушаются всѣ въ Персіи, какъ слушаются царя.

Клятва твоя черезъ вино и черезъ женщину отчутилась въ моихъ рукахъ. И вотъ я сталъ у твоего изголовья. Сегодня слова мои были угодны тебѣ. Ты обѣщаль исполнить все, чего бы я ни просилъ. И вотъ я прошу тебя: Повели же построить Иерусалимъ и возстановить разрушенный храмъ Бога Вседержителя!..

*

Но царь сказалъ:

— Ты — правъ, чужеземецъ! Я далъ тогда это обѣщаніе. Но то, что ты сдѣлалъ, доказываетъ лишь твою неправду.

Ты обманулъ насъ сегодня, еврей!

Сильнѣе человекъ вино. — Сильнѣе вина — царь. — Сильнѣе царя — женщина. Сильнѣе женщины — истина. Такъ ты сказалъ.

Но силой вина и царя, и женщины, и истины ты воспользовался лишь для служенія тому, что ты любишь.

Мы любимъ вино и власть, и женщину. Мы любимъ самую истину ради ихъ самихъ. А ты любишь только свой народъ... И оттого вы, плѣнники, владычествуете надъ нами и черезъ вино, и черезъ женщину, и черезъ истину, и черезъ царя

Я дважды обѣщаль то, чего ты просишь. И я сдержу свое обѣщаніе, ибо не хочу быть несправедливъ.

Но ты — опасенъ намъ, Зоровавель, любящій свой народъ больше всего на свѣтѣ. И ты оскорбилъ царя, воспользовавшись всѣми тремя могущественнѣйшими силами міра, чтобы обольстить нашъ умъ и вынудить наше рѣшеніе.

И, обратившись къ палачамъ, повелѣлъ:

— Отрубите ему его слишкомъ мудрую голову!

А вы, писцы, пишите письмо отъ царя съ приказомъ освободить и построить Іудею!..

*

На каменно-голой скалѣ горы Мога, въ разрушенномъ Іерусалимѣ, морщинно изборожденной развалинами храма, на разсвѣтѣ дремала семья волчатъ, выведшаяся здѣсь же въ пещерѣ, подъ сводомъ „святая святыхъ“.

Около 70 лѣтъ сюда не ступала нога человѣка. Въ мертвомъ городѣ внизу, надъ страной царили разбойники, посѣщавшіе лишь мѣста, гдѣ можно было кого-либо ограбить или убить. А немногимъ оставшимся жителямъ доступъ сюда былъ запрещенъ подъ страхомъ смерти.

Въ это утро волчиха проснулась, понюхала воздухъ. И вдругъ протяжно и предостерегающе завывала.

По всему скату горы отъ мертваго города наверхъ двигались люди. Впереди шли вооруженные, гнавшіе передъ собой связанныхъ на казнь поработителей страны. А сзади — народъ, женщины, дѣти и стада. И за ними — безчисленныя повозки съ обтесанными кедровыми брусьями и кирпичомъ, плотники и каменщики, пришедшіе строить Іерусалимъ.

Это сдѣлала великая любовь, которая — сильнѣе истины и женщины.

Любовь, которая — сильнѣе всего на свѣтѣ...

КАМЕЯ.

Изъ человѣческихъ документовъ любви и смерти.

Такъ начертано въ древней греческой рукописи, подобранной мною въ дни революціи, при пожарѣ и разрушеніи ревелъской башенной тюрьмы.

„Жажда перемѣны—всеобщій законъ.

И только Богъ — всегда одинъ и тотъ же: сегодня, вчера и довѣка.

● Три вещи—ненасытимо подъ солнцемъ: пасть ада, утроба земли и желаніе женщины.

И она, сосудъ искушенія, въ самой своей любви лишь алкаетъ ненасытимо новаго и неизвѣданнаго напитка измѣны...

Я, Аэцій изъ Никомедіи, римлянинъ и евнухъ, былъ любовникомъ прекрасной и порочной Теофано, христоролюбивой императрицы ромэевъ,¹⁾ убійцы и прельстительницы трехъ смѣнявшихся императоровъ.

Я сталъ орудіемъ и отмщеніемъ за грѣхи этой сатанински-божественной женщины съ чер-

¹⁾ Византійцы.

тами камені, въ гармоніи своей заключавшими силу, волнующую весь міръ.

И теперъ, умирая нѣмымъ и рабомъ въ этой безсолнечной языческой странѣ угрюмыхъ болотниковъ ²⁾, на берегахъ этого блѣдноводнаго моря, гдѣ издревле находятъ желтый янтарь, я — за отсутствіемъ служителя Божія — ввѣряю послѣднюю исповѣдь моей жизни этому куску пергамента, сохраненному мною, какъ послѣднее воспоминаніе о дняхъ счастья и о солнечномъ градѣ Константина.

О, лучъ Христовъ!

О, священная имперія ромэевъ, которой рубежомъ должны быть только послѣднія киммерійскія грани земли и круговой потокъ древняго океана ³⁾.

О, коронованная Сивилла, о, преступница и все же прекраснѣйшая изъ женщинъ, Теофано, имя которой слаше любовнаго шороха розъ въ висячихъ садахъ золотого Вуколеонскаго дворца надъ царственно струящимся Босфоромъ“...

*

„Помяни грѣшную душу мою, ты, который прочтешь когда-нибудь этотъ свитокъ.“

Помолись объ облегченіи мнѣ мученій въ пламени ада. И возблагодари Бога, что ты — не безбородый мужчина, не евнухъ, и отъ вѣка созданная полнота твоей природы не испытала насильственнаго и уродливаго искаженія.

Ибо огнемъ не побѣждается огонь, и сталью не отсѣкается, а лишь обостряется желаніе безбородаго мужчины, имя котораго — позорное и презираемое:

— Евнухъ...

²⁾ Финскія племена.

³⁾ Римская имперія должна была включатьъ весь міръ.

До сихъ поръ помню родимыя горы и степи Исавріи, блаженныя игры дѣтства и мраморно-колонный отеческій домъ на опасной сарацинской границѣ. И розовый, какъ цвѣтокъ граната, пухъ ланить невольницы Хризатеиды, съ которой впервые узналъ я женскую ласку.

Потомъ, какъ во снѣ,—ночь, нападеніе невѣрныхъ и кровь и огонь, зеленыя чалмы и сверкающіе ятаганы, гортанные крики у моего изголовья на невѣдомомъ варварскомъ языкѣ.

...Плѣнъ.

Узкій колодець темницы и позорная жгучая боль, унесшая съ собой мою юношескую гордость и стыдъ.

Я былъ проданъ евнухомъ въ Византію...

И тамъ, 17-лѣтнимъ мальчикомъ, въ день вѣнчанія впервые увидѣлъ ее, супругу василевса ⁴⁾, избранницу неба и ада — Теофаню“...

*

„О, городъ Константина, о, Новый Римъ!

Золото, кровь, сладострастіе и смерть, переплетшіяся въ великое и тлѣнное цѣлое.

Если бы тысячу и тысячу стилей я имѣлъ, чтобы описать твое величіе и роскошь, куполь святой Софіи, ласку твоего моря и красоту твоихъ женщинъ, я превзошелъ бы всѣхъ четырехъ евангелистовъ, и міръ не вмѣстилъ бы написанныхъ книгъ...

... Въ пурпурномъ императорскомъ одѣяніи и вѣнцѣ, съ краснымъ яблокомъ любви въ рукѣ входитъ боголюбивый царь ромэевъ въ порфирныя палаты священнаго дворца.

Въ эти, павлинами и орлами изъ жемчуговъ украшенныя, мозаичныя палаты, гдѣ собираются

⁴⁾ Титулъ византійскаго императора: царь.

для выбора василиссы ⁵⁾ прекраснѣйшія изъ прекрасныхъ дѣвицъ имперіи.

Двѣ тысячи двѣсти шесть красавицъ ждали выбора молодого царя Романа.

Были тутъ знатныя и простыя — утонченныя, тонко образованныя язычницы-аѳинянки и дикія, какъ горныя розы, дѣвственницы восточныхъ пограничныхъ областей.

Но знала силу свою Теофано, женщина непобѣдимой красоты, съ глазами и сердцемъ камен.

— Тоска ожиданія велика — сказала она своимъ соперницамъ. — Снимемъ же обувь съ нашихъ ногъ, дѣвственницы. И та, которая сумѣетъ одѣтъ ее обратно скорѣе всѣхъ, пусть она станетъ императрицей и повелительницей ромеевъ.

Слово это понравилось менѣе красивымъ, которыхъ было больше. И онѣ сняли обувь.

И когда вошелъ василевсъ, она стояла полунагая, съ круглыми колѣнями, ослѣпляюще прекрасными, какъ у божественной статуи Праксителя.

И онъ увидѣлъ.

И, какъ ослѣпленный, не смотря ни на кого больше, подошелъ къ лицомѣрно склонившейся и торжествующей Теофано...

Силенъ и палящъ вѣтеръ Ливіи, несущій съ собою черезъ море лѣтнюю жару.

Но сильнѣе былъ вздохъ разочарованія и ярости двухъ тысячъ страстныхъ женскихъ грудей, бурей всколыхнувшей ароматныя куренья кинамоны и листья лапчато-причудливыхъ эфіопскихъ пальмъ дворца, когда мгновенно воспламенившійся любовью императоръ протянулъ своей прельстительницѣ царственный символъ: красное яблоко любви“...

⁵⁾ Титулъ византійскихъ императрицъ.

*

Текстъ рукописи далѣе оборванъ и частью искаженъ.

...
„... цѣлую книгу о придворныхъ церемоніяхъ написалъ мудрый отецъ василевса, покойный императоръ Левъ.

Но... молодости и необузданности этого Эроса казались... даже обряды... интригой и преступленіемъ противъ величества... влюбленному самодержцу, получившему пурпуровые башмаки императора, восемнадцати лѣтъ...

... Ропотъ матери... патриарха... василевсъ приказалъ... два дня.

... Вечеру третьяго дня... опьяненный страстью возлежалъ василиссой золотой императорской кровати... вмѣсто зеркалъ десять и десять полированныхъ листовъ мѣди, царскаго хинезійскаго шелка... 124 свѣжикъ снопахъ... символъ плодородія. А къ постели новобрачныхъ по давнему обычаю допускается... народъ ромэевъ отъ перваго сановника — паракимомена до послѣдняго торговца благовоніями на рынкѣ.

... Стоялъ у изголовья никѣмъ нестѣсняемый евнухъ и рабъ — уродливое и странное изваяніе, не имѣющее человѣческаго лица...

... Торжественной процессіей несли тунику василиссы... символъ любви — красныя яблоки... женскіе покои дворца... восклицаніяхъ народа.

Пресыщенный... ушелъ василевсъ Романъ... государственными дѣлами... палаты Августейона...

Гнѣвливымъ и порочнымъ капризомъ лживой природы женщины отдала... ослѣпительно-божественное тѣло уроду и евнуху, не зная... что не всегда уноситъ съ собой кровь и ножъ“...

„Три вещи ненасытими подь солнцемъ: пасть ада, утроба земли и прихоть женщины.

Пять лѣтъ, презираемый міромъ, я обладалъ ею въ тайнѣ гинекея ⁶⁾, среди ежеминутныхъ опасностей смерти и позора странныхъ встрѣчь, которыми питалась ея извращенная чувственность.

Я былъ уродомъ и почти демономъ, съ изрытымъ лицомъ, чернымъ, какъ у негра, съ холоднымъ и угрожающимъ взоромъ, котораго не выносили робкіе.

А почти божественное совершенство ея тѣла заключало въ своей гармоніи силу, которая волновала міръ.

Уродство и чрезмѣрная красота — одинаково тяжкое бремя, котораго не выносить земля.

Міръ предназначенъ Вышнимъ для умѣряющей и примирающей середины.

А крайности, это — сестры Рока, печать прошлой общности судебъ и душъ въ неумолимой повторяемости цѣпей перевоплощенія.

И великій законъ Возмездія срощаетъ сердцемъ эти оба опрокинутыя и противоположныя искаженія вершинъ человѣческаго.

Она была византійка и боялась, что я выдамъ ей тайну.

И отъ меня — уже евнуха — она потребовала еще и мой языкъ.

Его до корня вырвали изъ моихъ крѣпко сжатыхъ губъ чернокожіе палачи въ личномъ присутствіи боголюбивой василиссы.

А на другой день произошелъ случай, унесшій жизнь императора Романа.

⁶⁾ Женское отдѣленіе, теремъ.

На высокой колесницѣ триумфатора проѣзжалъ по площади Константина василевсъ, когда неизвѣстный провинциаль протянулъ ему яблоко изъ Фригии — совершенно необычайной красоты и налива.

Императоръ взялъ яблоко и тутъ же черезъ посланнаго вручилъ его „надеждѣ сердца“ — Теофано.

А она въ одной изъ своихъ прихотей передала его мнѣ. По долгу вѣрноподданнаго и слуги я снова послалъ его василевсу.

Свѣтлѣ солнца спросилъ на другой день императоръ супругу свою:

— Гдѣ фригійское яблоко, даръ моей любви, которое послалъ къ тебѣ вчера мое величество.

— Я съѣла его — отвѣчала улыбаясь обманщица, — и оно было очень вкусно.

Вѣчнымъ спасеніемъ души заклиналъ ее василевсъ открыть правду. Но не поддавалась, извиваясь, какъ сталь, женская хитрость и ложь, вѣчная бунтовщица противъ власти мужчины и правды.

Тогда вынулъ и показалъ ей яблоко возмущенный царь:

— Оно было у евнуха Аэція.

Ночью должны были совершиться — по приказу императора — заточеніе Теофано и моя казнь въ плотно зашитомъ полотняномъ мѣшкѣ, сброшенномъ въ волны Босфора.

Но еще вечеромъ умеръ — отравленный ядомъ — василевсъ. И она, женщина-камея, осталась одна, христолюбивой императрицею и повелительницею ромэевъ.

— Это — первый — шепнула она мнѣ въ ухо цѣлуя и общая:

— Сегодня ночью“...

*

„Онъ былъ уродливъ и черенъ лицомъ, какъ я, намѣстникъ восточныхъ областей Никифоръ, грубый и честный солдатъ, даже среди мира спавшій всегда на шкурѣ пантеры.

Въ нишѣ священнаго дворца я стоялъ съ Θεοφано, когда во главѣ своихъ войскъ, сверкая блестящимъ вооруженіемъ триумфатора, вступалъ въ разукрашенную розами столицу влюбленный вождь. И непостоянная толпа ипподрома вѣнчала его привѣтственными криками:

— Никифоръ, Никифоръ! Да здравствуетъ Никифоръ, боголюбивѣйшій василевсъ и повелитель ромэевъ!

И — высоко надъ праздничной толпой — посылая побѣдителю улыбку счастливой невѣсты, тихо прошептала мнѣ на ухо Θεοφано:

— Этотъ... также. И тогда... ночью...“

*

„Воскресшій Христось приходилъ въ тотъ годъ рано, въ началѣ весны.

Вѣтеръ завывалъ надъ бушующими волнами Босфора, когда вотъ этой рукой — по приказанію Θεοφано — я бросилъ изъ окна дворца веревку ея новому любовнику, изнѣженному и малорослому племяннику императора Іоанну...

Поднятый въ корзину черезъ окно дворца, во главѣ спрятаннаго въ женскихъ покояхъ отряда заговорщиковъ онъ долженъ былъ въ эту же ночь покончить съ подозрительнымъ и начавшимъ уже догадываться василевсомъ.

Храбръ и любимъ войскомъ и народомъ былъ императоръ Никифоръ. Но знала свою силу прекрасная и порочная Θεοφано.

Въ эту истомно-преступную ночь къ ней словно вернулась прежняя, давно остывшая нѣжность.

Убаюкавъ супруга ласками, она сама унесла отъ императора его мечъ и броню. И, чтобы помочь войти заговорщикамъ, всѣми чарами женщины уходя выманила она обѣщаніе оставить открытой для нея потайную дверь, соединявшую императорскую спальню съ покоями гинекея:

— Я еще приду... сегодня, ночью.

.....

— Ты ли, о, сладчайшая Теофано, — сказала императоръ, проснувшись при шумѣ отворяемой двери, протягивая руки и весь содрагаясь отъ страсти и нетерпѣнія.

— Нѣтъ, это мы — евнухъ Аэцій и убійцы, сказала ему первый вошедшій.

И я широкимъ ударомъ меча разсѣкъ ему голову отъ макушки до бровей“.

*

„Пролитая царская кровь, это — мука и смерть, вѣчный адъ на землѣ и неизбывное проклятіе неба.

Послѣ кровавой ночи возненавидѣлъ прекрасную свою сообщницу ставшій императоромъ умный и холодный Іоаннъ.

Опозоренную, не пустилъ ее въ святую Софію на Пасху смятенный цареубійствомъ патріархъ. И зловѣщее молчаніе царило по площадямъ, когда сквозь густую толпу народа евнухи прото-спафаріи прокладывали дорогу пурпуровымъ носилкамъ василиссы.

Ссылка и монастырь ждали ее въ 29 лѣтъ, въ расцвѣтѣ красоты неслыханной, всепокоряющей, сатанинской.

Тогда, обольстивъ начальника стражей, предложивъ ему свою красоту и пурпуровую хламиду василевсовъ, она, замышляя убійство, вызвала на свиданіе къ себѣ отвергнувшаго ее императора Иоанна.

— Этотъ... также — сказала она мнѣ на ухо, цѣлуя и обѣщая:

— Сегодня ночью...

Но, вынувъ мечъ, я изо всей силы ударилъ имъ въ этотъ ангельскій ликъ, скрывавшій змѣиное сердце. И окровавленная сталь прошла холодныя уста камеи, осчастливившія, обманувшія и убившія столькохъ властителей.*

*

О, солнце міра! О, священная имперія ромэевъ, рубежомъ которой должны быть только грани земли и просторъ древняго океана!

Θеофано!

Жизнь и любовь моя, Θеофано...

Я убилъ тебя, женщина-камея.

Пролитая царственная кровь, это — адъ на землѣ и неизбывное проклятіе въ вѣкѣ семъ и будущемъ...

Зачѣмъ — вмѣстѣ съ датчаниномъ сѣкироносцемъ изъ тѣлохранителей императора — я бѣжалъ въ эти безсолнечныя и безрадостныя сѣверныя болота на янтарномъ берегу этого блѣднаго моря...

Но добровольною смертью моею хочу я сегодня соединить усталую душу мою съ твоею, о, избранница неба и ада, прекраснѣйшая и проклятая въ женахъ:

— Θеофано“...

СЕРДЦЕ НАРОДА.

ПОЭМА.

ГЛАВА 1.

Тридцать лунъ вкушали уже изгнанники манну скитанія въ пустынь. Суровымъ путемъ Горечи и Распри повелъ Онъ народъ свой изъ Египта.

Великою и страшною пустыней, гдѣ змѣи и василиски и скорпіоны и знойные сполохи миражей, которыхъ дурманящіе образы — обманъ и дымъ...

Бѣлые костяки верблюдовъ и изжелта нѣмья, мертвыя вмѣстилища страстей человѣческихъ зіяющими впадинами высохшихъ глазъ одни смѣются тамъ жгучему дыханію вѣтра. И лишь бездонно пламенѣющей шатеръ Всевышняго неопалимою чашею Гнѣва и Жажды дымно опрокинутъ надъ багрово летучими, безжизненно опаленными песками.

Давно, давно, изъ кудрявыхъ дубровъ своей дальней родины, изъ приволья мягко всхолмленныхъ полей и задумчивыхъ зорь надъ просто-

ромъ широкаго Иордана, изгнанникомъ и бѣглецомъ вступилъ Израиль на коричневый иль земли Египетской въ дни великаго голода и долгаго тяжколѣтя, распространившагося тогда по всей землѣ.

Но горекъ и раздрающе остръ выросъ имъ хлѣбъ пріюта въ сухой и жесткой землѣ изгнанія.

Собрались и умножились они чрезвычайно и переполнилась ими земля та.

И опасались властители Египта:

— Не возстанутъ ли пришельцы и не соединятся ли съ кочевниками — разрушителями, врагами ихъ, когда случится война.

Чтобы самимъ стать владыками надъ узко огороженнымъ малымъ царствомъ пшеницы и надъ тѣсною рѣчною долиною трудами воздѣланной земли.

И потому силою власти принуждали они народъ къ работамъ и дѣлали жизнь ихъ горькой отъ тяжкаго надрыва надъ глиной и кирпичами для городовъ, и отъ всякаго урочнаго полевого труда, которымъ должны были трудиться изгнанники для дневнаго своего пропитанія подъ занесенною угрозою бича.

Долгіе, долгіе годы безотвѣтно молчало равнодушное небо чужбины надъ стонами ихъ работы и надъ бездождіемъ слабыхъ всходовъ ихъ блѣдныхъ надеждъ.

И многіе забыли уже величіе и свободную жизнь предковъ и думали, что ограбленный нищій и рабъ сегодняшняго дня на утопанной дорогѣ другихъ народовъ міра — несчастный народъ ихъ такъ и родился на свѣтъ изгнанникомъ безъ родины, послѣднимъ изъ послѣднихъ, нищимъ и рабомъ...

Но вотъ, когда, мелькнувъ, обманули всѣ надежды и истекли казалось всѣ обѣщающіе дни,

изъ послѣднихъ глубинъ бѣдствія, открылось и для нихъ око извѣчно Бодрствующаго надъ все-ленной.

Отъ ига пота и отчаянія послалъ имъ надеждой Пророка и Вождя и властно призвалъ ихъ на пути Обѣтованія.

На закатѣ солнца встали какъ одинъ и сверкающими строями вышли передъ лицомъ судьбы: чтобы мечемъ искать страны отцовъ.

И онъ вывелъ ихъ въ дымную даль пустыни...

Въ дымную и невѣдомую даль, въ безводное и бездорожное скитаніе.

Отъ котловъ полныхъ мяса и отъ хлѣбовъ пресыщенія страны Египетской, изъ тучной и цвѣтущей коричневой земли риса и ячменя, по клѣткамъ размѣренной виноградниками и гранатовыми деревьями словно игралищная доска, которую изъ пригоршни рукъ своихъ поливалъ народъ — изгнанникъ, какъ одинъ масличный садъ.

2.

Всякій работающій трудится для себя, потому что принуждаетъ его къ тому ротъ его, требуя пищи, и желудокъ, отецъ несчастія.

Но ищущій далей Обѣтованія, — какъ странникъ въ непогоду жизни. И лишь топотомъ бурь вырастаетъ его сердце.

Дологъ и страшень былъ путь, которымъ велъ ихъ Вышній по пустынь.

Онъ испытывалъ ихъ страхомъ и томилъ ихъ голодомъ и питалъ ихъ манною, которой не знали отцы ихъ въ Египтѣ — да узнаютъ, что не единымъ хлѣбомъ живъ бываетъ человѣкъ, но всякимъ подвигомъ свободной души за надежду Дальняго и Высшаго.

Не повелъ Онъ народъ по дорогѣ земли Филистимлянъ, потому что она близка.

Потому что слабъ и измѣнчивъ народъ жестоковыйный и темный, вчера еще быкъ ярма на копытахъ ноги своей несущій пыль рабства Египетскаго:

— Сердце упавшихъ не разслабится ли передъ неравной битвой за свободу? Передъ городами оплотами насильниковъ плѣненной земли отцовъ, съ укрѣпленіями до небесъ? Передъ мечемъ угнетателей — исполиновъ, которымъ ростомъ своимъ былъ народъ—изгнанникъ, какъ ползучая саранча.

И загадкою испытанія сверкнуло имъ въ очи опаленное лицо пустыни, да не раскается народъ, увидавъ войну, и не возвратится въ Египеть.

Отъ Раамсеса въ Эамъ и оттуда на край пустыни, и отъ пустыни Таръ до пустыни Фаранъ и до горькихъ источниковъ Мерры, по волнамъ зыбучихъ песковъ, какъ по дну морскому, тридцать лунъ тянулся уже ихъ путь, долгій и причудливый какъ гремучія кольца змѣи жизни, обманчивой чередою дней извивающіеся изъ будущаго въ прошедшее.

3.

И дни ихъ были смутны и надломлены, и души ихъ подавлены тревогой. Короткими ночами покоя, когда отдаленное рыканіе льва громовыми отзвуками тяжко рокотало надъ лунно замороженною пустыней, и длинныя косыя тѣни въ холодномъ серебрѣ лучей трепетно дрожали на утоптанномъ пескѣ обезлюдѣвшихъ проходовъ стана, шорохъ поцѣлуевъ и томно гортанные лепеты ложа у шатровъ новобрачныхъ вдругъ

пугающе прерывались изступленными воплями окутавшего сонную душу неистоваго бреда и дремнаго, жалко безпомощнаго отчаянія.

И черная высохшая костлявая рука старухи съ пустою посудиною изъ подъ опротивѣвшей манны, не разъ желтыми кулаками своими поси-нѣло грозилась по направленію къ головѣ стана, туда гдѣ маяча своимъ расписнымъ верхомъ, лицомъ къ Востоку сѣрѣлъ въ туманѣ шатерь Пророка и Вождя.

— У—у, косноязычный, мужеубійца, самецъ вонючей эфиоплянки.

— Проклятіе, Проклятіе!

4.

Раздѣли передъ собою море, о Вождь народа, и проведи ихъ черезъ него и поставь бездны на пути ихъ зыбкою стѣною.

Разсѣки имъ камень въ пустынѣ и напои ихъ водою, какъ изъ колодца.

Прикрой ихъ мракомъ отъ враговъ и огнемъ освѣти имъ ночь, чтобы итти имъ и днемъ и ночью.

И — будетъ все-таки роптать на тебя твой народъ, дитя колыбели съ руками палача, жужжащее насѣкомое площадей, то просторомъ дѣяній своихъ обгоняющее событія и вѣка, то тысячею ногъ своихъ плетушееся медленнѣе черепахи...

Накорми его лакомымъ и ударь строптиваго бичемъ, и общай все золото морей въ пояса его и звѣзду утреннюю на запястья его женъ и украшенія его жилища.

Тогда превознесетъ тебя передъ своими шатрами. И — вновь проклянетъ, когда пройдутъ забава и насыщеніе.

Одежда ихъ не ветшала, и стопа ноги не пухла у нихъ во всѣ дни скитанія.

Невѣдомый шелъ передъ ними днемъ въ столпѣ облачномъ, указывая путь, а ночью въ столпѣ огненномъ, освѣщая имъ опасности ночлега.

Въ Святая Святыхъ переноснаго святилища, изъ обложенныхъ золотомъ шестовъ и брусевъ драгоцѣннаго дерева *Ситтимъ*, за четверною завѣсою изъ цвѣтной червленой шерсти и крученаго виссона, два золотыхъ, огненно строгихъ Херувима стояли передъ Нимъ, стоокими крыльями своими осѣняя Тайну и сторожа Вѣщій шорохъ благоговѣйно чуднаго Нечеловѣческаго Присутствія.

Тамъ, въ таинственномъ сумракѣ между ними въ солнцѣ вихряшагося огня лицомъ къ лицу открывался и говорилъ Вождю народа Незримо Находящійся среди войска.

Холодными зорями утра мучнистая манна росю падала около стана и была на желтомъ лицѣ пустыни, какъ иней изморози на землѣ, бѣлая какъ пшено съ медомъ.

Вѣтеръ пустыни принесь отъ моря стаи перепеловъ и скопищемъ на два дня пути шириной бросилъ ихъ на землю около стана.

Не было воды, — и горячая скала утесовъ источила имъ ледяныя струи.

А они не вѣрили надеждѣ своей и роптали и плакали у входа шатровъ:

— Кто накормитъ насъ мясомъ?

— Гдѣ рыба и дыни и лукъ и рѣпчатый лукъ, который даромъ ѣли мы въ землѣ Египетской?

— О если-бы умерли мы, какъ и отцы наши въ Египтѣ!

ГЛАВА 2.

Огромныя и трепетно близкія въ горней синевѣ, засвѣтили огни свои вѣчно искрящіяся лампы Неба.

И семиокая Асъ¹⁾, какъ изломно-хвостная вздыбившаяся телица, величаво вывела за собою на бездонно голубѣющія луга Тверди необозримая стада созвѣздій...

Какъ сверкающая, пѣнно сѣдая прядь виссона, отъ края и до края звѣздной Ризы Бога, трепетно мерцающая, прихотливо извилась туманная Рѣка Міровъ. И приковывающе яркая Кесиль²⁾, неподвижный стражъ и факель закатнаго неба, тихо струила надъ истомною землею свои переливы.

Лаяли гдѣ-то вдали шакалы. Остророгій, ущербный серпъ, косою щелью занявшійся у края пустыни, заревно поднялъ надъ иглистыми громадами утесовъ пепельныя волокна узорчатой свѣто-тѣни.

Утихъ гомонъ народа шумящаго и торжищный крикъ въ станѣ и ревъ и бляеніе скота. И облегчающее дуновеніе прохлады кротко простерло легкокрылыя грезы свои надъ раскаленною пустыней и надъ клочущимися страстями людскими.

Всеутѣшитель сонъ, пушистый и благодостный, принялъ смятенныя дремы ихъ въ свое очарованное лоно.

Мохнатыми крыльями услады повлекъ—повлекъ онъ души ихъ по глубокимъ—глубокимъ и причудливымъ заводямъ ночной дремы.

По неизвѣданнымъ мірамъ и высямъ скитаній духа, по неизрѣченно жуткимъ омутамъ потусто-

1) Б. Медвѣдица.

2) Сириусъ.

роняго бытія вещей, откуда, неясною дверью воспоминаній и предчувствій властно стучатся въ сердце наше смутные силуэты ожидающаго насъ, еще не рожденнаго будущаго.

На зыбкой и страшной грани коснаго, земнаго и вещественнаго бытія тѣлѣ и призрачнаго, невѣдомо сокрытаго бытія Образовъ благостно поставленъ Всевышнимъ таинственный сумракъ соннаго полумогильнаго покоя.

Ибо засыпаетъ человѣкъ такъ же, какъ умираетъ и какъ онъ рождается—не ощутивъ страшнаго порога грани и открывая очи свои въ новомъ образѣ существованія.

Такъ ловець тирскаго пурпура съ камнемъ у ноги стремительно бросается въ глубь морскую на утлой веревкѣ. И изъ сверкающаго міра солнца и шумовъ гавани въ одинъ мигъ вдругъ видитъ себя глубоко подъ волной въ беззвучной грезѣ застывшей воды и въ желтомъ и голубомъ призрачномъ безмолвіи тѣней поддоннаго царства.

Благословенъ братъ и предтеча перевоплощеній благостный сонъ.

Счастьемъ забвенія подъемлетъ онъ души наши на мгlistыхъ тропахъ Ночи и Оцѣпененія, когда временно умершее тѣло перестаетъ быть привычнымъ орудіемъ Живущаго въ насъ, пока не пробудится спящій и не вернется теплота жизни въ оставленное обиталище свое, въ утлый мѣшокъ изъ костей и мышцъ.

Освобожденная узница душа, плѣнникъ грубой матеріи тѣла, снова привольно впиваетъ тогда въ себя прежніе образы свои—струи безчисленныхъ жизней, какимъ жила она на иныхъ земляхъ и въ мірахъ иныхъ, въ планахъ иного существованія, какою была она до послѣдняго рожденія своего въ тѣло, носящее ее теперь, какъ зерно масличное носитьъ душу маслины.

Ибо листьямъ на древѣ подобны быстролетные дни людскіе, сны жизни души въ переходящихъ и жадныхъ вмѣстилищахъ тѣлѣ, въ печаляхъ земного боренія.

Приходятъ и уходятъ, какъ одѣяніе листвы. Стебель-же духа, выросшій изъ Вѣчности, пребываетъ вѣчно.

Подобно ущербной лунѣ уходятъ и снова возвращаются на землю и отошедшія поколѣнія смертныхъ.

Проходятъ тмы и тысячи вѣковъ, какъ капли падающія съ потолка пещеры.

Все въ мірѣ повторяется, — въ Великомъ кольцѣ Превращеній возвращаются событія и дѣянія племенъ, повторяются вѣка, люди, звѣри, камни и растенія.

Все что дѣлаетъ Богъ, пребываетъ во вѣкѣ.

Что было, то и теперь есть, и что будетъ, то уже было. И Богъ воззоветъ прошедшее.

На грани повторяющихся круговъ Бытія поставлено Благостнымъ дремное очарованіе сна. И росами звѣздныхъ путей зоветъ онъ отъ ранъ жизни наше сердце...

2.

Прерывисто спали они подъ шатрами стана и странны были грезы ихъ на грани невѣдомаго будущаго.

Храбрымъ и молодымъ снились коричневая поля Египта и вѣчныя пирамиды съ усыпальницами царей, и толпы невольниковъ плѣнныхъ, и работы для дѣланія кирпича. И вотъ наложено на нихъ отъ царя чужихъ то-же урочное число кирпичей, а соломы для нихъ не даютъ имъ. Раз-

сѣялись они по всей Египетской собирать жниво вмѣсто соломы. И не находятъ, и бьютъ ихъ, рабовъ окованныхъ, надсмотрщики. И смѣется надъ жалобщиками чужой царь говоря:

— „Праздны вы, праздны. Работайте, работайте“.

Пробуждались съ крикомъ. И увидя полотнище шатерное и дальнія звѣзды пустыни надъ собою трепетно шептали:

— Благословенъ Господь, который избавилъ насъ изъ печи Египта.

А малодушнымъ и слабымъ, послѣднимъ оцѣпенѣлымъ ужасомъ кошмара чудились грозные башни городовъ Амморейскихъ и дымящіяся человѣческой кровью бронзовые мечи великановъ Рефаимовъ, вождей и воителей ихъ ростомъ до девяти локтей, передъ которыми они, какъ саранча. И вотъ содрогаясь видятъ они очами души трупы свои, терзаемые хищниками на равнинѣ пораженія. И женъ, уведенныхъ силой на ложе враговъ. И дѣтей своихъ, разбитыхъ головою о камень.

И просыпались въ поту и, стена и трясясь, вопіяли со слезами:

— Зачѣмъ, о зачѣмъ вывелъ Онъ насъ въ пустыню на истребленіе мечами Аммореевъ.

— О если бы умереть намъ спокойно съ отцами нашими въ Египтѣ!

Вдругъ вскочили они въ ночи — и храбрые и слабые — и сѣли на подстилахъ и пытали молчаніе ночи, изумленно прислушиваясь:

Высокій и чистый звукъ вибрирующаго металла родился вдругъ подъ искрящимися звѣздами.

У воротъ стана четкою серебрянною трелью призыва прозвенѣла труба.

Но вотъ въ тяжелое и мѣрное серебро призыва, словно тысячею молотящихъ билъ, оглу-

шающее ворвалась вдругъ, лихорадочно нарастая, рѣзкая неистовая поднимающая мѣдь тревоги:

— Къ оружію!

— Возстань возстань на битву, народъ Изгнанія.

Мечемъ, мечемъ препоясай рамена и крѣпкою стопой вступай на слѣдъ Обѣтованія. Воздвигайте знамена, снимайте станы!

Движеніе, движеніе!...

Красные блески огней, топоты тревоги, женскій вопль и крикъ воинскій, слезы дѣтей и бляніе стадъ вихремъ шумовъ повисли надъ станомъ.

Народъ бѣжалъ, полуодѣтый съ постелей своихъ еще подъ смутною властью сна.

Трубная мѣдь росла.

Уже не одна серебряная труба вождя, а цѣлыя тысячи ревушихъ жерлъ, цѣлое мѣдное море звуковъ, потрясая низвергалось, на гулкія скалы.

Сотни и сотни трубъ сотрясали небо.

Словно кто-то — огромный и злопровидящій — запертый въ мѣдномъ жерлѣ, буйно празднуетъ освобожденіе свое на волю и ликуя бросаетъ землѣ и небу дерзостный смѣхъ свой.

— Хо-хо! Хо-хо-хо! Охо-хо ... уу ... уу, у.

3.

Двѣ серебряныхъ трубы сдѣлалъ себѣ Пророкъ, чтобы онѣ служили ему для созыва народа и для снятія становъ въ путь.

По трубѣ Пророка трубили въ трубы священники и служители жертвъ и носители скинии.

Когда трубили призывъ, собирались всѣ двѣнадцать братскихъ народовъ ко входу скинии.

А тревогу трубили для снятія становъ по заведенному порядку.

И вотъ, — трубы трубили призывъ и тревогу одновременно, ночью, среди глубокаго сна.

Собрались всѣ къ входу скинии, смутные и недоумѣвающие.

ГЛАВА 3.

Обувь на ногахъ ихъ была ветхая съ запла-
тами и одежда худая, изорванная въ пути
и въ опасныхъ скитаніяхъ среди Аммореевъ.

Дорожные мѣшки ихъ истерлись, и ремни
треснули и надломились.

Черный опаль солнца и дорожная пыль тѣнью
лежала на суровыхъ заросшихъ лицахъ.

Мѣрною поступью вышли они передъ сон-
мищемъ.

Ихъ было двѣнадцать, — двѣнадцать суровыхъ
мужей, посланныхъ каждый отъ своего народа.

Двое, сгибаясь подъ тяжестью, плечами своими
несли на шестѣ наливно янтарную виноградную
гроздь, мѣрю больше роста человѣка, огромную
и плотно округлую, какъ тирская ваза.

Исусъ, сынъ Навина, оруженосецъ Пророка
невысокій и сдержанный, въ мѣдной бронѣ, ясно
обозначившейся подъ складками плаща и Халевъ,
сынъ Іеффоніи, голубоглазый и бѣлокурый поры-
вистый гигантъ шли сзади всѣхъ.

Не было никого во всемъ войскѣ разумнѣе и
мужественнѣе ихъ, а Халевъ отъ плечъ своихъ
былъ выше всего народа.

Ущербная луна холодными, округло желтова-
тыми бликами звенѣла на утопанномъ пескѣ
сонмища, и въ прозрачномъ, точно дневномъ су-
мракѣ ночи отчетлива видна была каждая пес-
чинка.

Двѣнадцать соглядатаевъ поклонились народу.

Лѣсъ протянутыхъ рукъ качнулся и прошумѣлъ, и точно тяжелымъ всплескомъ волны откликнулось необозримое, тѣсно сгрудившееся человѣческое море:

— А — а, а — ахъ...

2.

Въ пышной и раззолоченной толпѣ священниковъ и князей стоялъ онъ передъ народомъ простоволосый, въ худомъ старенькомъ плащѣ поверхъ сѣраго стяжного хитона, препоясаннаго грубымъ верблюжьимъ ремнемъ.

Не было на немъ ни среброоправленнаго кидара Помазанія, ни голубого наперсника съ 12-ю драгоценными ониксами по числу народовъ, ни золотыхъ яблокъ ни колоколецъ первосвященника у дольняго края ризы.

Но блики сіянія и черезъ покрывало лица словно лучились надъ челомъ Пророка.

Медленно простеръ онъ надъ сонмищемъ, свою руку и въ окаменѣвшей чуткой тишинѣ сказалъ народу:

— Дѣти Изгнанія. Нынѣ пришли вы къ порогу земли Обѣтованной, которую Господь даетъ въ наши руки.

Иди и возьми ее, какъ говоритъ заповѣдь отцовъ.

Но не бойся и не падай сердцемъ. Будетъ правда ваша вмѣстѣ съ вами сражаться противъ насильниковъ, и увидите Возмездіе, какъ это было во всѣ эти дни передъ вашими глазами.

„Изгнанники людей, вы станете великимъ народомъ. И прогонитъ передъ лицомъ вашимъ всѣ полчища Аммореевъ и истребитъ насильниковъ, отнявшихъ у васъ наслѣдіе предковъ и оскорбившихъ міръ безуміемъ злодѣйства. И введетъ тебя въ землю, въ которой безъ скудости будешь ѣсть хлѣбъ твой.

„Мечемъ обрѣтешь ты снова и мѣсто подъ солнцемъ, и тронъ блистающій среди народовъ земли, заушающихъ тебя нынѣ на тропѣ твоего изгнанія,—если пребудешь вѣрнымъ закону Свободы и не разслабишь сердца своего какъ рабъ“.

... Запахомъ цвѣтущихъ травъ и свѣже вспаханной росистой земли потянуло откуда-то съ пронесшимся дуновеніемъ вѣтра.

Она была гдѣ-то тутъ совсѣмъ близко, эта таинственная страна надеждъ, чувственно осязаемая и волнуемая, какъ спящая женщина.

И они впивали уже въ себя ея запахъ.

Сотни тысячъ людей впервые, всѣмъ существомъ своимъ, поняли что часъ судьбы ихъ насталъ.

— Аа-ахъ,—точно вздохнуло гулкимъ всплескомъ человѣческое море.

Неясная тоска и страхъ передъ будущимъ вселились въ долгихъ страстныхъ надорванно восторженныхъ крикахъ:

— Обѣтованіе, Обѣтованіе!

А Пророкъ говорилъ:

„Сорокъ дней назадъ вы сказали мнѣ: пошлемъ передъ собой соглядатаевъ, чтобы они высмотрѣли намъ землю и принесли отвѣтъ о землѣ той, какова она и народъ живущій на ней: силенъ онъ или слабъ.

„Слово это понравилось мнѣ, и я взялъ отъ васъ двѣнадцать мужей по одному человѣку отъ cadaго колѣна и сказалъ имъ: идите, будьте смѣлы и возьмите отъ плодовъ земли.

„И они пошли и высмотрѣли землю всю отъ полудня ея до полуночи. И вотъ — они, двѣнадцать, и плоды земли вашей передъ вами.

„Помни-же и не забудь, народъ:

Обѣтованіе твое въ рукахъ твоихъ.

„Но если разслабите сердце ваше и забудете Вышняго своего, и могилы отцовъ, если пойдешь въ слѣдъ боговъ иныхъ, чтобы служить имъ и раболѣпствовать насильникамъ, то Богомъ свидѣтельствуюсь, что сегодня еще погибнете“.

Снова какъ будто плескъ валовъ прокатился по чернѣющему человѣческому морю, и необозримый лѣсъ поднятыхъ клятвенно рукъ скрещивающихся тѣнями выросъ у подножія скинии:

— Да будетъ такъ, да будетъ такъ.

3.

Тогда выступили десять соглядатаевъ и сказали: — Мы ходили въ землю, въ которую вы посылали насъ.

„Сорокъ дней и сорокъ ночей осматривали мы ее отъ полудня до полуночи и отъ пустыни Синь до Хеврона“.

„Мы прошли и видѣли ее всю отъ полудня до полуночи и срѣзали тамъ въ долинѣ вотъ эту виноградную вѣтвь съ одной гроздью ягодъ и и едва понесли ее на шестѣ двое; взяли также гранатовыхъ яблокъ и смоквъ.

„Вотъ они здѣсь передъ вами.

„Поистинѣ, это земля, текущая молокомъ и медомъ“.

„Но силенъ и непобѣдимъ народъ, живущій въ ней, народъ насильникъ, губитель и волкъ жизней нашихъ, возсѣвшій повелителемъ въ крѣпкихъ и обширныхъ городахъ.

„Еще видѣли мы тамъ среди властителей ихъ и великановъ Рафаимовъ, изъ исполинскаго рода, желѣзныхъ людей изъ страны желѣза, ростомъ до девяти локтей, съ мечами длинотѣнными, которые выступаютъ во главѣ войскъ и направляютъ ихъ вращающія серпами боевыя колесницы...

„Не можемъ мы итти противъ народа этого, потому что онъ сильнѣе насъ.

4.

Долгое бѣненіе сердца, недвижно стояли сонмы народа, не вѣря ушамъ своимъ, оцѣпѣныя какъ соляные столпы.

Но потомъ точно обрушилось небо.

— Обманули!

— Пропали мы пропали!

— Всѣхъ, всѣхъ побьютъ мечомъ!

— Куда пойдѣмъ!

— Горе намъ, горе!

Крикъ и стenanіе, ропотъ и плачь, какъ вихрь нестройными языками шумовъ вздыбилась надъ толпами.

Плакали очи народа о Надеждѣ своей и черезъ сердце ихъ прошло остріе отчаянія.

Огни небесъ поблѣднѣли передъ зарею и занялись первыя сѣрыя тѣни дня, столь похожія на тѣни смерти.

А они били себя въ грудь и рыдая кликали проклятія на вождей своихъ:

— О если бы умерли мы въ землѣ Египетской, или умерли бы въ пустынь!

— Зачѣмъ вы ведете насъ въ эту землю проклятія?

— Жены наши и дѣти достанутся въ добычу врагамъ.

— Какъ слѣпыхъ обманули насъ лакомствомъ Обѣтованія!

— Нѣтъ у насъ Бога, нѣтъ родины!

— Рабами родились и рабами умремъ, нишіе среди народовъ.

И кричали другъ другу:

— Поставимъ себѣ новаго начальника и возвратимся въ Египеть!

5.

Его покрывало упало къ ногамъ, и длинная сѣдая старческая борода тряслась и ходила зыбучею дрожью. Копнистая львиная грива сѣдинъ въ гнѣвѣ дыбомъ поднялась надъ мощнымъ лбомъ, и въ своемъ грозно раздуваемомъ пожарѣ лучей онъ сталъ похожъ на изображеніе Предвѣчнаго Гнѣва, молніей поражающаго возставшее Зло.

Сверкающимъ движеніемъ руки разорвалъ Пророкъ на шерстистой груди одежду свою и, всплеснувъ руками, молча упалъ лицомъ въ песокъ. И слѣдомъ за нимъ упали на лица свои и Исусъ и Халевъ, и князья, и священники и служители скинии.

Передъ бушующимъ народомъ высоко воздѣлъ Пророкъ руки къ небу и воззвалъ громовымъ голосомъ, оглушающе мощнымъ и неожиданнымъ въ столь хиломъ и слабомъ старческомъ тѣлѣ:

— О Боже, Боже!

— Отврати пламенный гнѣвъ Твой и отними смертную кару народа этого, слабого сердцемъ и упрямаго, какъ онагръ.

„Да не скажутъ и не посмѣются иноплеменники: на погибель Онъ вывелъ ихъ въ пустыню, чтобы истребить въ пескахъ.“

„Знайте же маловѣрные, что Господь Богъ Твой, Богъ сраженій идетъ передъ тобою, какъ необоримый огонь.

„Если-же не слушаешься нынѣ и пресмыкаешься какъ червь, то вотъ пришли на тебя всѣ проклятія, ужасы и несчастія:

„Мольбой передъ насильниками не спасешь себя и униженіемъ не вымолишь пощады для жизни своей.

„Предасть тебя нынѣ Господь на поражение врагамъ твоимъ: однимъ путемъ побѣдишь ты отъ нихъ, и семью путями они тебя настигнутъ.

„И будутъ трупы твои пищею птицамъ и хищнымъ звѣрямъ, и не будетъ отгоняющихъ.

Передніе ряды упали на колѣни, потрясенные громовымъ голосомъ и гнѣвнымъ ликомъ Пророка.

Но заднія толпы, куда только что докатилась отравленная зыбь паники, словно обезумѣли отъ горя и отчаянія.

— Новаго, новаго Пророка!

— Вернемся въ Египеть!

— Побить камнями!

Люди кричали и бѣсновались и напирали на переднихъ и на Пророка и священниковъ, стоявшихъ у входа въ Скинію.

6.

Тщетно спокойный и твердый Иисусъ, мудрейшій изъ осматривавшихъ, старался успокоить народъ словомъ разума и убѣжденія.

Его голосъ тонулъ въ торжищѣ смятенія, и не хотѣла никого слушать неистовствовавшая толпа, кто не сказалъ бы ей того, чего она хотѣла.

Тогда гигантъ Халевъ, высшій плечами надъ

всѣмъ соборимъ, вдругъ разорвалъ на груди одежды свои и, приставивъ къ сердцу обнаженный мечъ, какъ бы желая убить себя, сталъ знаками требовать у народа вниманія или смерти.

— Халевъ хочетъ говорить, Халевъ!

— Смотрите, смотрите: онъ пронзитъ себя мечемъ!

— Тише, молчите, слушайте, безумные!

— Что можетъ быть добраго отъ буйвола!

— Слушайте, слушайте!

И произнесъ Халевъ мощнымъ голосомъ, покрывая шумъ, кидая жизнь свою какъ послѣднюю ставку своей вѣры:

„Тучна и прекрасна земля, которую мы осматривали. И поистинѣ течетъ она молокомъ и медомъ.

„Не бойтесь врага укрѣпившагося въ ней.

„Слышали они, что идете вы, — мечемъ искать Обѣтованія своего, и Господь Богъ, ведущій васъ, изсушилъ передъ вами воды моря, на пути изъ Египта, и силою своею источилъ вамъ воду изъ горючихъ скалъ. И вотъ уже ослабѣло ихъ сердце, и ни въ комъ изъ нихъ нѣтъ духа противъ васъ.

„Ибо вѣруютъ и трепещутъ, что идетъ на нихъ съ вами неправда ихъ, совершенная противъ васъ. И невинная кровь, злодѣйски пролитая передъ цѣлымъ міромъ.

„Слушайте-же братья: вы навели на нихъ ужасъ, и уже теперь не стало у нихъ защиты.

„Ударимъ быстро и легко достанутся намъ въ добычу.

„А великій ростъ и несмѣтныя полчища ихъ, — при упавшемъ сердцѣ, знайте — не защита, а лишь вѣрная обуза и гибель въ поражении и бѣгствѣ.

„Лучшее для раба — это стать свободнымъ. Или-же—умереть въ бою, и за мгновеніе Радости источить свободную душу.

„Мужи и воины, васъ призываю я и Богомъ Живымъ клянусь здѣсь передъ народомъ:

— Еще до вечера завтрашняго дня умереть Халевъ, сынъ Іеффоніи, или станемъ мы стопой надъ переправами Іордана!“

И встали храбрые и вѣрные, и кругъ сверкнувшихъ мечей сомкнулся защитой вокругъ скинии и Пророка.

А слабые и корыстные выли отъ ярости и въ бѣшеное озлобленіи вопили:

„-- Мясникъ, мясникъ! Буйволь, бегемотъ, наемникъ убійства!

— Соглядатаи, соглядатаи, пусть скажутъ еще соглядатаи!

И снова вышли тѣ-же десять и съ клятвою повторили, плача:

„— Земля эта — гибель для насъ и поглощаетъ живущихъ на ней.

„Мы — саранча передъ губителями Рефаимами, и въ одномъ десяткѣ Аммореевъ больше силы, чѣмъ во всемъ нашемъ войскѣ.

Тогда закричалъ народъ въ одинъ голосъ и разорвалъ одежды, и поколебались послѣдніе защитники Обѣтованія.

7.

Былъ нѣкто именемъ Салмай, человекъ алчный, бывший въ Египтѣ тайнымъ лазутчикомъ и много разъ скрытно ходившій изъ стана въ шатры Моавитянъ для своей выгоды и развращенія народа.

Съ наглостью вышелъ онъ впередъ и смѣялся въ лицо мятущимся:

„— Зачѣмъ вы тутъ плачете и вопите, изгнанники вмѣсто того, чтобы спасти себя какъ подобаесть мужамъ?

„Изъ ненависти къ вамъ вывелъ васъ Мстящій изъ Египта, чтобы погубить васъ въ пескахъ. Потому что вступили вы въ распрю съ Нимъ и тысячу тысячъ разъ нарушили Его заповѣди.

„Не знаете вы развѣ, что неукротимо ревнуетъ Онъ, жестокой, о высшемъ почитаніи своемъ передъ богами всего міра?

— Или мало васъ погибло отъ Его огня?

„У котловъ мяса сидитъ Египтянинъ, и въ веселии пьютъ вино свое дѣти Хамоса въ рощахъ боговъ своихъ съ женами и наложницами своими и блудницами высотъ. Вы лишь одни, голодные, скитаетесь въ пустынь и тратите лучшіе дни свои, гоняясь за признакомъ ложнаго Обѣтованія.

— „А что вамъ оно,—это пустое и голое названіе?

„Работали вѣдь и ѣли вы въ Египтѣ — и будете такъ-же ѣсть и жить вездѣ, гдѣ будетъ вамъ работа.

„Не враги вамъ и не воюютъ люди за Іорданомъ съ вами, а только съ вашими вождями и владыками.

„Враги народа — это князья его и премудрые, стригущіе и обѣдающіе народъ, какъ пастухи стригутъ шерсть и пожираютъ мясо стада.

„Довольно уже былъ ты, народъ, покорень и безотвѣтенъ, какъ глупецъ.

„Довольно золота, металловъ и драгоценныхъ камней выманили у васъ на эту ненужную Скинію обманщики первосвященникъ и Пророкъ, тучные священники, лежебоки служители и наглые князья.

„Все это вѣдь ваше.

„Побейте ихъ камнями и бери каждый себѣ, что только хочетъ душа его...

„Египеть далеко и не перейти намъ однимъ назадъ этой страшной пустыни.

„Покончимъ-же съ обманщиками и, забравъ имущество, пойдемъ за Иорданъ и передадимся Амморейамъ.

„И будете сегодня-же ѣсть жирное мясо и получите землю и счастье!..

8.

— А — ахъ!

Точно единымъ стономъ сотенъ тысячъ грудей всплеснуло и раскатилось клокочущее человѣческое море.

— Убить!

— Побить, побить ихъ камнями!

— Бѣжимъ, бѣжимъ, передадимся Амморейамъ.

Все смѣшалось въ дикомъ хаосѣ ужаса и ярости.

Но вдругъ — ослѣпительный взметъ вихрящагося огня, какъ зловѣщій изогнутый мечъ хвостатой звѣзды, до неба взвился надъ Скиніей.

И изломно-огненная стрѣла молніи сотрясающе ударила съ неба въ край пустыни.

Заколебались скалы, и Громовой Голосъ изъ пламени огня карающе возгласилъ:

„За то, что отступили отъ Закона и предали врагамъ Обѣтованіе свое.

„За то, что вы ослабѣли сердцемъ и за спасеніе жизней вашихъ оставили завѣты Великаго и Вѣчнаго обѣтованія вашего передо Мною и рабами малодушными презрѣли заповѣдь Свободы:

— Не войдете живыми въ землю, которую Я клялся дать вамъ, кромѣ Иисуса и Халева, сына Иеффонина.

„Дѣтей вашихъ, о которыхъ вы говорили, что они достанутся врагамъ, сыновей вашихъ, которые здѣсь со Мною и не знаютъ что добро и что зло, рожденныхъ отъ васъ, я введу туда, и они узнаютъ землю, которую вы презрѣли“.

„А ваши трупы падутъ въ пустынь“.

„Шатры ваши будутъ кочевать въ пустынь сорокъ лѣтъ, доколѣ не погибнутъ всѣ отступники“.

„По числу сорока дней, въ которые вы осматривали землю, вы будете нести наказаніе за грѣхъ сорокъ лѣтъ, — годъ за день, дабы вы знали, что значитъ быть оставленными Обѣтованіемъ“.

„А вы, соблазвившіе малыхъ сихъ и возмутившіе народы!“

„Лучше-бы вамъ умереть и не видѣть, какъ свершится Обѣтованіе передъ невѣрующими глазами ненавидящихъ отступниковъ Его.“

„И позавидуете мертвымъ и скажете:

„Почему не умерли мы въ пустынь“.

„Я — Господь и Мною клянуся:

„Въ пустынь горючей погибнете и всѣ перемрете!“

„Завтра обратитесь и идите назадъ въ пустыню, по дорогѣ къ Черному морю.“

Во прахѣ лежали передъ Пророкомъ всѣ ополченія народа. И плакали и молили о прощеніи.

Какъ пораженные огнемъ на мѣстѣ умерли передъ Скиніей всѣ осматривавшіе землю, кромѣ Иисуса и Халева.

А отступникъ Салмай въ смятеніи скрылся изъ стана съ наложницею своею мадіанитянкою Хазвой и всѣмъ своимъ имуществомъ.

И сказалъ Пророкъ:

— Схватите и выведите хулившаго Бога изъ стана, и всѣ, слышавшіе его, пусть побьютъ его камнями.

А вы — идите по шатрамъ своимъ и готовьтесь въ безотрадное скитаніе, скорбямъ котораго не будетъ конца!

9.

Печалились храбрые о позорѣ своемъ, и Халевъ палъ на лицо свое передъ вождемъ народа:

— Согрешили мы передъ Господомъ.

Пойдемъ и сразимся, какъ велитъ намъ сердце и остріемъ оружія возьмемъ землю отцовъ.

Богомъ живымъ клялся я сегодня передъ народомъ: до заката солнца завтра умереть, или-же стать надъ переправою Іордана.

И лучше намъ умереть въ бою, чѣмъ жить и терпѣть поношеніе.

Отвѣчалъ Пророкъ:

— Не ходите и не сражайтесь, потому что нѣтъ среди васъ Дарующаго побѣду. И напрасно падутъ въ пустынь ваши трупы.

А Іисусъ сказалъ:

— Послушаніе воинское не высшая-ли доблесть.

И отвѣтилъ Халевъ:

— Нѣтъ, лучше намъ умереть, чѣмъ перенести посрамленіе.

„Не знаютъ срама павшіе въ бою, и не однимъ послушаніемъ, но и кровью храбрыхъ открывается горнее небо...“

И разошлись по шатрамъ, потому что всего нужнѣе свободному сонъ наканунѣ битвы. И въ сосредоточеніи сердца приличествуетъ воину провести послѣдніе часы свои на этой холодной и отравленными каплями радости лишь тщетно алкающей землѣ.

И пошли за Халевомъ четыреста вооруженныхъ.

Ковчегъ-же Обѣта и Пророкъ не оставляли стана.

Ночью сорокъ тысячъ потрясенныхъ и извѣрившихся съ наложницей Салмая, Хазвой, тайно бѣжали и передались Аммореймъ.

ГЛАВА 4.

Гнѣвною тоской звучали трубы священниковъ передъ зарей, и смутныя легли первыя тѣни дня, столь похожія на тѣни смерти.

Въ сѣрыхъ сумеркахъ разсвѣта, на плоской скалѣ, выдавшейя впередъ надъ кремнистою и торною царскою дорогою къ переправамъ Иордана, зловѣще обрисовался невысокій пятнистый холмикъ щебня надъ тѣломъ схваченнаго и побитаго камнями Салмая, торопливо набросанный дрожащими руками слугителей Скинии.

Безконечною змѣей уходилъ въ даль тумана медлительный станъ изгнанія, обращаясь въ безрадостное скитаніе свое, лицомъ отъ страны своихъ надеждъ.

И плакали горько, проходя мимо покинутаго становища, зловѣще унылаго въ сѣрой свѣтотѣни утра.

Какъ пустыя, черныя впадины мертвыхъ глазницъ, мрачно зѣяли утопанные темные круги снятыхъ полотнищъ, утыканные кое-гдѣ одиноко торчащими, забытыми шестами. На поворотахъ улицъ рѣзво копошились ящерицы, и брошенные повозки, словно укоряя, воздѣвали длинныя обрубленные руки свои къ небу.

Въ одну ночь точно пескомъ распалась вчера еще кипѣвшая народная сила.

И били себя въ грудь, проходя стопою глубоко вытопанное въ песокѣ мѣсто вчерашняго своего позорища, гдѣ такъ близко и такъ далеко еще наканунѣ стояли ноги ихъ отъ своего вышага счастья и своего горькаго паденія.

— Никогда, никогда не увидимъ тебя, станъ покинутый.

— Никогда, никогда не увидимъ тебя, родина погибшая...

И вотъ уже передовые стрѣлки Аммореевъ мелькнули между повозками стана, и изъ за песчаныхъ бугровъ показались развѣдчики — занять и грабить оставленный лагерь.

А Халевъ между тѣмъ бился и наступалъ у переправы надъ Иорданомъ, и неравнымъ множествомъ выступили противъ него Аммореи.

Раной за рану платили малорослые, но проворные копейщики Халева огромнымъ и неуклюжимъ Аммореямъ.

И упорно пробивались къ рѣкѣ, и легко падали отъ руки Халева и храбрыхъ великаны — Рефаимы, предводимые гигантомъ *Оломъ*, царемъ Вассанскимъ. И нерѣшенная длилась до полудня злая сѣча.

Но вотъ донесли Халеву, что еще съ зарею отошелъ станъ изгнанія и вышелъ *Огъ*, царь Вассанскій, съ полчищами на путь отступленія его воиновъ.

Тогда отступали они, сражаясь, и какъ осы преслѣдовали ихъ Аммореи.

Но удивлялись ихъ мужеству и говорили:

— Не четыре ли сотни пришельцевъ сдѣлали это? И кто устоитъ, если двинется весь этотъ народъ?

Къ закату дня дошли, пробиваясь, люди Халева до оставленнаго своего становища и увидѣли Ога, царя Вассанскаго, въ станѣ изгнанниковъ на пиру со всѣмъ его войскомъ.

И видѣли перебѣжчиковъ, передавшихся Аммореямъ, рабами прислуживающими невѣрнымъ подъ градомъ побоевъ.

И женъ и дочерей отступниковъ, грубо ласкаемыхъ побѣдителями на глазахъ мужей и отцовъ.

И синихъ отъ холода младенцевъ, выброшенныхъ за станъ вмѣстѣ съ палымъ скотомъ.

И отвернулись они отъ низкаго дѣла и проходя мимо, отъ жестокаго стыда потупили очи.

Тогда Халевъ сказалъ:

— Какъ несчастны они, жалкіе отступники Обѣтованія...

И проходили мимо полчищъ Аммореевъ плотными рядами, плечомъ къ плечу, ошетинясь копьями, унося раненыхъ своихъ, предпочитая смерть въ бою позору рабства.

Молча стояли полки Аммореевъ, поѣдая глазами проходящихъ и не смѣя напасть.

А гигантъ Огъ, мужественный царь Вассанскій, жестомъ руки удержалъ Рефаимовъ и крикнулъ:

— Дорогу храбрымъ! Привѣтъ и уваженіе львамъ пустыни!

И обратившись къ стонавшему и корчившемуся недобитому Салмаю, надъ которымъ возились іерихонскіе врачи послѣ освобожденія его изъ груди неумѣло набросанныхъ камней, презрительно бросилъ съ высоты своего слоновьяго девяти-локтевого роста:

— Уберите прочь эту трусливую падаль!

ГЛАВА 5.

Нескончаемо долго тянулись годы. Дождь надъ Землей Обѣтованія сорокъ и сорокъ разъ приходилъ и уходилъ около начала и конца новолѣтъя, ранній и поздній.

Жатвы пшеницы и маслинъ пять семилѣтій смѣнились жатвами, и много и много разъ выступалъ и возвращался въ излучное свое ложе пограничный Иорданъ, перекадно текущій въ соленое море равнины и покрывающій берега свои во всѣ дни жатвы.

Луны и сотни лунъ свершили уже чередующійся кругъ свой надъ зловѣще-насторожившейся пустыней.

Словно въ невозвратимую бездну смерти ушла память объ изгнанникахъ, и тысячеустая вѣстница — молва не рождала никакихъ извѣстій о нихъ съ того дня, какъ летучіе пески легли на медлительный слѣдъ ихъ оборотившагося стана.

Отступникъ Салмай и сорокъ тысячъ перебѣжчиковъ сорокъ лѣтъ жили уже на равнинѣ у береговъ рѣки по обѣ стороны широкой царской дороги изъ Египта къ переправѣ черезъ Иорданъ и къ зубчатымъ укрѣпленіямъ Іерихона.

Немногихъ изъ нихъ умертвили тогда Аммореи, и послѣ первыхъ кровавыхъ дней пиршества и пьяныхъ насилій въ покинутомъ станѣ изгнанниковъ, трепещущихъ плѣнниковъ привели въ Вассанъ и поселили рабами на земляхъ воителей Рефаимовъ, съ каменныхъ башенъ своихъ стоявшихъ стражею земли на рубежѣ пустыни.

Управители сель отточеннымъ шиломъ прибили покорныя уши ихъ къ косякамъ дверей, какъ и подобаеть дѣлать рабамъ добровольнымъ, волею своею привязавшихъ себя къ точиламъ гумна.

И обложили ихъ тяжкою урочною работою, горшею и худшей надрыва Египетскаго. И не знали ни седьмого дня отдыха, ни года юбилея, наступающаго черезъ каждые семь лѣтъ, когда по Закону Предвѣчнаго отпускаются на свободу всѣ свободно-рожденные, и не дѣлаютъ никакого дѣла ни рабъ, ни наемникъ, ни волъ и ни осель.

Отняли у нихъ все иапоминающее о свободномъ человѣческомъ существованіи, о борьбѣ и отдыхѣ: и имущество, и женъ, и дѣтей, и очагъ, и даже желѣзо орудій. И за малою кузнечной починкой должны были ходить къ Аммореймъ плѣнники, чтобы не могли выковать себѣ меча или копья.

И принуждали ихъ служить богамъ, которыхъ они не знали, и возжигать куренія передъ уродливыми истуканами въ Галгалъ, и участвовать въ мерзостныхъ оргіяхъ серпоукрашенной Аштаротъ и въ кровавыя ночи человѣческихъ жертвоприношеній полнолунія...

И часто на руки ихъ капала теплая еще кровь ихъ же братьевъ, трепещущихъ жертвъ, закланныхъ передъ зарею во славу кроваваго бога Аммореевъ Хамоса.

Ко дню жатвы приходили Рефаимы, владыки ихъ, на поля со скотомъ своимъ и своими шатрами, во множествѣ, какъ саранча. Имъ и верблюдамъ ихъ не было числа, и ходили они по полямъ опустошая посѣвы. А остальное отбирали отъ нихъ и свозили въ свои укрѣпленныя башни.

И питались плѣнники хлѣбомъ изъ слезъ и пили вино тоски изъ очей и работали подъ страхомъ наказанія и смерти.

Голодные и оборванные, превращенные въ человѣческой скоть, сидѣли они у водъ Иордана и плакали,—надъ бездною своего паденія и надъ безнадежностью судьбы дѣтей.

Завидовали умершимъ и говорили:

— Ахъ зачѣмъ не умерли мы вмѣстѣ съ изгнанниками въ пустынь.

Но скрытно отъ надсмотрщиковъ надъ кудрявыми головками дѣтей шептали живую легенду Обѣтованія.

И надъ изголовьемъ скорбей заповѣдывали имъ забытыя слова Закона. И подъ покровомъ ночи писали имя Предвѣчнаго на косякахъ дверей и на воротахъ домовъ, чтобы не изгладилась съ концомъ ихъ на землѣ и неистребимая надежда избавленія и свободы...

Но скоро кончали дни свои, подорванные голодомъ и непосильною работой, такъ какъ не имѣли для себя надежды, которою и ради которой только и живетъ на землѣ человѣкъ.

2.

А измѣнникъ Салмай поставленъ былъ надсмотрщикомъ надъ рабами перебѣжчиками. И какъ приспѣшникъ Рефаимовъ одинъ имѣлъ право носить бронзовый кинжалъ и бичъ, — отличіе своего званія. Не было у него дѣтей, потому что затворилъ Богъ чрево наложницы его Хазвы съ самага дня отступничества передъ Скиніей.

Изъ подъ камней избіенія спасли его Аммореи изуродованнаго, съ вытекшимъ глазомъ, треснувшимъ черепомъ и перебитыми ногами.

Высохшій какъ пергаментъ, одноглазый и мрачный, окаменѣвъ въ своей сосредоточенной ненависти отступника, жилъ онъ съ перваго-же дня отдѣльно отъ другихъ дикимъ гонителемъ Обѣтованія и неумолимымъ доносчикомъ на

своихъ, которыхъ единственнымъ краснымъ глазомъ своимъ застигалъ онъ случайно за чтеніемъ тайныхъ свитковъ закона или за празднованіемъ дня отдыха.

— Чего вы ждете и на что надѣетесь еще, рабы рабовъ. Въ пескахъ пустыни давно погибъ народъ вашъ, и развѣяли вѣтры лживое и смрадное Обѣтованіе ваше, — порожденіе духа мести и мстительнаго изгнанническаго безсилія.

— Никогда, никогда, — слышите никогда!

— Никогда не ступитъ ногою на землю эту никто, кто не поклонится Хамосу и истуканамъ высотъ и съ покорностью не облобызаетъ не оборимую руку властителямъ Рефаимамъ, царящимъ надъ землею съ высоты стѣнъ Іерихонскихъ.

Но въ глубинѣ сердца онъ вѣрилъ и ждалъ и терзался.

Одинокій и угрюмый, какъ воронъ, безсонно скитался онъ по воздѣланной рабами перебѣжчиками землѣ. И былъ чуждъ и страшень всѣмъ, однимъ появленіемъ своимъ прекращая всякій громкій разговоръ и рѣдкій смѣхъ плѣнной молодежи.

Нескончаемо долго тянулись годы, и былъ день рабовъ, какъ день рабочаго скота, сегодня столь-же томительно тяжкій, какъ вчера, и завтра столь-же безнадежный и голодный какъ сегодня...

3.

Вдругъ — неизвѣданно откуда — мелькнули первыя, еще не ясныя извѣстія: „Загадочный народъ, питаемый росой съ неба, вновь появился у края пустыни.“

„Онъ легокъ на ходу и неукротимъ, какъ молодой барсъ. Столпъ облачный, туманный днемъ и огненный ночью, и престарѣлый вождь въ чешуйчатой мѣдной бронѣ съ грохотомъ трубъ ведутъ его передъ собою“.

Но Салмай съ дьявольской злостью издѣвался въ поляхъ надъ многозначительно шептавшими рабами:

— Не тотъ — не тѣ, — не ваши!

— Не Пророкъ. Не надѣйтесь!

Но вотъ нѣкоторое время спустя слухи стали настойчивѣе. Какая то тревога и спѣшныя лихорадочныя военныя приготовленія начались въ башняхъ надъ переправой Иордана.

— Напали на Аммореевъ по ту сторону Иордана и, истребивъ противящихся, взяли всю землю ту и разрушили кровавыя капища Хамоса и укрѣпленные города.

Но опять Салмай твердилъ рабамъ, подчиненнымъ ему:

— Это разбойники бедуины, налетчики изъ каменистой Аравіи, унесшіеся передъ мечами Рефаимовъ, какъ песокъ пустыни передъ дыханіемъ вѣтра.

Но потерялъ послѣдній сонъ и черною ночью одиноко бродилъ по дорогамъ, громко бормоча со скрежетомъ зубовъ:

— Они живы?!. Неужели, неужели?

4.

Скоро нельзя уже было скрывать правду. Сторожевые строи Рефаимовъ выступили за Иорданъ на помощь осажденному невѣдомыми заиорданскому Вассану.

И принесли тѣло мужественнаго предводителя Рефаимовъ Ога, царя Вассанскаго, на исполинскомъ желѣзномъ его одрѣ, и трупы своихъ, и громовую вѣсть о пораженіи Аммореевъ, и о паденіи всей области передъ пришельцами.

И когда блѣдный и трясущійся Салмай, со стражею полей вышелъ однажды передъ толпою роптавшихъ рабовъ и, щелкая своимъ бичемъ, потребовалъ отъ нихъ въ праздникъ исполненія урочной сверхсильной работы и по обыкновенію своему бѣшено хулилъ Обѣтованіе и Бога, плѣнники встрѣтили его камнями, избили стражей, и съ отточенными мотыками своими разсѣялись по дубравамъ крича:

— Обѣтованіе, Обѣтованіе! Живъ, живъ народъ и Богъ отцовъ!

Къ тому времени умерли уже всѣ полновозрастные, перебѣжавшіе къ Аммореемъ во дни соглядатаевъ земли. И надъ костями ихъ поднялся новый родъ, не знавшій Салмая и чистый отъ клейма отступничества.

5.

Салмай бѣжалъ и, покинутый всѣми, одиноко скитался съ женою своею, терзаемый мучительными предчувствіями Возмездія и дикими кошмарами ночи.

Повинуясь какому-то смутному влеченію, безсознательно, точно ведомый чьею-то незримою рукою, однажды пришелъ онъ на крайній рубежъ земли, у переправы Иорданской, гдѣ на вершинѣ высокаго холма кудрявый осокорь выросъ надъ трупами павшихъ въ неравной битвѣ храбрыхъ копейщиковъ Халева.

Оттуда открывался передъ нимъ во всѣ стороны неоглядимый просторъ Божьяго міра.

Малъ въ объемѣ человѣческой глазъ, но безконечное объемлетъ имъ живущее въ насъ живое зеркало Вселенной.

И какъ въ дни тѣ, во мрачной красѣ своей встали передъ отступникомъ и дымная даль пустыни, и царская дорога къ переправамъ, и поле битвы и мѣсто покинутого стана, надъ которымъ четкимъ треугольникомъ вились въ воздухѣ стервятники-сарычи. И плоская скала съ холмикомъ камней надъ извилюю лентою дороги, откуда тогда — сорокъ съ лишнимъ лѣтъ назадъ — въ послѣдній разъ ловилъ и лобызалъ онъ эту равнодушную красоту природы послѣднимъ остеклявшимъ взоромъ ведомага на казнь преступника.

И вдругъ онъ вспомнилъ все. И ненависть жгучею отравою жилъ, поднялась въ немъ къ горлу и прервался голосъ.

И топнувъ ногою, костлявымъ кулакомъ угрозилъ онъ Небу и прошепталъ, задыхаясь:

— А все-же солгалъ, солгалъ Ты, неимѣющій образа. Не будетъ Обѣтованія, не будетъ. Никогда, никогда!

Но впервые за много, много дней почувствовалъ голодь и усталость и, торопливо пожевавъ корку заплесневѣлаго хлѣба, легъ отдохнуть въ пещерѣ, выкопанной здѣсь пастухами стада, на скатѣ обращенномъ къ Иордану. И взялъ его глубокой сонъ.

Онъ спалъ весь день и всю ночь до разсвѣта. Въ дремномъ оцѣпенѣннн сна вернулось снова прошлое его юности, и вновь увидѣла душа его и станъ съ огненнымъ облакомъ на немъ, и трепетное ожиданіе соглядатаевъ, и ночь передъ

сонмищемъ отступничества подь дымными звѣздами пустыни, и преступленіе свое передь Вѣчностію, и громовой голосъ Невѣдомаго изъ молніи огня, и карающее проклятiе отступникамъ Обѣтованiя.

6.

И вдругъ, — точно почудилось ему — снова, какъ будто звенить вдали серебряная труба и гремитъ, нарастая, рѣзкая неистовая гулкая мѣдь тревоги.

Онъ вскочилъ въ ужасъ и сѣлъ, силясь встряхнуть съ себя очарованіе дрѣмы:

— Хо — хо — хо! У — у!

Высокій и чистый звукъ вибрирующаго металла опять родился вдругъ подь предразсвѣтно поблекнувшими звѣздами.

Отъ дымящагося туманами края пустыни серебряною трелью призыва звенѣла труба.

Но вотъ въ тяжелое и мѣрное серебро призыва, словно тысячею молотящихъ билъ, угрожающе ворвалась вдругъ рѣзкая неистовая мѣдь тревоги.

И вслѣдъ за нею сотни и тысячи трубъ сотрясли небо и землю.

Цѣлое мѣдное море звуковъ, потрясая воздухъ, торжественно несло къ Иордану отъ края пустыни.

Словно кто то, огромный и радостно провидящій, скованный до сихъ поръ въ мѣдномъ плѣну, свѣтло празднуетъ освобожденіе свое на волю и, ликуя, бросаетъ землѣ и небу воинственный кличъ свой:

— Хо—хо! Хо, хо, хо! У—у—у—у.

Не помня себя бросился Салмай на вершину холма и обвелъ остеклянившимся взоромъ туманные дали заката. И не повѣрилъ глазамъ:

По широкой и прямой, утоптанной медлительными верблюдами каравановъ царской дорогѣ отъ бывшаго становища къ переправамъ Иордана предшествуемый столпомъ облачнымъ, сверкая мѣдью вооруженій въ лучахъ зари, четкими прямоугольниками ополченій медленно двигался станъ Изгнанія, грозный и неотразимый, какъ потокъ.

Приближаясь, онъ замѣтно выросталъ въ размѣрахъ, и скоро можно было уже различить оружіе и людей.

Яркими лучами пылали на крышѣ Ковчега два блистающихъ золотыхъ серефима, и на разстояніи двухъ тысячъ локтей двигались за нимъ необозримые строи войска.

Нѣжные, стройныхъ движеній, тонкіе и хрупкіе воины-мальчики, пыля на солнцѣ, стремительно рвали разстояніе, съ обнаженными мечами бѣгомъ порываясь къ переправамъ завѣтной рѣки.

Дальше маяча бѣлоснѣжными ризами торжественно несли священники на рукахъ своихъ сверкающій Ковчегъ Обѣта передъ вооруженнымъ народомъ.

И впереди всѣхъ, отчетливо выдѣляясь въ небольшой группѣ сѣдыхъ копейщиковъ-стариковъ, въ ореолѣ львиной сѣдины твердою мѣрною поступью шли: невысокій, суровый вождь, въ чешуйчатой мѣдной бронѣ. И сереброкудрый исполинъ, отъ плечъ своихъ воздышающійся надъ всѣмъ войскомъ.

Далеко у рѣки, какъ черныя точки маячили передъ ними убѣгающіе сонмы развѣдчиковъ

Аммореевъ. А сзади, заволакивая пылью солнце, нестройною громадой двигались обозы, повозки и скоть.

Длинною сверкающею змѣей до краевъ неба тянулось величественное шествіе.

И знамена всѣхъ двѣнадцати братскихъ народовъ грозно рѣяли надъ войскомъ.

Все узналъ отступникъ Салмай.

И знакомый порядокъ шествія, и знамя передового стана и старыхъ копейщиковъ — бойцовъ переправы, и вождей народа, идущихъ передъ рядами.

— Горе мнѣ! Горе мнѣ! Они! Изгнанники!

— И Исусъ, и Халевъ и бойцы переправы.

И не могъ устоять на ногахъ и, ослѣвъ на землю, увидѣлъ:

Какъ только стопы ногъ священниковъ, несущихъ Ковчегъ, ступили въ струи Іордана, огромная, грозно надувшаяся рѣка, съ затопленными плавнями береговъ, точно раздѣлилась въ своемъ теченіи.

Вода, текущая сверху, заколыхалась, завертѣлась омутами, пошла назадъ и застыла высокою, точно обледѣвшюю, пѣнною стѣною. А текущая внизъ, въ соленое море равнины, истекла и изсыкла, странно обнаживъ, словно рытвину оврага, крутое и излучистое песчаное русло.

И весь народъ переходилъ по дну, какъ по суху, противъ Іерихона. Священники-же, несшіе Ковчегъ, стояли на сушѣ среди Іордана твердою ногою.

И закричалъ Салмай голосомъ не человѣческой тоски и отчаянія:

— Возмездіе! Возмездіе.

И въ бѣлой пѣнѣ изступленія какъ мертвый упалъ на руки испуганно подбѣжавшей Хазвы...

Непрístupный городъ надъ равниной Иерихонской, обведенный тройнымъ кольцомъ рововъ, грозно ушелъ въ небо уступчатыми вершинами башенъ и поясомъ мощныхъ стѣнъ, на которыхъ могли разѣхаться двѣ колесницы.

Раскаленный варъ смолы, тяжелые кедровые брусья и огромные обломки скалъ, запасенные годами, казалось ожидали сигнала обрушиться на головы осаждавшихъ.

Черною каймой, какъ потревоженные муравьи, кишѣли на стѣнахъ полки Аммореевъ. А у воротъ и башенъ застыли на стражѣ желѣзныя дружины исполиновъ — Рефаимовъ, ошетинившіяся длинными мечами.

Всѣ тринадцать владыкъ Амморейскихъ съ гаремами и награбленными сокровищами укрылись въ укрѣпленномъ городѣ.

А въ подвалахъ капищъ обреченные жрецы безъ устали закаляли гекатомбы трепещущихъ жертвъ передъ уродливыми идолами высотъ, и потоки дымящейся крови лились въ раскаленное мѣдное чрево свирѣпаго бога Хамоса.

У пришельцевъ не было ни тяжело покатыхъ подвижныхъ осадныхъ башенъ, ни серповращающихъ боевыхъ колесницъ, ни стѣнобойныхъ орудій.

И при попыткѣ штурма неотступно ждали ихъ поражение и гибель.

Салмай зналъ силу крѣпости и трепеталъ послѣднею тревогою отступника, которому нѣтъ ни прощенія, ни возврата.

Съ того страшнаго для него дня онъ не пилъ и не ѣлъ и, перенесенный Хазвой въ пещеру,

семь дней и семь ночей не отрываясь оставался недвижимъ, точно прикованный глазами къ пространству передъ стѣнами.

Онъ былъ какъ мертвый, и неистовыя боренія надежды и отчаянія въ потрясенной его душѣ вырывали изъ плотно сжатыхъ губъ страшные бредовые шопоты и проклятія:

— Дѣтей, дѣтей ихъ ведетъ Онъ въ родную землю. Сорокъ лѣтъ кочевали въ пустынѣ и вотъ опять... Рѣка передъ ними, какъ тогда море. А я... горе мнѣ. Неужели, неужели?

Такъ скрежеталъ онъ, вѣруя и проклиная. Всегда вѣруютъ и трепещутъ Возмездія отступники. И даже въ смрадной темнотѣ души гонителей, какъ непогребенный покойникъ въ домѣ, живетъ всегда укоряющая тѣнь поправленной вѣры, порождая тщетныя усилія потопить ее въ страстномъ изступленіи оргій, въ хмельномъ упоеніи злодѣйства и въ безуміи ненужныхъ жестокостей борьбы противъ преданнаго и мстящаго Закона.

Но вотъ на слѣдующее же утро увидѣлъ Салмай движеніе въ станѣ, какъ будто приготовленіе къ приступу.

Сорокъ тысячъ вооруженныхъ, двѣнадцать братскими ополченіями вышли съ зарею противъ города.

Семьдесятъ семь священниковъ, трубившихъ прямыми бронзовыми трубами, шли за ними передъ Ковчегомъ.

Сзади гремѣли и потрясали землю тысячи и тысячи трубъ.

И весь народъ, въ глубокомъ молчаніи, точно оцѣпѣннѣвъ всеми семьястами тысячъ устъ своихъ въ напряженной тишинѣ стоялъ передъ городомъ.

Вдругъ, какъ ослѣпительное средоточіе свѣта, сверкая золотыми херувимами двинулся Ковчегъ Обѣта къ городской стѣнѣ.

Кипучій варъ смолы, и камни, и туча стрѣлъ, и наготовленные кедровые брусья полетѣли въ насту-
павшихъ со стѣнъ и башенъ.

Но шествіе уклонилось, въ грозномъ безмол-
віи обошло вокругъ неприступный городъ и во-
ротилось къ стану.

И подумалъ Салмай:

— А, что, обратились назадъ безумные. Слабъ
Ты, не имѣющій никакого образа! Это вамъ не
Иорданское болото.

Такъ повторялось шесть дней подрядъ.

Безмолвіе царило надъ станомъ, какъ если-бы
было это станъ урѣзанныхъ языка или отъ рож-
денія нѣмыхъ.

На седьмой день, съ утреннею зарею въ гроз-
ной тишинѣ поднялся станъ, и всѣ — и вооружен-
ные, и народъ и священники и служители жертвъ
подошли подъ самыя стѣны до рва.

Шесть разъ обошли они городъ. На седьмомъ
кругу, по сигналу вождя, впервые послѣ семи-
дневнаго, судорожно непереносимаго молчанія
единодушный, неистовый, несказанно могучій крикъ,
всесокрушительный вопль семисотъ тысячъ гру-
дей, словно гигантскій вздохъ земли, вдругъ ра-
зорвалъ небо надъ станомъ.

И застывъ въ судорогѣ неизбывнаго ужаса,
какъ въ кошмарномъ видѣніи ночи остеклянив-
шимся глазомъ ощутилъ скорѣе, чѣмъ увидѣлъ
Салмай, какъ совершилось невозможное.

— Огромная, въ тридцать локтей толщиной
стѣна, окаймленная сверху черною кипенью
войска, вдругъ дрогнула, изогнулась, отдѣлилась
отъ угловой громады воротъ и, короткое мгно-

веніе времени постоявъ на вѣсу, точно задумалась, съ шуршащимъ грохотомъ осѣла и тяжело рухнула въ ровъ.

Солнце утра и желтая пыль въ послѣдній разъ мелькнули въ остановившемся глазу Салмая.

А затѣмъ точно раскаленный вихрь ворвался ему въ сердце, и на мгновение въ струяхъ огня мелькнулъ передъ нимъ ликъ божественно скорбный и прекрасный, какъ предразсвѣтный ликъ Денницы и Юноша съ тирсомъ и мѣдными кольцами Змія на деревянномъ шестѣ, зовущій его:

— Приди.

Безъ единого звука вынулъ Салмай свой бронзовый кинжалъ и, судорожно дернувшись, упалъ всѣмъ своимъ высохшимъ тѣломъ на его острие.

Трубы трубили.

Въ розовомъ маревѣ утра сверкающими валами черезъ сѣрый проломъ стѣны вливалось въ павшій городъ ревущее море войска.

Иисусъ и Халевъ, безстрастные, какъ Возмездіе, съ устремленными на городъ мечами стояли передъ розовѣющими въ лучахъ зари золотыми херувимами Ковчега.

Со всѣхъ сторонъ изможденные и блѣдные бѣжали къ стану толпы спасенныхъ плѣнниковъ:

— Освобожденіе, освобожденіе!

Трубы трубили.

Тысячею звонко упругихъ грудей морѣ звенящаго металла тянулось навстрѣчу разгорающемуся дню.

Вѣчное солнце въ ореолѣ звуковъ и лучей торжественно вставало надъ освобожденною землею.

И казалось, что это пламенѣющее радостью сердце народа, въ долгую ночь изгнанія сдвленное всей тягою земли, алою кровью храбрыхъ взвилось теперь въ огнекую, пылающую высь и могучими вздохами сотрясаетъ землю и небо...

ЛИЦО ЖИЗНИ.

Новелла.

„Свобода, равенство, братство
или — смерть“.

Изъ первоначальнаго проекта
эмблемы Революціи.

1.

Въ тѣ дни духъ Разрушенія и Террора вознесся надъ обезумѣвшей страной.

Разнузданная и пьяная чернь, танцуя передъ входами тюремъ, пиками и саблями постановляла приговоры арестованнымъ:

Дворянамъ, сторонникамъ короля, священникамъ, отказавшимся присягнуть революціи, подозрительнымъ, казавшимся недостаточно довольными и веселыми послѣ казни своихъ родственниковъ.

Нечеловѣческій законъ революціоннаго трибунала не оставлялъ мѣста оправданію или чувству милосердія, не позволяя даже спрашивать и призывать свидѣтелей, если публичный обвинитель заявлялъ, что у него есть противъ обвиня-

емаго фактическія или моральныя доказательства виновности.

По зарямъ, когда багровый глазъ Змѣя-солнца въ алой крови вставалъ надъ никогда не засыпающимъ міровымъ городомъ, и злобныя отъ голода женщины предмѣстій, кутаясь въ трехцвѣтныя лохмотья, толпами спѣшили къ очередямъ передъ полуразгромленными булочными и пустыми національными магазинами за парюю унцій порціоннаго хлѣба, — къ мраморному подножію бронзовой статуи Свободы со всѣхъ концовъ города мѣрно двигались мрачныя процессіи.

По выбоинамъ бревенчатой мостовой грохотали позорныя колесницы съ набитыми въ нихъ стоймя осужденными, одѣтыми въ красныя рубашки съ зловѣщимъ глубокимъ вырѣзомъ на шеѣ и коротко остриженными для эшафота волосами.

При видѣ ихъ лихорадочно запирались окна, и безлюдіе витало передъ настороженными и пугливо отгородившимися домами.

Грозная національная бритва революціи — окровавленный машинный ножъ гильотины — занесла свое лезвіе надъ всѣми восьмидесятью тремя департаментами республики, единой и нераздѣльной.

Въ Тюльери, въ большомъ помѣщеніи театра, обращенномъ въ залу дебатовъ, въ торжественной обстановкѣ засѣдалъ всемогущій конвентъ, неограниченный четырехсотголовый деспотъ, издали гипнотизировавшій царей и потрясавшій народы своимъ страшнымъ величіемъ.

Но члены его, эти неограниченные повелители и вожди всеразрушающей стихіи, на самомъ дѣлѣ были рабы, жившіе въ туманѣ и трепетѣ постоянного животнаго страха.

Въ долгихъ ночныхъ засѣданіяхъ конвента и за столомъ самого комитета Спасенія вмѣстѣ съ

ними сидѣль и ихъ странный властитель — оскаленный призракъ Революціи, давшій имъ власть убивать подь однимъ единственнымъ условіемъ:

Отмѣривать мѣру смерти одинаково всѣмъ безъ разбора, не исключая и самихъ себя.

— Кого поглотитъ революція завтра?

— Кого отправятъ завтра на роковую площадь вдругъ сговорившіеся противъ него товарищи по комитету, и вчера еще „восторженный“ и раболѣпный народъ рукоплесканіями встрѣтитъ его съ тупымъ деревяннымъ стукомъ скатившуюся голову?

— Кто кого впишетъ раньше въ этотъ смертный, постоянно готовый приговоръ?

Робеспьеръ — Дантона?

Бильо — Робеспьера?

Кто?

Кто?

2.

И къ нелѣпымъ убійствамъ присоединились тогда жестокия и бредовыя насмѣшки.

Связывали попарно нагихъ женщинъ и мужчинъ и медленно, съ хохотомъ сталкивали ихъ въ воду.

Въ лодкахъ, переполненныхъ плѣнными, женщинами и дѣтьми, пробивали днища, и онѣ тонули съ людьми, получивъ названіе республиканскихъ крестинъ и республиканскихъ свадебъ.

Въ угарѣ казней и битвъ опьяненный свободою народъ обожествилъ Безуміе.

Соборъ Парижской Богоматери объявленъ былъ храмомъ Разума.

Въ церквахъ во время торжественныхъ моленій специальные черные ящики въ формѣ змѣиной головы, изображая уста Истины, принимали анонимные доносы въ цѣляхъ общаго блага.

Экзальтированная развратная женщина, бывшая наложница герцога Шатрского, полунагая, съ голубымъ плащомъ черезъ плечо и въ красномъ фригійскомъ колпакѣ Революціи на распущенныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, шествуя на рукахъ толпы, кощунственно изображала собой богиню Разума.

И, предтечествуя ей, ликующая буйная толпа несла впереди на пикахъ головы, бюстъ учителя убійствъ Марата и символическія изображенія орудій террора.

Надъ застывшимъ въ судорогахъ ненависти міромъ уродливый призракъ Революціи простеръ, угрожая, свою косу. И предъисторическая власть Звѣринаго легла надъ обезумѣвшею землею...

3.

Былъ конецъ Преріала, когда хлѣбъ достигъ небывалой цѣны, и запасы предыдущаго скуднаго урожая истощились.

Огромный міровой городъ, логово Смерти и Бунта, словно чудовищный вередъ на тѣлѣ лихорадящей страны, своими 600.000 ртовъ паразита тщетно изсушалъ все вокругъ себя на сорокъ лье кругомъ, съѣдая въ одинъ мѣсяць годовой доходъ государства.

Но самъ оставался худъ и тощъ, и только кровь и предсмертныя судороги подбрасываемыхъ на гильотинѣ обезглавленныхъ тѣлъ короткимъ и отвратительнымъ похмельемъ притупляли ему голодь.

Слащавый садистъ Робеспьеръ, заподозрѣнный въ намѣреніи захватить диктатуру, усиленіемъ террора старался доказать свою преданность революціи.

И люди въ пыльныхъ и накаленныхъ каменныхъ коридорахъ застывшаго города, казалось, точно утратили чувства, отличающія человѣка отъ предназначеннаго зарѣзу домашняго скота.

Ни долга, ни любви, ни вѣрности, ни человѣческаго „я“ не существовало подъ кованымъ гнетомъ тираніи, казавшейся вѣчной и неотвратимой, какъ Рокъ.

4.

Половина депутатовъ конвента не ночевала дома изъ страха попасть въ тюрьму, откуда уже не было возврата.

Но у тоненькой Люси де Бриенъ, бывшей маркизы и супруги роялиста, сражавшагося въ дальней Вандеѣ подъ знаменемъ Богородицы и короля, какъ разъ въ эти дни случилась бѣда, заставившая ее зайти на короткое время въ свой бывший отель, гдѣ они жили съ мужемъ до его отъѣзда.

Родъ маркизовъ де Бриенъ издавна былъ наследственнымъ пріоромъ подгороднаго и древняго монастыря кордельеровъ.

Послѣ казни короля монахи разбѣжались, и дряхлый привратникъ, вскорѣ потомъ пропавшій безъ вѣсти, указалъ маркизѣ тайникъ, въ которомъ она уже полгода назадъ укрыла себя и своихъ дѣтей, шестилѣтняго маленькаго Гюи и двухлѣтнюю Иветту.

Это была узкая и сводчатая комната въ толщѣ непреодолимыхъ стѣнъ, вся заставленная полусѣденными мышами тяжелыми старинными фоліантами въ кожаныхъ тисненыхъ переплетахъ и увѣшанная по стѣнамъ древнимъ рыцарскимъ оружіемъ.

Длинный и извилистый коридоръ въ стѣнѣ заканчивался массивной желѣзной дверью въ глухомъ переулкѣ.

Это былъ единственный входъ въ тайникъ.

Для свѣта и воздуха узкій ромбъ окна — рѣшетчатого, съ мѣднымъ переплетомъ толстыхъ и круглыхъ цвѣтныхъ стеколъ — былъ искусно выведенъ куда-то въ дальній притворъ храма.

Рядомъ находилась небольшая, уставленная странной формы сосудами лабораторія съ маленькой аптечной муравленой плитой и валикомъ для ведра надъ узкимъ горломъ колодца.

Оттуда слышалось говорливое и мѣрное журчаніе ключа.

А въ полу, прикрытый легкимъ на шеколдѣ люкомъ, открывался ступенчатый входъ въ темный погребъ. Тамъ грудями навалены были мшистыя бочки стараго монастырскаго вина, пузырчатая бутылки крѣпкаго зеленого „Charterreuse“, а вдоль стѣнъ зашитыя наглухо въ полотняные мѣшки подвѣшены были окорока ветчины и цѣлые прокопченные бока оленей.

Туть уже полгода жила молодая маркиза.

5.

Давно съ вѣрнымъ и старымъ дворецкимъ она послала мужу въ армію графа Артуа извѣстіе о мѣстонахожденіи своемъ и дѣтей, приложивъ маленькій тройной итальянскій ключъ, безъ котораго нельзя было ни отпереть ни сломать заграждающую входъ въ тайникъ чугунную толщу двери.

Но какъ разъ въ это время у Гюи и Иветты изнашилось послѣднее бѣлье.

Тоненькая, бѣлокурая Люси, игрушечныя крошки-ручки которой въ свое время были предметомъ всеобщаго восхищенія, тщетно перешивала имъ свое и сутками стирала изъ всѣхъ силъ.

Мыла не было, и у дѣтей появились насѣ-

комья. Крошка Иветта еще кое-какъ спала съ трогательной покорностью ангела.

Но Гюи — маленькій Гюи, какъ его звали въ отличіе отъ отца, носившаго то же имя, упрямый и требовательный, вылитый портретъ отца и любимецъ матери, ни о чемъ не хотѣлъ слушать, подпрыгивалъ и кричалъ, требуя у матери свѣжей рубашки.

И тогда одѣтая въ грубые башмаки и простое платье поденщицы, выждавъ вечера, маркиза рѣшилась заглянуть за бѣльемъ въ свое опустошенное и брошенное бывшее жилище.

Она благополучно добралась до своего отеля.

Но не прошло и часу, какъ въ комнату ввалилась толпа мрачныхъ, нечесанныхъ и немыхъ длинноволосыхъ оборванцевъ въ красныхъ революціонныхъ колпакахъ и съ сверкающими пиками.

Люси арестовали, и прежде чѣмъ она могла рѣшиться, какъ поступить съ ключомъ и дѣтьми, обреченными на голодную смерть въ темнотѣ недоступнаго тайника, ей связали руки и не обидевъ съ грубыми толчками и пѣснями повели въ засѣданіе революціоннаго трибунала.

6.

Юльскій день разгорался душный, и веселые желтые солнечные зайчики улыбкой дрожали на строгомъ и прекрасномъ лицѣ бронзовой женщины въ античномъ одѣяніи и фригійской шапкѣ, точно задумавшейся на мраморномъ пьедесталѣ надъ площадью Революціи.

Это была статуя Свободы.

Свобода, свобода! Сколько преступленій совершилось во имя твое.

У ея подножія, въ центрѣ площади былъ устроенъ высокій и далеко видный, о десяти досчатыхъ ступенькахъ эшафотъ.

Въ углу помоста, чернѣя надъ переполнившимся площадъ гудящимъ моремъ толпы и штыками разставленнаго войска, четко возвышалась гильотина—два столба, между которыми блесѣлъ тупо-уродливыхъ очертаній сверкающій ножъ.

Лѣтний, не дававшій прохлады утренній вѣтерокъ чуть-чуть шевелилъ пыльную листву со-сѣдняго парка.

Черный фургонъ осужденныхъ, лѣтливо везомый парюю коммунальныхъ клячь, съ трудомъ прокладывалъ себѣ дорогу среди угрюмо молчавшей толпы.

Ни крика, ни возгласа.

Глухой и неразличимый ропоть, точно негодующій прибой моря, пробѣгалъ по колышавшейся нивѣ головъ.

Въ рѣшетчатомъ пространствѣ телѣги, набитомъ людьми, стояли бокъ-о-бокъ лица самыхъ разнообразныхъ званій и состояній.

Тутъ былъ и революціонный генераль, проигравшій сраженіе, и сѣденкій инвалидъ—кавалеръ ордена святого Людовика, и прачка, получившая смерть за стирку бѣлья на роялистовъ, и веселая и грѣшная вѣнка, посѣщавшая Палэ-рояль въ качествѣ гризетки.

Люси ничего не видѣла и не слышала.

7.

Съ того момента, какъ ея арестовали, она поняла, что погибла, и о себѣ уже болѣе не думала.

Всю силу своей любви, всю теплоту чувства матери она вложила въ мысль о дѣтяхъ.

Ихъ ожидаетъ смерть.

Запертыя въ свою крѣпкую тюрьму они не найдутъ ни питья, ни ѣды и погибнуть отъ голода, тихія и покорныя, какъ покинутыя птенцы.

— Гюи? Гдѣ онъ? Мужъ — „большой Гюи“, какъ она его называла. Безъ него все равно никто не найдетъ входа въ этотъ мертвый тайникъ, о которомъ, кромѣ пропавшаго безъ вѣсти привратника, знаютъ только они двое на свѣтѣ.

Въ тюрьмѣ она сдѣлала попытку заговорить о своей невыносимой мукѣ съ женщинами, содержащимися въ той же камерѣ. Но это были чужія и совершенно обезумѣвшія созданія, всецѣло охваченныя животнымъ ужасомъ смерти или — какъ это ни странно — занятая игрою въ любовь, процвѣтавшею въ эти дни тамъ же, въ тюрьмѣ.

Никто въ цѣломъ городѣ не могъ помочь Люси и ея дѣтямъ.

Терзаемая этой нечеловѣческой мукой она разсѣянно выслушала приговоръ и безъ сна просидѣла всю послѣднюю ночь передъ казнью, думая объ одномъ:

— Ключъ. Кому передать ключъ и тайну?

Лишь передъ разсвѣтомъ сошло въ ея надломленную душу короткое и сладкое забвеніе.

Ей точно въ полузабытьѣ явилась эта столь хорошо и страшно знакомая потайная каморка.

Вотъ на двухъ продавленныхъ креслахъ спитъ чернокудрый розовый маленькій Гюи. Брови его нахмурены, онъ по обыкновенію недоволенъ и жаркими губами шепчетъ сквозь сонъ:

— Мама! Когда же ты, мама? Рубашку!..

А на лицѣ спящей Иветты — безмятежная и кроткая улыбка ангела, столь напоминающая Люси.

— Ты скоро придешь, моя мама?

Ощущая во всемъ тѣлѣ какую-то странную легкость, Люси летитъ высоко по воздуху, про-

ходить черезъ стѣны и вдругъ ... видитъ мужа, большого Гюи.

Онъ одѣтъ чернорабочимъ и что-то дѣлаетъ надъ стѣною массою, изъ которой какъ будто вырисовываются очертанія лежащихъ человѣческихъ тѣлъ.

Что это? У нихъ нѣтъ головы... Какой ужасъ!

.....

Грубый толчокъ въ плечо вернулъ ее къ сознанію дѣйствительности.

Стоя въ тѣлѣгѣ, Люси, не видя и не слыша окружающаго, какъ-то всѣмъ существомъ своимъ поняла что Гюи въ Парижѣ, и близокъ моментъ, когда она какъ-то сумѣетъ его увидѣть и обо всемъ предупредить.

Колесница на поворотѣ, медленно погромыхая, проѣзжала мимо знакомаго фонтана съ маленькимъ бассейномъ въ аккуратно подстриженномъ англійскомъ скверѣ, у котораго неподвижно и печально сидѣли какія то оборванные, восковыя отъ голода дѣти. Тогда Люси, внезапно рѣшившись, гибкимъ и быстрымъ движеніемъ бросила ключъ и видѣла, какъ онъ сверкнулъ и погрузился въ неглубокую мутную воду.

Тамъ, на площади она смутно запомнила море головъ, блестяшіе штыки солдатъ и стаю голубей, витавшую надъ куполомъ ближайшаго храма.

Когда ее положили на доску, она привычнымъ и дѣтскимъ движеніемъ, точно передъ тѣмъ, какъ войти купаясь въ холодную воду пруда, быстро и застѣнчиво перекрестилась и только спросила:

— А это не очень больно?

Потомъ, чтобы не думать, до боли рельефно вызвала въ своемъ воображеніи образы большого

Гюи и дѣтей и, подхваченная безпощадной машиной, стремительно брошена была подъ ножъ гильотины.

8.

Она не слышала свистящаго звука ножа, упавшаго съ высоты всей своей десятипудовой тяжестью.

Но вдругъ какъ бы ударъ плети съ молниеносной быстротой ожегъ ей плечи и шею.

На миллионы звучащихъ и алыхъ кусковъ вдругъ съ трескомъ разорвалось и упало небо, и она почувствовала вихрь, подхватившій и унесшій ее куда-то.

Потомъ — точно на какой-то лентѣ — еще нѣсколько мгновений пронеслась передъ ней въ обратномъ порядкѣ вся ея жизнь.

Вотъ она вѣнчается — вся, точно цвѣтущая яблоня, въ бѣлой фатѣ.

Вотъ маленькій интимный вечеръ въ Трианонѣ, гдѣ королева и дамы изображаютъ пастушекъ, и гдѣ она впервые познакомилась съ Гюи.

Вотъ монастырь, гдѣ прошли ея дѣвичьи грезы.

А вотъ она, Люсиль, веселая бѣлокурая дѣвочка. Кукла въ розовомъ платьицѣ съ большими синими глазами, которую она укладываетъ спать.

А вотъ и комната — богатая, съ тяжелымъ балдахиномъ старинная спальня въ ихъ бретонскомъ замкѣ, гдѣ впервые раздался ея младенческій крикъ.

И на постелькѣ съ вышитыми графскими гербами — маленькій красный живой комочекъ, медленно шевелящій пальчиками, точно паучокъ.

Это она — новорожденная Люсиль.

Но въ этомъ мѣстѣ Кто-то прекрасный и крылатый, въ одеждѣ изъ молній и голубыхъ солнечныхъ лучей блестящимъ мечомъ пересѣкъ эту нить.

И черная непроглядная тьма и Безглазое тихо ее поглотили...

9.

Узкій лунный серпъ поблѣднѣлъ уже надъ площадью, когда Люси какъ будто пришла въ себя и вновь получила возможность различать окружающее.

Площадь — пуста.

Двѣ фуры пескомъ засыпаютъ кровь.

У края эшафота какія то темныя и робкія фигуры быстрыми неуверенными движеніями копошатся надъ чѣмъ-то, прикрытымъ окровавленнымъ и грязнымъ полотномъ.

Это — тѣла казненныхъ.

Среди нихъ съ невыразимымъ ужасомъ и трепетомъ увидѣла Люси и то, что осталось отъ ея земной оболочки.

Выраженіе спокойствія и знанія было на прелестномъ, точно мраморномъ, почти не измѣнившемся лицѣ.

А рядомъ неподвижное лежало тѣло, и изъ какихъ-то точно трубокъ пересѣченной шеи послѣдними черными сгустками на окровавленную землю точилась кровь.

При видѣ этого ужаса Люси испытала непередаваемую тоску и страхъ:

— Значить, я умерла...

Но въ этотъ моментъ мысль о дѣтяхъ и Гюи захватила все ея существо.

И вотъ къ своей неописуемой радости она убѣдилась, что первымъ же усиленіемъ воли она можетъ видѣть и проникать сквозь стѣны и передвигаться, скользя точно призракъ по прохладному воздуху.

10.

Уже годъ, какъ маркизъ Гюи де Бриенъ потерялъ соприкосновеніе съ дѣтьми и женой.

Сражаясь противъ синихъ въ Бретани, онъ случайно узналъ, что одной изъ адскихъ колоннъ палача Карье, посланнаго конвентомъ на усмиреніе Вандеи, былъ захваченъ и разстрѣлянъ вмѣстѣ съ проводникомъ-крестьяниномъ преданный старый камердинеръ Жанъ, очевидно, везшій ему какія-то извѣстія отъ Люси изъ Парижа.

На мѣстѣ разстрѣла занявшіе потомъ эту мѣстность роялисты нашли въ карманѣ старика какой-то странной формы ключъ.

Письма были отобраны синими.

Съ опаснымъ порученіемъ отъ принца онъ бросился въ Парижъ.

Но нашелъ ихъ прежнее жилище пустымъ.

Люси и дѣти исчезли невѣдомо куда.

Всѣ поиски оказались бесполезны.

Тогда Гюи рѣшилъ, что они всѣ погибли.

По порученію организациі подѣ чужимъ именемъ онъ нанялся сторожемъ въ моргъ, куда послѣ казни свозили тѣла казненныхъ.

Всю эту ночь темная тоска давила его душу.

Опять, какъ тогда, въ моментъ невыразимаго ужаса и отчаянія въ опустѣлой комнатѣ Люси, онъ чувствовалъ, что совершается непоправимое, и онъ безсиленъ помочь.

Чтобы забыться, Гюи механически сталъ про-
сматривать списокъ доставленныхъ сегодня каз-
ненныхъ.

Дойдя до номера 13-го — „молодая женщина
на видъ 26 лѣтъ, по платью поденщица, вѣроятно,
аристократка“, онъ вдругъ ощутилъ у своего
лица чье-то безконечно легкое и нѣжное при-
косновеніе.

Словно голосъ родной и близкій дуновеніемъ
воздуха вошелъ ему въ ухо:

— Я здѣсь. Я здѣсь!..

Тамъ, въ укрытой корзинѣ, въ углу отдѣльно
стояли привезенныя съ площади отрубленныя
головы.

И вотъ, повинуясь какому-то непреодолимому
порыву, Гюи точно въ бреду осторожными и
цѣпкими шагами подошелъ и тихо выпросталъ ея
содержимое.

На него съ выраженіемъ какого-то потусто-
ронняго знанія смотрѣла отрубленная голова его
Люси, которую казнили сегодня утромъ.

Что-то горячее оборвалось и истаяло въ его
груди, и онъ безъ сознанія упалъ на грязный и
скользящій полъ заплываннаго морга.

11.

Дѣти не ѣли уже третьи сутки, и маленькая
Иветта съ невысохшими слезинками на осунув-
шемся восковомъ лицѣ прикурнула въ углу на
книгахъ, всхлипывая и повторяя во снѣ:

— Мама! Мама!

А шатающійся, словно состарившійся Гюи,
изнемогая отъ напряженія, въ десятый разъ на-
прасно старался отвернуть легкую дверь въ по-
лу — люкъ, прикрывавшій входъ въ погребъ съ
припасами.

Не помня себя, Люси бросилась къ нимъ, плача, обнимая, исходя слезами.

— Иветта, Гюи, это—я, я, мама...

Но къ изумленію своему она замѣтила, что ея не слышать и не видятъ.

Тогда поняла Люси, что она ушла изъ міра, и напряженная жизнь, бьющаяся въ тѣлахъ живыхъ, отгораживаетъ ихъ отъ нея какою-то стѣною.

Она поняла, что она, полупризракъ, не властна болѣе надъ тяжелой матеріей тѣлъ и можетъ дѣйствовать, лишь внушая живымъ свои мысли и желанія.

Тогда всею силой любви она начала тихо шептать Гюи на ухо:

— Отверни щеколду, мой милый мальчикъ, и ты войдешь въ погребъ. Отрѣжь ветчины и зачерпни въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ плита, ведромъ воды для Иветы. Папа скоро придетъ.

Мальчикъ, повинувшись вошедшей ему въ ухо мысли, отвернулъ щеколду и пошелъ внизъ по ступенямъ за кусками копченаго мяса.

12.

Нищій брелъ въ свою каморку, у площади Революціи, медленно огибая англійскій скверъ съ фонтаномъ и прудикомъ на поворотѣ.

Онъ былъ слегка навеселѣнъ, и тихая старческая тоска о прошломъ цвѣла въ опустошенной душѣ далекими и сладкими образами счастливаго прошлаго.

— Да, была жизнь...

Вотъ онъ — монахъ, отецъ-привратникъ въ монастырѣ кордельеровъ.

Кровь, уютъ, уваженіе.

Вдругъ волна непреодолимаго и необъяснимаго страха пригнула и свела дрожью его колченогія колѣни.

У водоема, прямо передъ нимъ выросъ въ безлюдномъ скверѣ легкій и колеблющійся, какъ будто слегка голубоватый силуэтъ молодой женщины съ кровавымъ ободкомъ вокругъ шеи:

Она повелительно указала рукой на водоемъ, и въ мозгу у него огненными буквами возникли слова:

— Тутъ, въ водоемѣ ключъ.

— Это ключъ отъ моего тайника. Вынь и снеси на улицу Вожираръ, 22, сторожу морга Шарпантье.

— Я — маркиза. Меня казнили, а тамъ умираютъ дѣти!

13.

Въ бреду — доставленный на домъ изъ морга Гюи де Бріенъ.

А у него изголовья невидимая словно прильнула блѣдная Люси и навѣваетъ любимому видѣнія.

— Пойми, пойми, милый!

Вотъ высокія стѣны монастыря.

Вотъ старый привратникъ съ ключомъ, — помнишь, въ Вандеѣ ключъ! — провожающій меня и дѣтей въ темный погребъ.

Узкій подземный тайникъ. Блѣдныя, блѣдныя, точно мертвыя дѣти—Иветта и маленькій Гюи. Что это? Передъ ними Смерть — бѣлый скелетъ съ оскаленнымъ черепомъ, грызущій отъ голода костлявыя руки. А сверху, точно колеблющаяся тѣнь его Люси — умоляетъ, зоветъ, указываетъ, благословляетъ:

— Къ кордельерамъ. Къ кордельерамъ!

... Вдругъ чье-то знакомое, старческое и бритое лицо ясно отчерчивается передъ нимъ среди несущихся образовъ бреда.

Въ рукахъ нищаго-монаха — ключъ, тотъ тройной итальянскій ключъ, который тогда въ Вандеѣ...

Маркизь де Бриенъ съ усиленіемъ садится на постели и открываетъ глаза.

— Вы, господинъ маркизь... Здѣсь, въ этомъ одѣяніи могильщика. Боже мой! А бѣдная маркиза...

Передъ нимъ — старый нищій, бывшій привратникъ монастыря кордельеровъ. И въ рукахъ его — ключъ.

Ключъ отъ тайника, гдѣ жила Люси, и теперь умирають отъ голода его дѣти.

День 9 Термидора насталь, жаркій и грозный.

Доведенныя до отчаянія, соединившись возстали въ конвентѣ противъ террора всѣ партіи.

Били въ набатъ революціонныя секціи, грохотали барабаны, къ зданію ратуши двигались штыки войска и изступленныя банды оборванцевъ.

На площади ревѣли, чернѣя длинными жерлами, пушки.

Въ этотъ день никого не пропускали на улицахъ Парижа.

А когда на другой день Гюи де Бриенъ, старый привратникъ монастыря и члены роялистской организаціи со спасенными дѣтьми мчались изъ монастыря кордельеровъ, вездѣ по улицамъ уже развивались флаги, и словно давніе друзья обнимались незнакомые люди.

— Свобода! Свобода!

Недалеко отъ поворота ихъ путь пересѣкла странная и мрачная процессія.

Въ передней телѣгѣ полулежа стоналъ рас-трепанный и щуплый человѣкъ съ окровавленной повязкой на сѣро-блѣдномъ незначительномъ лицѣ, вчера еще — глава и олицетвореніе Террора. У него былъ видъ идиота. Онъ вылъ и трясся, поддерживая на раздробленной челюсти окровавленную повязку.

Жандармы указали на него концомъ сабель, и народъ кричалъ:

— Робеспьеръ, Робеспьеръ!

— На эшафотъ тирана! Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ Парижъ, спаситель Революціи.

Гюи съ сухими глазами не слышалъ и не видѣлъ.

Передъ нимъ, какъ на лентѣ, всталъ этотъ городъ, огромный и несчастный, средоточіе смерти, бунта и сладострастія.

Передъ домомъ павшаго диктатора въ изступленіи плясали обезумѣвшія и уродливыя старыя женщины.

Онѣ принесли ведро бычьей крови и — точно одержимыя — кропили ею стѣны дома и народъ и свои безстыдно приподнятыя рваныя юбки.

Въ окнахъ стояли смѣющіяся и задѣвающія публичныя женщины.

А тамъ, на кровавой площади грубая рука палача протянулась къ повязкѣ сѣроблѣднаго человѣка и дала ему пощечину.

Онъ нечеловѣчески завылъ. И черезъ минуту къ его деревянно-стукнувшей по помосту головѣ со всѣхъ сторонъ тянулись жадныя и цѣпкія руки, и гремѣли неистовыя рукоплесканія.

То въ крови и безуміи павшаго Террора каменнымъ хохотомъ смѣялось равнодушное лицо Жизни.

ЧАША ВѢРНЫХЪ.

Силуэтъ.

— *Кысметъ! *)*

„Мигъ у Бога какъ тысяча лѣтъ...

„И нѣтъ никого изъ рожденныхъ женщиной, кто, хотя бы на лезвѣ кинжала, могъ бы отдалить или приблизить то, что написано о немъ въ Книгъ Жизни...

Абдалла промолчалъ и, попросивъ еще табаку, вынулъ изъ своего мѣшка длинный вишневыи чубукъ и старинную серебряную съ чернью трубку.

Такия курятъ у насъ, въ безкрайныхъ степяхъ Украины задумчивые, медлительные, сивочупринные „дѣды“—чумаки, на своихъ круторогихъ волахъ и съ „мазныщами“ дегтя подъ скрипучей телѣгой ѣзжавшіе, бывало, за солью и рыбой изъ Полтавы въ Перекопъ и изъ Конотопа „до Одеста“.

*) Судьба.

Да еще высокіе, какъ патагонцы, полудикіе крымскіе татары-чобаны*), зимою пасущіе стада высоко — высоко надъ мрѣющимъ голубыми далями Чернымъ моремъ, на обрывѣ крутой, опорошенной снѣгомъ и солончаками Яйлы.

Онъ закурилъ трубку и, отказавшись отъ запретнаго для правовѣрныхъ напитка, снова началъ говорить нараспѣвъ, точно читая вслухъ начертанныя арабской вязью суры Корана.

*

„А—а—а—а!

„Мигъ у Бога какъ тысяча лѣтъ...

„И тысячи, и тысячи тысячъ нашихъ лѣтъ человеческихъ меньше передъ престоломъ Алла, чѣмъ мигъ паденія воды, которая изъ опрокинутого кувшина Пророка съ серебрянымъ лепетомъ пролилась на землю...

„Да-а, на землю... На землю, да-а...

„На черную, грѣшную землю, съ которой ты поднялъ меня сегодня...

На землю, въ чреслахъ своихъ погребаящую и снова рождающую всякую дышащую плоть.

На землю, мать сушаго, которая для всѣхъ тварей—какъ смертное и брачное ложе...

„А-а, а-а...

„Слушай, юзь-баши**), дорогой, добрый баринъ!..

„Ты не капитанъ? Ты дѣлаешь сердита рукой? Гей, не сердись, ага-баши...***)

„Ты самъ вѣдь не захотѣлъ, чтобы по линиямъ твоей руки, по этой живой книгѣ, въ которой

*) Пастухъ.

**) Капитанъ.

***) Большой начальникъ.

Кысметъ — судьба людская — пишетъ свои знаки, такіе же, какъ надпись на дамасскомъ клинкѣ ятагана... Ты не захотѣлъ, чтобы я по ней сказалъ тебѣ, что съ тобою было, и что будетъ...

„Видишь: здѣсь, изъ подъ пальца вьется у тебя бѣлая змѣя, кривая и ломаная какъ арабская буква алефъ.

„Это — тоска, тоска!

„Раны сердца и ночи безъ сна“.

„Зачѣмъ, капитанъ, такъ много—много думаетъ ночью твоя голова — такія черныя все думы. И оттого время — мохнатый паукъ — прыдетъ у тебя на вискахъ серебряныя нити. Гей, гей! Нехорошо много думать, ага*), — ничего не поможешь. Только лопаются башка и начинаетъ ходить пьяными ногами сердце.

И ханумъ рядомъ съ тобою, — женщина. Молода она, жадная къ жизни, худая. Деньги ей нужны, много денегъ, шальвары шелковыя, серьги, монисто. Хуже тебѣ отъ нее. Брось, брось ее, говорю тебѣ, капитанъ, наживешь еще бѣду. Сладки женщины русовъ. Но душа у нихъ дерзкая, ложь — ихъ сердце, и страха нѣтъ у ней ни передъ Богомъ, ни передъ мужемъ.

„А будетъ съ тобою плохо, шибко плохо, а потомъ хорошо. Домъ увидишь родной и большой будешь паша. Но умрешь скоро, какъ и и долженъ умереть воинъ, аскеръ.

„Да-а, да-а...

Кысметъ!

Все уходитъ и приходитъ въ свое время... И нѣтъ никого изъ рожденныхъ женщиной, кто, хотя бы и на ширину лезвія кинжала, могъ приблизить или отодвинуть то, что написано о немъ у Аллаха въ Книгѣ Гейять, Книгѣ Жизни“.

*) Титуль образованнаго и военнаго сословія въ Турціи и Закавказьѣ.

Онъ пріостановился и замолкъ.

Было тихо и странно въ комнатѣ, точно въ присутствіи неожиданно вошедшей и угрожающе вставшей въ углу чьей-то родной, близкой тѣни...

За окномъ, замирая, гомозилась послѣдняя, утихающая передъ пасхальной заутреней, вечерняя праздничная суета большого, чуждаго города.

*

— *Ля-ля-иль Алла. Магомедъ-Рассуль Алла!* *)

„Ты знаешь, мы вѣримъ, что Онъ — одинъ... Нѣтъ Бога, кромѣ Бога... И кроткій сынъ Маріи, Исса, — Распятый на крестѣ, не былъ Его сынъ, а только — великій пророкъ... Эге... Великій, очень великій, больше, чѣмъ этотъ, какъ его, пророкъ евреевъ... И онъ вознесся потомъ на небо къ Аллаху...

Но Магометъ — ты это долженъ знать, ага, ты вѣдь офицеръ и знаешь книги — Магометъ, былъ еще больше, чѣмъ Исса, и пришелъ позднѣе...

Но только, знаешь у насъ въ Анатолиіи говорятъ:

— Каждый годъ въ пятницу передъ пятымъ или четвертымъ, не умѣю тебѣ сказать хорошо, весеннимъ новолуніемъ, въ тотъ день, когда и вы, и румъ, и френкъ, и инглизъ, когда вы читаете въ мечетяхъ вашихъ смерть кроткаго ИССЫ, — въ этотъ день омрачается на небѣ и Самъ Предвѣчный.

И — плачетъ...

Да-а, да, капитанъ...

А-а, а-а!

*) Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ — Его Пророкъ.

Алла, Единый и Всемогущий, подымающий солнце надъ землею и зажигающій звѣзды ночью, чтобы они свѣтили вѣрнымъ и невѣрнымъ, — Аллахъ плачетъ въ этотъ день, вспоминая, какъ распяли люди кроткаго Исса...

И какъ онъ умеръ, и какъ спустился въ джаганнамъ — въ адъ, гдѣ въ вѣчномъ пламени мучатся эфриты*) зла и грѣшныя дѣти Пророка...

А-а, а-а!

Плачетъ всесильный Алла и мечомъ Азраила, ангела смерти — Шамъ-Ширъ называется этотъ мечъ, страшный мечъ Палача, губящій все живое — клянется испепелить на землѣ лукавый родъ сыновъ Адама...

А Магометъ, ты спрашиваешь — какъ же Магометъ?.. Я не умѣю сказать тебѣ, что говорить объ этомъ Коранъ. Я — простой носильщикъ, амбаль, а не ходжа... Мать у меня была, видишь ли, черкешенка, родомъ изъ Сванетіи, за богатый калымъ купилъ ее отецъ у паши... А тамъ они чтутъ, одинаково чтутъ и Исса и Магомета...

Я видишь ли, работалъ долго на Каменной дорогѣ у Сухума. И привыкъ и языку научился. Да! Сердце у твоего народа мягкое, русь! Турокъ знаетъ: френкъ — гяуръ, инглизь сто разъ гяуръ, ить**), собака! А русь — русь хорошо, кардашь...***)

А-а, а-а!

Плачетъ Всесильный Алла и хочетъ мечомъ Азраила, ангела смерти, погубить на землѣ змѣиное сѣмя сатаны — Шайтана...

И просить тогда у Бога кроткій сынъ Маріи, чтобы снова послалъ его Аллахъ на самую грѣшную зѣмлю.

*) Духи.

**) Песъ.

***) Братъ. другъ.

Ты знаешь, ага, есть такая земля...

Земля, которую ненавидитъ и проклялъ Богъ, гдѣ, какъ лѣсные звѣри, рѣжутъ и убиваютъ другъ друга ослѣпшіе, забывшіе Бога люди.

Дѣти предають родителей, и матери ѣдятъ младенцевъ, исшедшихъ изъ чрева ихъ, плодъ ихъ безсонныхъ ночей и благословеніе Аллаха.

И сатана Шайтанъ, мрачный отецъ раздора, на трупахъ вѣрныхъ раститъ тамъ изъ земли не пшеницу и не рисъ, и не желтую кукурузу, а только сухой и колючій терновникъ...

Да — страшно, ага... Мнѣ страшно, дорогой, добрый баринъ... Старый Абдалла не можетъ долго думать объ этомъ... Гей, гей... страшны, страшны люди...

Знаешь ты: нѣтъ на землѣ звѣря страшнѣе и злѣе челоуѣка...“

Длинный чубукъ дрогнулъ въ его рукахъ, и старческая, серебряная слеза скатилась съ сиваго, дернувшего уса.

Что это было — тоска ли о прошломъ, боязнь ли будущаго, невѣдомо подстерегавшаго его здѣсь, такого страннаго и чужога въ этомъ болѣшомъ, сѣверномъ городѣ, — Богъ вѣсть...

Но онъ крѣпко затянулся. Изъ трубки полымемъ пыхнулъ дымъ... И уже черезъ мгновение опять важно и эпически размѣренно изъ облака дыма зазвучалъ его дребезжащій голосъ.

*

„На колѣняхъ молитъ Предвѣчнаго кроткій Исса — проситъ снова послать его къ сынамъ Шайтана, чтобы опять распяли его на крестѣ, и чтобы чистой кровью своей приблизить часъ торжества Правды и Возмездія...“

Да, ага...

Нѣтъ никого изъ рожденныхъ женщиной, кто, хотя бы на лезвіе самага остраго кинжала, могъ измѣнить то, что написано о немъ въ Книгѣ Гейять, Книгѣ Жизни...

Но — знаешь, скажу тебѣ, какъ правовѣрный: Чистая и святая кровь, пролитая за вѣру, смертная кровь воина — она не только открываетъ ему рай, но и на длину времени приближаетъ на землѣ царство правды...

Что?

Да, на длину времени...

Какого?

Какъ можетъ сказать тебѣ это, юзь-баши, старый Абдалла.

Мигъ у Бога — точно тысяча лѣтъ...

Все приходитъ и уходитъ въ свое время... И только чистою кровью храбрыхъ стираетъ Богъ времена и сроки, написанные Кысметъ въ Книгѣ Жизни.

„Закрывая крыльями очи свои, склоняются передъ престоломъ Бога херувимы... И Михаилъ, и Азраилъ, и Джебраилъ*), и все сіяющее войско Свѣта. У лѣваго уха Аллаха — Азраилъ, Ангель Смерти, палачъ, губящій все живое. А у праваго Джебраилъ — Ангель Милосердія, заступникъ, и спаситель. И молятъ Всевышняго, чтобы отринулъ Алла эту жертву и послалъ на землю не кроткаго Иссу, а ихъ — съ молніей грома, съ пламенными мечами и трубами — истребить силу сатаны Шайтана и собрать въ полныя кошницы послѣднюю жатву Возмездія на грѣшной землѣ.

*) Арх. Гавріилъ.

И Аллахъ подъемлетъ вѣсы Правосудія.

Гей, ты не знаешь, капитанъ, вѣчныя, страшныя хрустальныя чаши, прозрачныя и бездонныя, какъ опрокинутый куполь неба...

Онѣ — такія огромныя, что на нихъ — вѣрно говорю тебѣ, русь, — на нихъ помѣстилось бы все войско великаго Искандера*), завоевателя всей земли. А вѣдь его не вмѣстили горы отъ Эрзерума до Дербента.

И такія легкія, что — подумай! — даже въ самое послѣднее мгновеніе смерти отъ одной доброй мысли человѣка можетъ до неба подняться полная чаша Наказанія и Грѣха и можетъ до смертнаго ложа опуститься чаша Спасенія и Милости...

Вся судьба міра — на этихъ Вѣсахъ... Но Кысметъ, это — Справедливость... И даже Самъ Алла не можетъ изгладить на скрижаляхъ Вѣчности того, что уже было. И не можетъ отвратить безъ жертвы и подвига того, что по закону Возмездія должно прійти на голову людей за то, что злодѣйскимъ совѣтомъ сердца своего сдѣлали они въ прошломъ“.

„Любитъ Предвѣчный кроткаго Исса и не хочетъ снова принять его чистой жертвы.

И голосомъ громовъ говоритъ ему изъ облака Славы:

— Иди снова въ міръ!.. Иди туда, гдѣ больше всего льются человѣческія слезы и кровь, гдѣ больше всего страдаютъ люди... И — когда Чаша подвига и страданія на Вѣсахъ Справедливости уравновѣситъ Грѣхъ — тогда Я дамъ свершеніе

*) Александръ Великій.

Твоей благостной волѣ... Иди, мой любимый пророкъ!.. А чтобы опять не распяли Тебя и не сдѣлали зла Тебѣ, кроткому, злые и дерзкіе люди, вотъ я посылаю съ Тобой на землю Михаила и Азраила — Вѣстниковъ Моихъ, держащихъ въ рукахъ своихъ одинъ—щитъ побѣды, а другой— карающій мечъ Смерти...

Идите на землю, которая одна изъ всѣхъ странъ стала теперь адомъ сатаны Шайтана.

Идите и вознесите ко мнѣ кровь праведныхъ и храбрыхъ, кровь воиновъ Моихъ, умирающихъ за дѣло правовѣрія въ борьбѣ противъ сыновъ Шайтана. И слезы невинно терпящихъ муку смертную отъ ига невѣрныхъ.

Потому что Богъ — Одинъ, и гяуръ, творящій правду, — воинъ Аллаха. А правовѣрный, творящій зло и грѣхъ, — Ему врагъ.

И Я волю и кровь, и слезы эти въ Чашу Скорбей... А на другую, на противоположную чашу ляжетъ вся кровь насилія и весь гнетъ учиненнаго народомъ грѣха... И, когда Чаша Вѣрныхъ перевѣситъ, тогда—клянусь Мною—въ тотъ мигъ совершится справедливость Моя надъ этой несчастной землей, ставшей адомъ Шайтана на всей неправедной и страждущей землѣ.

И ты знаешь, русь, куда пошли они?... Въ вашу землю, русь!... Это твоя несчастная страна стала Адомъ—джаганнамъ. Да, ага!... Слушай!.. Ты былъ добръ ко мнѣ. И старый Абдалла расскажетъ тебѣ, какую Кысметъ судилъ вамъ Алла, и когда вы увидите правду“.

*

„Гей, гей!

Исполнилъ волю Аллаха кроткій Исса и изъ земли вашей поднялся на небо...

И вознесъ Михаилъ, приѣмлющій источенныя въ бою души храбрыхъ, предъ престоломъ Аллы малый глиняный кувшинецъ... А Азраиль, ангелъ смерти, положилъ къ подножію престола большой желѣзный ключъ, ключъ отъ запертаго моря слезъ человѣческихъ.

Потому что всѣхъ слезъ терпѣнія, которыя собрали они на твоей землѣ, капитанъ, не вмѣстилъ бы ни одинъ сосудъ ни на землѣ, ни на небѣ.

И сказалъ Аллаху кроткій Исса:§

— Ты послалъ меня, Всемогущій, на землю собрать и вознести праведную кровь и слезы людей, пролитыя тамъ въ землѣ русовъ, ставшей адомъ сатаны среди всѣхъ народовъ міра. И мы пошли и исполнили волю Твою. И великаго множества, собраннаго нами, не вмѣщаетъ ни одинъ сосудъ ни на землѣ, ни на небѣ.

Повели же свершиться часу Справедливости. И пусть эта святая кровь и безвинныя слезы людей, пролитыя передъ цѣлымъ міромъ, будутъ послѣдними, которыя такой бездонной пучиною проливаетъ человѣкъ отъ руки человѣка!

Но Алла сказалъ:

— Не цѣлое ли море крови пролила передъ Окомъ Всевышняго эта несчастная земля и внутри, и на своихъ границахъ. Но почему лишь одинъ малый сосудъ праведной крови воиновъ предстоить нынѣ предъ престоломъ?...

И омрачился, и сказалъ кроткому Иссѣ:

— Какъ могло произойти такое несчастье?

И выступилъ впередъ закованный въ панцырь Михаилъ, и закрывъ крыльями лицо свое, склонился передъ престоломъ:

— Моря и моря крови храбрыхъ продились въ этой землѣ, внутри ея и на ея границахъ... Но я не могъ вознести ее къ Престолу Твоему,

Вседержитель, потому что это была не всегда чистая и не во всемъ святая кровь, кровь праведныхъ мстителей Твоихъ, мужественно пошедшихъ навстрѣчу смерти, дабы приблизился часъ Возмездія. Они были храбрые воины... Но они не соблюли обѣта, они смѣшали кровь свою съ виномъ оргій разврата и мысль о вѣрѣ съ помыслами выгоды и добычи... И потому изъ всего моря крови ихъ я могъ вознести передъ Тобой только этотъ малый кувшинецъ.

И отвѣчалъ кроткій Исса:

— Мало праведной крови собралъ Михаилъ. Но не цѣлое ли море безвинныхъ слезъ переполнилось передъ тобою, запертое этимъ ключомъ Азраила. Пусть взвѣсятъ грѣхъ и правду! И море слезъ этихъ,—неужели, Всевышній,—не перевѣситъ оно собою тяжкой чаши Грѣха?..

Но Алла улыбнулся печально и сказалъ:

— О, мой кроткій Исса, о пророкъ, котораго люблю я больше всѣхъ пророковъ! Ты не знаешь, какъ легки подъ насиліемъ слезы людскія, и какъ тяжекъ долгъ подвига, который ищетъ побѣдить зло. А даже и Я не могу изгладить того, что было... И темная власть сатаны Шайтана, пришедшая на землю неправдой и измѣной людской, не пройдетъ прежде, чѣмъ не только слезами терпѣнія и муки, но и праведною кровью воиновъ не будетъ приближенъ часъ Возмездія и Справедливости.

И повелѣлъ Всевышній:

— Да исполнится Справедливость!

И явились вѣсы такіе огромные, что вся земля не вмѣстила бы ихъ, и такіе легкіе, что даже и отъ одной мелькнувшей доброй мысли человѣка можетъ ослабѣть чаша Кары, и перевѣситъ чаша Милосердія...

Да-а, да-а!

Велика и громадна Планина Балкана—поясъ великихъ горъ, бывшій когда-то воротами Турціи... Великъ и тяжелъ онъ, какъ вся земля. Недаромъ это онъ выдавилъ — Черное Море и тяжестью своей поднялъ сѣдой Чатырь-Дагъ*) и крутую стѣну Яйлы надъ обрывомъ Кара-Дейяза**).

А грѣхъ твоего народа, капитанъ, о; онъ былъ на чашѣ Зла больше и тяжелѣе, чѣмъ весь поясъ горъ Балкана.

Акъ***)—царя, падишаха своего безвинно убили русскіе аскеры.

Ты вотъ офицеръ, ага, и много было у Акъ-царя ученыхъ пашей и храбрыхъ мимбаши****) А гдѣ ты былъ, когда его убили?

Почему ты живъ, а его убили?

А вѣдь за его кровь проклята ваша земля и отдана Смерти и сатанѣ Шайтану. И съ тѣхъ поръ только терніи родить ваша страна, и умираютъ и мечутся люди, и матери ѣли младенцевъ, вышедшихъ изъ ихъ утробы.

Да-а, да-а.

И отцерь ключомъ своимъ море слезъ чело-вѣческихъ Азраиль, ангель Смерти. И вскипѣло, какъ огонь, и закружилось воронкой, и вылилось все въ великую чашу Скорбей.

Но гора Грѣха даже и не пошевелинулась на противоположной чашѣ.

Заплакалъ кроткій Исса. И приказалъ Богъ Михаилу лить капля за каплей праведную кровь воиновъ изъ малаго кувшина.

И ты знаешь, ага-баши.

*) Гора въ Крыму.

**) Черное море.

***) Бѣлый царь.

****) Офицеры.

Только первая капля крови излилась въ соленое море слезъ этой Чаши, какъ сразу же дрогнула и поднялась кверху Чаша Грѣха. И огласилось все небо торжествующими кликами войска небеснаго. И лиль Михаилъ до послѣдней капли праведную кровь, пока, наконецъ, не вылилась послѣдняя капля.

И Чаша Зла подымалась все выше и выше. И вотъ задрожала, остановилась и застыла почти наравнѣ, всего на ширину лезвія кинжала не дойдя до уровня...

И сказалъ Алла кроткому Иссъ:

— Ты видишь, мой любимый! Часъ еще не насталь. Но лишь волосъ пространства отдѣляетъ обѣ чаши отъ равновѣсія. И когда еще хотя одной праведной каплей подвига прольется на землѣ этой жертвенная кровь, кровь воиновъ Моихъ, пролитая въ борьбѣ, чтобы приблизить часъ Справедливости, то поднимется Чаша Ада до уровня Чаши Вѣрныхъ.

А тогда даже и первую каплю слезъ перевѣситъ Правда, и свершатся Возмездіе и Справедливость.

„Да, ага...

Такъ говорятъ у насъ въ Анатолиі...

Ты слышалъ?

Почему жъ въ морѣ крови, пролитой вашими аскерами за вашу несчастную страну, почему святой праведной крови воиновъ Аллаха было всего не болѣе малаго кувшина?... А слезы, горькія слезы вашихъ умирающихъ, ты слышалъ—ихъ цѣлое море даже не шевельнетъ Грѣха. Но даже

и единая слеза перевѣситъ чашу, когда святая кровь погибшихъ въ бою уравниваетъ ей жребій на вѣсахъ Справедливости.

Ты былъ добръ ко мнѣ, ага!.. Ты, русь, неправовѣрный, ты одинъ поднялъ меня съ земли, когда я лежалъ на улицѣ одинъ въ вашемъ чужомъ и холодномъ городѣ. И я скажу тебѣ: печаль перестанетъ мучить твою душу, когда ты снова ступишь ногой на землю твоего народа, когда первую раной тѣла прольешь за нее свою кровь...

Да, да, ага!.. Ты былъ добръ ко мнѣ, и мнѣ тебя жаль. Ни слезы, ни нечистая жертва не помогутъ вамъ и вашему умирающему народу.

Цѣлыя моря слезъ Азраила не шевельнутъ чаши Ада...

Когда, когда?.. Когда эта послѣдняя капля крови?..

Ты опять сердишься, ага, ты вскочилъ на ноги и снова требуешь отъ меня отвѣта...

Что можетъ сказать тебѣ бѣдный Абдалла?..

Ты слышалъ—нужна одна, одна капля праведной крови, крови воиновъ...

Чего же ты ждешь еще отъ Аллаха, русь! И почему эта послѣдняя капля крови не можетъ быть—твоя кровь?..

Что можетъ больше сдѣлать для васъ самъ Предвѣчный, не нарушая Справедливости?..

Онъ изрекъ вамъ: послѣдняя капля!..

А вы ждете каждый, чтобы и эту послѣднюю каплю пролилъ не ты, а кто-нибудь другой, русь или румъ, англизь или франкъ...

Нѣтъ, баши.

Можетъ ли упасть съ неба дождь на раскаленную зноемъ почву, если одна капля будетъ ждать, пока родится изъ облака другая?..

Нѣтъ, юзъ-баши.

Нѣтъ никого изъ рожденныхъ женщиной, кто хотя бы на лезвіе кинжала могъ измѣнить то, что написано въ Книгѣ Гейять, Книгѣ Жизни...

Кысметь!..

Все приходитъ и уходитъ въ свое время... Но только праведною кровью храбрыхъ стираетъ Алла времена и сроки, написанные въ Книгѣ Жизни для людей и народовъ.

Абдалла сказалъ.

А-а, а-а...

*

Онъ замолкъ и, закрывъ свои круглые, какъ у сокола, зрачки, погрузился въ думу или дрему... И былъ снова такой, какимъ я нашелъ его — страннаго маской смуглаго, изрытаго оспой кочевой степи лица и широкимъ одѣяніемъ Востока — сидящимъ на холодной землѣ, среди предпраздничной суеты большого чуждаго города.

Сѣдая со смолью копна волосъ поднялась надъ низкимъ морщинистымъ лбомъ, хищный горбатый носъ повисъ и заострился... И онъ сталъ похожъ на большую и зловѣщую птицу ночи, которыхъ мракъ выбрасываетъ иногда къ освѣщенному окну, и въ странныхъ, точно слѣпыхъ метаніяхъ которыхъ чуется темнымъ предчувствіемъ сердца только что ушедшая изъ міра душа, вамъ родная...

— Трыкъ — тркъ — тркъ раздалось рядомъ, точно шелестъ чьихъ-то невидимыхъ крылъ.

Я невольно вздрогнулъ и поднялъ голову...

На столѣ послѣднимъ синимъ ободкомъ умирающаго пламени догорала и тонко звенѣла въ агоніи забытая чающаяся лампа...

Но вотъ за стекломъ въ сине-серебряной мглѣ свѣжей апрѣльской ночи мощно и протяжно родился первый призывный ударъ полночного соборнаго колокола.

То еще разъ возносилъ къ Богу кровь и слезы людскія кроткій Спаситель Исса...

*Всю кровь сердца возьми, Азраилъ, Ангель Смерти:
да волеется въ Чашу Скорбей послѣдняя капля.*

ГЛАВКОМЪ.

Изъ дней агоніи Сѣверо-Западной Арміи.

По независящимъ обстоятельствомъ, связаннымъ съ временемъ и мѣстомъ изданія, рассказъ „Главкомъ“ не могъ быть помѣщенъ въ настоящемъ сборникѣ.

Вмѣсто него включена „Чаша Вѣрныхъ“.

Авторъ.

Содержаніе:

На кручи. Предисловіе.	4
Dum spiro, spero... Силуэтъ.	5
Обыденный. Разказъ.	9
Закладъ Св. Чудотворца Николая. Легенда.	39
Сильнѣ женщины. Легенда.	61
Каменя. Силуэтъ.	71
Сердце народа. Поэма.	81
Лицо жизни. Новелла.	123
Чаша Вѣрныхъ. Силуэтъ.	141

Цѣна 165 мрк.

Готовится къ печати романъ того-же автора
изъ эпохи гражданской войны на Сѣверо-
Западѣ:

„ЧОРТОВЪ ЛОГЪ“

Желтые во Псковѣ.